

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра конституционного права

Информационные технологии как средство обеспечения конституционных прав
и свобод граждан, надлежащего выполнения ими своих обязанностей в
современных условиях

Материалы круглого стола
Минск, 30 марта 2021 г.

Минск, 2021

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
24 мая 2021 г., протокол № 9

Под редакцией Шавцовой А. В.

Рецензенты:

В.К. Ладутько, зам. начальника центра системного анализа Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент;

А.А. Пухов, заместитель декана по научно-исследовательской и научно-образовательной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Информационные технологии как средство обеспечения конституционных прав и свобод граждан, надлежащего выполнения ими своих обязанностей в современных условиях : материалы круглого стола, Минск, 30 марта 2021 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; [под ред. А. В. Шавцовой]. – Минск : БГУ, 2021. – 143 с. – Библиогр. в конце статей.

В сборнике содержатся статьи участников круглого стола «Информационные технологии как средство обеспечения конституционных прав и свобод граждан, надлежащего выполнения ими своих обязанностей в современных условиях», который состоялся в г. Минске 30 марта 2021 г. на базе юридического факультета Белорусского государственного университета.

В сборнике представлены научные исследования авторов, посвященные основным аспектам практики реализации информационных технологий в области обеспечения конституционных прав, свобод и обязанностей граждан в современных условиях развития государства и общества, совершенствованию национального законодательства и правоприменения.

Сборник адресован научной юридической общественности, практическим работникам, преподавателям, студентам, магистрантам и аспирантам юридических факультетов, а также всем, кто интересуется вопросами белорусского конституционализма.

Ответственность за содержание статей несут авторы.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Э.Ю. Анциферова,

Аспирант, магистр юридических наук

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

научный руководитель: Бакун Анна Станиславовна, кандидат
юридических наук, доцент

220089, Беларусь, г. Минск, ул. Московская 17,
edita.antsiferova@yandex.ru

В настоящее время глобальная сеть Интернет играет важную роль в жизни любого современного человека. Сегодня интернет называют основным элементом распространения колоссального объема информации различного вида (аудиовизуальная, текстовая, графическая и т.д.). Это связано с тем, что данная сеть представляет собой наиболее быстрый и выгодный источник распространения информации не только на локальном, но и на мировом уровне, что позволяет открыть новые горизонты развития личности и общества в целом.

Интернет представляет собой широкие возможности для бесконтрольного распространения любого рода информации. Первоначальным документом, закрепившим право искать и передавать информацию является резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О созыве международной конференции по вопросу о свободе информации» от 14 декабря 1946 г. № 59 (I) [1]. Документ гласит: «свобода информации является основным правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы».

Согласно данному документу:

свобода информации подразумевает право повсеместно и беспрепятственно собирать, передавать и опубликовывать информационные сведения;

свобода информации требует не злоупотреблять информацией тех, кто пользуется ее привилегиями;

моральная обязанность любой личности стремиться к выявлению объективных фактов, а также к распространению информации без злостных намерений;

от бдительного и здорового мирового общественного мнения, зависит взаимопонимание и сотрудничество между народами [1].

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. была первым документом, официально указавшим на существование права человека «искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [2, с. 2]. Однако, глядя на данную трактовку с призмы современности, можно с уверенностью сказать, что признак глобальности сеть Интернет не потерял, при этом, территориальный признак получил актуальное развитие. С правовой точки зрения, характеризуя генезис

Интернета ранее, ученое сообщество также отмечало глобальность сети, не имеющей границ, с присущей ему географической анонимностью пользователей.

Согласно правовым взглядам Джека Голдсмита «наблюдаются попытки идентифицировать пользователей по географической принадлежности, с тех пор как Интернет стал использоваться для осуществления коммерческой деятельности. В связи с быстроизменяющимся характером сети Интернет выявилось, что предоставление Интернет-услуг без учета границ неэффективно [3, с. 4]. Полагаем, что сложности определения границ сети Интернет обусловлены трансграничным характером сети.

Важнейшим инструментом теоретического анализа любой правовой категории и его правового регулирования в целом является понятийный аппарат. Современные исследования ученого сообщества характеризуются все большим вниманием к основополагающим понятиям, составляющим базовые теоретические и методологические категории отраслевых дисциплин. Для продолжения исследования по выбранной тематике необходимо уяснить характеристику понятия «Интернет».

Заслуживает внимания трактовка, разработанная Г.Э. Добряковой: «Интернет – международная коммуникационная сеть, целью которой является создание, обмен и потребление информации, построенной на использовании протокола IP и маршрутизации пакетов данных, доступ к которой предоставляется провайдером посредством присвоения уникального IP адреса техническому устройству, с которого и будет осуществляться выход в Сеть» [4, с. 24]. Считаем данную трактовку достаточно емкой, однако не указывающей на все аспекты понятия.

Техническая интерпретация понятия имеет право на существование и состоит в следующем: «интернет – глобальная информационная система, части которой логически взаимосвязаны друг с другом посредством единого адресного пространства, основанного на протоколе TCP/IP» [5]. В данной трактовке сеть Интернет приобретает признак глобальности, а именно расширение пространства сети и их частей на различных уровнях.

В толковом словаре Ожегова интернет понимается как «глобальная система, объединяющая компьютерные сети, а также персональные компьютеры, предназначенная для хранения, поиска и обмена информацией» [6, с. 274]. Считаю данную позицию не совсем верной в связи с тем, что персональные компьютеры являются эксплуатационным прибором и средством автоматизации. Соответственно персональный компьютер – это не часть сети Интернет, а средство доступа в него.

Более обширную трактовку термина дает методический словарь, указывая на важный признак данной сети – интегрированность: «всемирная (глобальная) система компьютерных сетей, интегрированная сетевая система, состоящая из неоднородных коммуникативных сетей, объединенных между собой, объединяющая множество серверов, на которых находится огромный объем информации из разных областей знаний» [7, с. 123]. Полагаем, что

интегрированность сети интернет указывает на объединение разнородных звеньев системы в единую среду, при этом в результате изменений в одном звене наблюдается влияние и преобразование иных.

В большом толковом словаре наблюдаются достаточно общие характеристики Интернета: «Всемирная компьютерная сеть электронной связи, позволяющая пользователям персональных компьютеров, находясь на любом расстоянии, в любой точке земного шара, иметь связь друг с другом, принимать и передавать текстовую и изобразительную информации» [8, с. 639]. Соответственно, интернет образует глобальное информационное пространство, собирающее в себе не только информацию, но и различные виды интеллектуальной собственности, которые возможно передавать на различных расстояниях.

Так, достаточно емкое определение предлагает С.В. Коростелева: «Интернет представляет собой один из способов передачи информации в телекоммуникационной сети посредством использования средств массовой информации и персональной связи» [5, с. 35]. Резюмируя данное положение, можно говорить о интернете как средстве открытого хранения и распространения информации.

Согласно точке зрения Чауской, «интернет – это средство, посредством которого может обеспечиваться объективная форма выражения результатов интеллектуальной деятельности и свободный доступ к ним (обнародование), а также позволяющее использовать указанные результаты, как в целях извлечения прибыли, так и без такой цели» [9, с. 24]. Таким образом, термин Интернет используется в правовом обороте как полиаспектное явление, имеющее различные цели.

Основным источником информации, получаемой из сети Интернет, являются интернет – сайты, однако их статус до сих пор не определен в законодательстве, что порождает возникновение спорных моментов. Статья 993 ГК оставляет перечень открытым, указывая на существование иных объектов, к которым можно отнести и интернет – сайт [10, ст. 993]. Глобальная сеть Интернет состоит из сайтов, которые представляют собой совокупность объектов, в основе которых может лежать компьютерная программа, дизайн сайта в целом и каждой страницы в отдельности, наполняемость объектами интеллектуальной собственности.

Современная жизнь – это мир информационного разнообразия: это жизнь среди высоких скоростей, информационных потоков, льющихся отовсюду, среди массивов «больших данных», которые накапливаются быстрее, чем их возможно обработать. На данный момент, общество уже невозможно представить без существующей сегодня скорости обмена информацией и без многообразия цифровых устройств, которые используются ежедневно. Развитие такой динамичной и необычной отрасли происходит, в том числе, и под влиянием зарубежной практики и тенденций. Именно поэтому при анализе и планировании развития отечественного законодательства необходимо принимать во внимание и зарубежный опыт.

Г. Дунран рассматривает понятие достаточно узко: «Интернет – это цепь компьютерных сетей, рассматриваемая как простое средство обмена электронной информацией между бизнесом и всем остальным миром» [11]. Полагаем, что в данной трактовке мы наблюдаем универсальность сети Интернет, которую используют для построения бизнеса, глобальных корпоративных сетей, а также в обыденной повседневности. Естественно, что появление сети Интернет упростило многие процессы поиска, анализа и сбора информации, а также позволило работать с ней в режиме прямого подключения.

Соответственно, существует ряд понятий зарубежного законодателя, интересных в наличии определённых специфических характеристик сети Интернет на которые стоит обратить внимание. Одни из них в процессе исторического развития, потеряли свою значимость, другие имеют новаторские черты, которые можно использовать при трактовании данного понятия в Республике Беларусь. Однако, на текущем этапе можно с уверенностью утверждать, что в современное белорусское законодательство необходимо внести дополнения и изменения.

Анализ различных точек зрения показывает неоднозначность, а иногда и противоположность подходов ученых к категории интернет, его характеристике и содержанию. При этом не только правовые характеристики сети Интернет имеют важное положение, но и обыденные представления, которые проявляются в многообразии действий пользователей Сети, исходя из которых происходит нарушение норм. Таким образом, понятие сети Интернет трактуются по-разному теми, кто берет его на вооружение, поскольку, огромное влияние оказывают конкретно-исторические обстоятельства, интересы классов, зависящие от реального отношения к ценностям.

Исследование имеющейся литературы, а также массива мнений ученого сообщества позволило сделать вывод, что в настоящее время под термином «Интернет» с технической точки зрения понимают информационно-телекоммуникационную сеть, посредством которой осуществляется передача информации. Соответственно, с позиций естествознания интернет – это глобальная система сетей, созданная для непосредственного хранения, использования и передачи информации различным субъектам на всевозможных расстояниях.

Анализ научных трудов ученых-цивилистов в области изучения понятия сети Интернет показал, что юридическая наука нуждается в универсальном понимании указанного понятия. Это позволило бы объединить теорию и практику в исследуемой области и закрепить выработанную в теории права дефиницию сети Интернет в действующем законодательстве.

Для правильного понимания рассмотренной категории в правоприменительной и судебной практике следует закрепить ее дефиницию в законодательстве Республики Беларусь, так как правильное применение данной трактовки способно повысить качество и эффективность правотворчества и правоприменения.

На сегодняшний день информатизация общества является неотъемлемой частью нашей жизни. Ежедневно мы сталкиваемся с различного рода цифровой информацией вне зависимости от нашей воли. К тому же, современные технологии порождают не только новые возможности для использования и распространения информации, но и создают новые области, нуждающиеся в правовом регулировании. С каждым днем процессы информатизации развиваются все стремительнее, при этом, возникает необходимость повышения качества правового регулирования данного направления.

Проанализировав исторические предпосылки возникновения сети Интернет, понятийный аппарат в Республике Беларусь и ряде зарубежных стран, можно сделать вывод о том, что некоторые из имеющихся за рубежом характеристик, определенно, достойны пристального внимания. Следование мировым трендам в законодательстве – залог «неизолированности» рынка и его развития на мировой арене.

Как нам всем известно, информация, представленная в различной форме, может быть воспринята неограниченным кругом пользователей в любое время, а также любым членом общества. Имеющие открытый доступ мнения и комментарии, ранее преобразованные в цифровую форму и загруженные в Интернет, становятся достаточно легкой добычей для нарушителей основных прав и свобод личности. В условиях отсутствия эффективных механизмов контроля распространения подавляющего количества информации, возникает угроза массового нарушения прав соответствующих субъектов. Поэтому необходимо не только контролировать деятельность провайдеров и иных пользователей сети Интернет, но и изыскивать дополнительные способы защиты законных интересов правообладателей.

С учетом развития современных технологий пробел между требованием законодательства и реальной практикой увеличивается: возрастает количество недобросовестных пользователей Сети, в огромных масштабах осуществляется распространение лживой информации и т.п. Усугубляет ситуацию уровень правовой культуры, при котором большинство пользователей Сети не знают о своих правах, в следствие чего происходит их нарушение.

Возможность отследить и установить факт нарушения прав человека, а также выявить конкретных нарушителей, препятствовать распространению информации в сети, ее искажения и т.п. – все это представляется крайне затруднительным в условиях глобальности и невероятной скорости интернета. К тому же следует учитывать, что технологии модернизируются практически ежедневно, что только усугубляет сложившуюся ситуацию. Поэтому, на наш взгляд, наилучшим решением для охраны информации будет совершенствование юридических и технических средств защиты, а также установление ответственности за данные нарушения.

В связи с вышесказанным считаем необходимым уточнение правового регулирования отношений в сети Интернет в соответствии с

действительностью, а также совершенствование не только правовых, но и технических средств защиты прав и свобод граждан.

Список использованных источников:

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1946 г. № 59 (I) «О созыве международной конференции по вопросу о свободе информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medialaw.asia/document/-430>. – Дата доступа: 15.09.2020.
2. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. – Минск: Амалфея, 2012. – 28 с.
3. Чаусская, О. А. Применение норм гражданского права: Вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. А. Чаусская; Саратовская государственная академия права, 2002. – 206 с.
4. Добрякова, Г.Э. Оборот исключительного права в Интернет-среде: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 / Г.Э. Добрякова; Российский государственный институт интеллектуальной собственности, 2013. – 189 с.
5. Коростелева, С. В. Личные неимущественные права авторов и особенности их реализации в Интернет: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.В. Коростелева; Российский государственный институт интеллектуальной собственности, 2006. – 160 с.
6. Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4 – е изд., М.: Высшая школа, 1993. — 944 с.
7. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. Словарь методических терминов и понятий / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — 2 – е изд., М.: Издательство ИКАР, 2009. — 564 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
9. Чаусская, О. А. Применение норм гражданского права: Вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. А. Чаусская; Саратовская государственная академия права, 2002. – 206 с.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона от 04.05.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
11. Summer, A, Dunlap, Gr. E-COMMERCE. Маркетинг: Пятая волна. – М.: ИКД «Зерцало-М»Русская редакция, 1999. – С.30–37.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Д.В. Белявцева

*Доцент кафедры политологии юридического факультета
кандидат политических наук, доцент,*

*Белорусский государственный университет
220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4,
belyavtseva@mail.ru*

Идеи создания новой формы взаимодействия государства и общества на основе информационно-коммуникативных технологий возникли еще в конце 70-х годов XX века. Первые попытки их реализации были отмечены на уровне местного управления и самоуправления в США. Например, в штате Огайо появилось так называемое «электронное общегородское собрание», которое было результатом установки городской телеметрической системы во всех домах города, с помощью которой граждане могли наблюдать за работой плановой комиссии местной администрации, а при желании и выражать свое мнение путем кнопочного голосования.

В 80-е годы XX в с появлением информационно-сетевых технологий с энтузиазмом начала внедряться концепция «электронного города». Основой этой идеи стало создание общинных и городских электронных сетей, доступ к которым имел каждый житель города. В США и Канаде функционирование подобных проектов было основано на использовании сети Интернет, а также так называемых «свободных сетей», которые обеспечивали свободный доступ к информации государственного и муниципального уровня и стали площадкой для «электоральных дискуссий». Помимо этого, со временем для повышения активности граждан на выборах стало возможным применение кабельных сетей.

В Европе также с большим интересом была подхвачена идея электронного города. Так, в Германии проект под названием «международный город» (International Stadt) позиционировал город как социальный феномен в рамках Интернета, который стал местом встреч, собраний, обсуждений, а также центром общения и информации с предоставлением соответствующего перечня услуг. Такой электронный город был, по сути, продолжением реального города с электронными галереями, клубами, газетами. План его развития включал в себя облегчение доступа к Интернету, предоставление муниципальными и государственными органами информации для общественности, социальное сплочение граждан. Проекты «международного

электронного города были успешно реализованы в Вене (Австрия), Берлине и Бремене (Германия), Амстердаме (Нидерланды) и ряде других городов Европы.

Можно сказать, что прогрессирующие информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) стали не только средством обеспечения, но также и фактором переосмысления и создания новых целей в сфере государственного управления. Именно в условиях информационной революции и перехода к информационному обществу стало актуальным и раскрылось понимание социальной открытости как открытости информационной, а открытое государство с конца XX века предполагается как такое, где публичные органы и должностные лица во многом являются транспарентными и подотчетными гражданам в большей мере именно посредством ИКТ.

В 1993 началось активное проникновение в киберпространство и госструктур. В США появился первый официальный интернет-сайт, принадлежащий Белому дому. С начала 1995 года в Соединенных штатах органы государственной власти начали создавать собственную электронную почту, что к 1998 г. уже стало общепринятой практикой [1, с. 84]. С конца 90-х годов государства с любым типом политического режима стали активно заниматься созданием платформ для функционирования электронного правительства в своих странах.

К 2000-м годам в связи со стремительным развитием Интернета возникли абсолютно новые способы развития и совершенствования управленческих и демократических процедур, что оснастило так называемое «государство в сети» еще большими возможностями.

Совокупным выражением практик и планов создания открытого государства стала концепция «электронного правительства» (e-Government).

Все многообразие трактовок понятия «электронное правительство» (ЭП) можно свести к двум группам. ЭП в узком смысле – это использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов государственной власти (в оказании услуг населению и бизнесу, организации государственных закупок, осуществления финансовых операций и предоставления информации). ЭП в широком смысле – процесс трансформации внутренних и внешних взаимодействий в системах общественного управления, обеспечиваемый внедрением информационных и телекоммуникационных средств, с целью оптимизации управления, улучшения качества обслуживания населения и обеспечения конституционных прав граждан.

Термин «электронное правительство» появился именно тогда, когда от внутренней информатизации органов государственной власти и информатизации процессов информационного взаимодействия между государственными структурами перешли к электронному сетевому информационному взаимодействию с гражданами и организациями. Наличие многообразных трактовок понятия «электронное правительство» в

определенной мере затрудняет его конкретизацию, но вместе с тем дает более целостное понимание его сущности и сфер применения в государственном управлении.

Формирование электронного правительства на общегосударственном уровне в Беларуси началось в 2003 году. В рамках государственной программы информатизации «Электронная Беларусь» была сформулирована цель создания информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и компьютеризации государственных учреждений для развертывания на этой основе системы оказания справочных и регистрационных услуг населению с использованием электронных государственных информационных ресурсов и систем.

Структура реализации электронного правительства и мероприятия по углублению электронного взаимодействия граждан и государственных органов представлены в «Национальной программе ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011-2015 годы». В «Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 годы» формулируется задача вхождение в число первых 50 стран в индексе электронного участия ООН. При этом доля, административных процедур и государственных услуг, оказываемых в электронном виде в 2022 году, должна составить не менее 75%. Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы» предусмотрено развитие технологий электронного правительства, в частности модернизация цифровых сервисов и создание новых на принципах их проактивности и комплексности предоставления.

Успешность внедрения электронного правительства можно определить с помощью анализа международных рейтингов, наиболее авторитетными из которых признаны: 1) Рейтинг ООН (ведется с 2003 года); 2) Рейтинг Университета Васеда (Waseda University, Япония, ведется с 2005 года) (см. табл.1).

Таблица 1. Критерии международных рейтингов электронного правительства Университета Васеда и ООН

Примечание – Источник: [2, с.15].

Критерии ООН	Критерии университета Васеда
1	2
1.1 Online service index (уровень онлайн сервисов)	2.1 Required Interface-Functioning Applications (уровень функциональности электронных приложений) 2.2 National Portal (Общенациональный портал)
Показатель определяет качество и количество правительственных ресурсов, их интерактивность	
1.2 Telecommunication Index (уровень телекоммуникации)	2.3. Network Preparedness (уровень готовности инфраструктуры)
Показатель включает оценку среднего количества интернет-пользователей (осуществляющих доступ со стационарных мобильных устройств)	
1.3 Human capital	

index(уровень развития человеческого капитала) Показатель включает оценку уровня образования взрослого населения	
	2.4 Management Optimization (уровень оптимизации управления). Показатель определяет уровень стандартизации реализации функций и предоставления услуг, уровень развития информационных служб правительства
	2.5Government CIO (уровень руководства информационной службой).Показатель является сводным и включает в себя эффективность применения инвестиций в сфере при заданном уровне управления
	2.6 E-Government Promotion(уровень популяризации электронного правительства). Показатель характеризует уровень работы структур, занимающихся продвижением и популяризации электронного правительства

Нужно отметить, что критерии, используемые в этих двух рейтингах, имеют некоторые отличия. Так, критерии Университета Васеда, в значительной степени сосредоточены на организационных факторах, в то время как в рейтинге ООН дополнительно использованы показатели социально-экономического развития (уровень развития человеческого капитала). В этой связи необходимо подчеркнуть, что использование показателей развития человеческого капитала является обоснованным, поскольку процесс совершенствования электронного правительства имеет двухсторонний характер. С одной стороны, внедрение информационных технологий осуществляется в рамках государственного сектора, а с другой, эффективность и успешность созданной системы, ее функционирование во многом зависит от того, насколько общество может принять соответствующие технологии и адаптироваться к ним. Данный фактор, в свою очередь отражается и на темпах модернизации государства и повышения эффективности государственного управления.

Рейтинг развития электронного правительства по оценкам Департамента экономического и социального развития ООН, является составным индексом, который формируется из трех показателей: адекватность телекоммуникационной инфраструктуры, способность человеческих ресурсов (кадров) продвигать и использовать ИКТ, а также доступность онлайн-услуг и контента. Индекс развития электронного правительства (EGDI) на национальном уровне представляет собой сводный индекс, основанный на средневзвешенном значении трех стандартных индексов. Это Индекс телекоммуникационной инфраструктуры (ИТИ), основанный на данных Международного союза электросвязи (МСЭ), Индекс человеческого капитала (НСИ), основанный на данных Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры Организации (ЮНЕСКО), и Индекс онлайн-

услуг (OSI), основанный на данных независимого социологического опроса, который проводит ДЭСВ ООН (с помощью него оценивается уровень национального онлайн-присутствия всех 193 государств-членов ООН). В ходе опроса оценивается ряд функций онлайн-услуг, включая подход к масштабу, открытые государственные данные, электронное участие, многоканальная доставка услуг, услуги мобильной связи, уровень использования и цифровые барьеры, а также новые формы участия посредством применения ИКТ. Сбором этих данных занимается группа научных работников под наблюдением ДЭСВ ООН посредством первичного исследования. В качестве комплексного показателя EGDІ используется для измерения готовности и потенциала государственных учреждений к применению ИКТ для предоставления услуг. Этот показатель необходим чиновникам, представителям правительственных структур, исследователям и представителям гражданского общества и частного сектора для более глубокого понимания относительной позиции страны в использовании электронных форм предоставления услуг [3, с. XIX-XX].

Индекс развития электронных услуг содержит 4 направления оценки: начальное информационное присутствие в сети (Emerginginformationservices) – стадия 1; расширенное информационное присутствие в сети и оказание электронных услуг (Enhancedinformationservices) – стадия 2; оказание онлайн-услуг на основе электронного взаимодействия (Transactional services) – стадия 3; электронные услуги, объединяющие как правительственные структуры между собой, так и обеспечивающие вовлечение граждан в деятельность государственных органов (Connectedservices) – стадия 4.

Организация Объединенных Наций проводит глобальное исследование в области электронного правительства раз в 2 года. По результатам последнего исследования «Электронное правительство 2020. Цифровое правительство в десятилетии действий по достижению устойчивого развития» современный уровень развития белорусского е-правительства позволил государству войти в число 40 стран с индексом готовности к электронному правительству, разместившись на 38 месте (в 2012 году – 61 место, 2014 – 55, 2016 – 49, 2018 – 38) [3]. По сравнению с 2018 годом индекс готовности к электронному правительству Беларуси вырос на 5,8 % в 2020 году. Сохранение позиций в топ-40 стран по уровню развития технологий электронного правительства стало преимущественно результатом проведенной работы в рамках ранее выполненных государственных программ и реализованной Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 – 2020 годы. При этом практические результаты многих проектов названной выше программы станут доступными широкому кругу пользователей по итогам ее завершения с 2021 года (ID-карта для удаленной идентификации, электронные сервисы, реализуемые на базе создаваемых информационных систем, масштабирование проекта «Электронный рецепт» и «Электронная школа» в пределах республики), что повысит уровень применения информационных технологий в государственном секторе и

однозначно окажет влияние на повышение позиции в рассматриваемом рейтинге Беларуси, публикация которого состоится в 2022 году [4].

Во всем мире наблюдается продолжительный рост участия в развитии электронного правительства, причем 65% государств-членов в настоящее время входят в группу с высоким или очень высоким уровнем EGDІ. С 2018 года более 22% исследованных стран перешли в группу с более высоким уровнем EGDІ. Особенно заметным был прогресс в странах, находящихся в особой ситуации (НРС, РСНВМ и МОПГ). Хотя между ранжированием EGDІ и уровнем доходов страны, как правило, существует положительная корреляция, финансовые ресурсы не являются единственным решающим фактором развития электронного правительства. Очень часто сильная политическая воля, стратегическое лидерство и приверженность расширению предоставления цифровых услуг (по Индексу онлайн-услуг, или OSI) позволяют стране достичь более высокого уровня EGDІ, чем можно было бы ожидать в противном случае. Значительно улучшилось предоставление цифровых государственных услуг; в настоящее время более 84% стран предлагают, по крайней мере, одну онлайн-транзакцию, а среднемировой показатель составляет 14. Наиболее распространенными цифровыми услугами, предлагаемыми во всем мире, являются регистрация нового бизнеса, подача заявки на получение лицензии на ведение бизнеса, получение свидетельства о рождении и оплата коммунальных услуг [3, с. XXV].

Представленные данные свидетельствуют, что Республика Беларусь относится к группе стран, непосредственно следующих за лидерами. Она демонстрирует большой потенциал и существенную динамику развития ИКТ в государственном управлении. В топ-10 стран с развитым электронным правительством входят Республика Корея, Эстония, Финляндия, Австралия, Швеция, Великобритания, Новая Зеландия, США, Нидерланды.

Рейтинг развития ЭП ООН является наиболее употребительным в научной литературе при оценке и анализе уровня ЭП в той или иной стране. Содержащиеся в нем сведения помогают государственным органам выявлять сильные и слабые стороны в создании ЭП, корректировать при необходимости стратегию по данному направлению, получать системную оценку тенденций в использовании ИКТ государственными структурами.

Для успеха проекта электронного правительства четкое соблюдение этапов его реализации не является определяющим, однако его построение должно быть сообразно с пониманием конечных целей и проходить с применением новейших информационно-коммуникативных технологий. Международные практики по реализации электронных средств совершенствования государственного управления, предоставляющие новые возможности для коммуникации на качественно ином уровне правительственных структур и представителей общественности и бизнеса, становятся важнейшим инструментом повышения эффективности государственной политики в целом.

Список использованных источников:

1. Ровинская, Т.Л. Электронная демократия в теории и на практике / Т. Л. Ровинская // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. - № 12. – С.84-96.
2. Немец, К.А. Социально-экономические факторы и развитие электронного правительства / К.А. Немец // Российское предпринимательство. – 2012. – № 18 (216) . – С. 14-20.
3. Исследование ООН: Электронное правительство 2020. Цифровое правительство в десятилетии действий по достижению устойчивого развития. – Нью Йорк, 2020. – 362 с.
4. Национальный центр электронных услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nces.by/e-government/>– Дата доступа: 15.03.2021.

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

А.С. Валевко

*старший преподаватель кафедры конституционного права и
государственного управления*

*Полоцкий государственный университет
211440, Беларусь, г. Новополоцк, ул. Мирная 4а-1,
a.nuzhdina@pdu.by*

Недобросовестную конкуренцию можно определить, как деятельность хозяйствующих субъектов желающих достигнуть определенных результатов (выгод) на рынке товаров, работ и услуг посредством применения мер нечестной борьбы по отношению к своим конкурентам.

В юридической науке высказывается много точек зрения относительно момента возникновения рассматриваемого явления. К примеру, Е.А. Исайчева в своей кандидатской диссертации, полагает, что недобросовестная конкуренция возникла в период создания Конституции о ценах императора Зенона (463 г.) [1, с.12].

Российский ученый В.И. Еременко считает что понятие «недобросовестная конкуренция» возникла во Франции в середине 19 века [2, с.9]. Первое законодательное определение появилось в Парижской конвенции по охране промышленной собственности, где под недобросовестной конкуренцией понимается «всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах»[3].

Так или иначе, недобросовестная конкуренция является часто совершаемым противоправным деянием в области рыночных (торговых) отношений.

В Республике Беларусь понятие и формы недобросовестной конкуренции закреплены в Законе «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее—Закон о защите конкуренции) [4].

Белорусский и российский законодатель в законах о защите конкуренции оставил перечень форм недобросовестной конкуренции открытым как раз в силу быстро изменяющихся общественных отношений, для того чтобы оперативно реагировать на появление новых, ранее неизвестных форм недобросовестной конкуренции.

В настоящее время появляется недобросовестная конкуренция и в сети Интернет. Следует отметить, что тенденция роста случаев обнаружения недобросовестной конкуренции в информационной среде заметна в Российской Федерации.

Российские эксперты указывают на следующие факторы, способствующие появлению вышеуказанного обстоятельства:

инструменты онлайн торговли и интернет-рекламы, созданные для дистанционного контакта с потребителем позволяют, а в некоторой степени даже провоцируют недобросовестных предпринимателей использовать чужие средства индивидуализации, элементы фирменного стиля, паразитируя, таким образом, на репутации компаний, известных на соответствующем рынке;

регистрация доменных имен на несуществующих лиц, у иностранных регистраторов, использование хостинга сайтов за рубежом и иные приемы, затрудняющие изобличение нарушителя, а равно привлечение его к ответственности, создают благодатную почву для недобросовестных действий в электронной коммерции [5] .

Типичной формой недобросовестной конкуренции являются действия, которые могут вызвать смешение (т.е. путаницу) в отношении субъектов, товаров, предпринимательской деятельности конкурентов. К таким действиям можно отнести, например, незаконное использование торговым объектом не принадлежащего ему товарного знака, фирменного наименования, географического указания на товарах, их упаковках, вывесках.

В сети Интернет могут быть следующие варианты актов смешения:

регистрация и использование доменных имен включающих или тождественных до степени смешения с товарными знаками и фирменными наименованиями иных лиц;

использование словесных обозначений, тождественных или сходных до степени смешения со средствами индивидуализации - товарными знаками и фирменными наименованиями иных лиц в контенте сайта;

использование словесных обозначений, тождественных или сходных до степени смешения со средствами индивидуализации - товарными знаками и фирменными наименованиями иных лиц в метатегах сайта ("title", "description", "keywords") с целью поискового продвижения;

использование словесных обозначений, тождественных или сходных до степени смешения со средствами индивидуализации - товарными знаками и

фирменными наименованиями иных лиц в контекстной рекламе в качестве ключевых слов или в тексте рекламных объявлений;

регистрация и использование адресов электронной почты включающих или тождественных до степени смешения с товарными знаками и фирменными наименованиями иных лиц [5].

Нередки случаи и связанные с нарушением прав на средства индивидуализации при размещении контекстной рекламы. В Законе Республики Беларусь «О рекламе» отсутствует понятие контекстной рекламы, что является недостатком правового регулирования, учитывая ее наличие в национальном сегменте сети Интернет.

Такой вид рекламы ассоциируется с объявлением, и при ее размещении в сети Интернет необходимо руководствоваться общими требованиями, предъявляемыми к рекламе. Недобросовестная конкуренция в рекламной деятельности обычно проявляется в нарушении прав на товарный знак и фирменное наименование.

В Российской Федерации Федеральной антимонопольной службой (далее–ФАС) в 2019 году были опубликованы разъяснения об использовании средств индивидуализации, в качестве ключевых слов используемых при размещении контекстной рекламы (Письмо от 21 октября 2019 г. №АК/91352/19) [6].

ФАС отметила, что предметом рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства в виде незаконного использования фирменного наименования либо товарного знака является не нарушение исключительного права правообладателя как таковое, а влияние действий лица, в отношении которого подано заявление, на конкурентную среду, выражающееся в возможном смешении услуг разных производителей в силу невозможности для потребителя установить, какое из лиц - владельцев обозначений выступает в качестве поставщика услуги [6]. В результате такого смешения потребитель услуг ошибочно полагает, что поставщиком услуги (производителем товара) является иной субъект.

Возможность смешения возникает в случае, если под воздействием конкретного содержания контекстной рекламы у пользователя может возникнуть впечатление, что при переходе по рекламной ссылке он будет переадресован на сайт правообладателя средства индивидуализации либо сайт, иным образом связанный с правообладателем средства индивидуализации.

Таким образом, обстоятельствами, подлежащими выяснению по таким делам, по мнению ФАС, являются:

реальный риск смешения услуг (товаров) разных производителей, в результате недобросовестного использования средств индивидуализации в контекстной рекламе;

принадлежащее правообладателю обозначение приобрело известность на какой-либо территории как обозначение товаров (услуг), которые реализует (оказывает) именно правообладатель [6].

Для доказывания ФАС предлагает правообладателям проводить социологические опросы, и представлять доказательства рекламирования своих товаров и услуг. Подобной практики придерживается и Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. На сайте МАРТ публикуются приглашения о принятии участия в онлайн-опросах в рамках антимонопольного расследования [7].

Мы приходим к выводу, что для достижения целей правосудия по спорам о нарушении прав на средства индивидуализации и о защите конкуренции в сети Интернет антимонопольным органам, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь, а также судам, неизбежно придется совершенствовать свои знания и исследовать новые для них доказательства, которые уже давно являются традиционными для рынка электронной коммерции, такие как источники трафика сайтов нарушителей по поисковым запросам, статистику переходов (кликов) из рекламных объявлений (в том числе по ключевым словам тождественным средствам индивидуализации) и т.д. для полного и всестороннего исследования дела.

Список использованных источников:

- 1.Исайчева, Е. А. Недобросовестная конкуренция как социально-правовое явление: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е. А. Исайчева; Саратов. государств. академия права. – Саратов, 2011. – 26 с.
2. Еременко, В.И. Законодательство о пресечении недобросовестной конкуренции в зарубежных странах / В.И. Еременко. – М.: ВНИИПИ, 1997. – 182 с.
- 3.Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/paris/index.html> /. – Дата доступа: 14.04.2021
4. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] Закон Респ. Беларусь от 12.12.2013 №94-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 № 275-З // ЭТАЛОН.Законодательство Республики Беларусь/ Нац. Центр правовой информ.Респ.Беларусь. – Минск, 2021
5. Недобросовестная конкуренция в интернете: типичные случаи и способы защиты. – Режим доступа: <https://www.webjustice.ru/blog/nedobrosovestnaa-konkurencia-v-internete-tipicnye-sluciai-i-sposoby-zasity/>. – Дата доступа: 14.04.2021
6. Об использовании средств индивидуализации в качестве ключевых слов [Электронный ресурс]: Письмо ФАС России, 21 окт. 2019 г., N АК/91352/19. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.
7. Приглашаем принять участие в онлайн-опросе в рамках антимонопольного расследования. – Режим доступа: https://mart.gov.by/news/questionary_knigi/. – Дата доступа: 14.04.2021

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Василевич Г.А.,

заведующий кафедрой конституционного права, профессор,

доктор юридических наук,

Белорусский государственный университет,

220020, Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, 8

gregory_1@tut.by

Можно выделить различные гарантии устойчивого общественного развития – политические, экономические, социальные, культурные, юридические. Вообще категории «устойчивость» и «развитие» в определенной степени находятся в определенном противоречии, исключают одна другую. Развитие происходит именно потому, что система находится в динамике. Стабильные системы не развиваются в обычном формате, происходит застой. В историческом плане исследователи полагают, что был застой в 70-е, 80-е годы прошлого столетия. Поэтому говоря об устойчивом развитии, видимо, следует иметь в виду, что развитие (динамические процессы) происходит в тех пределах, за рамками которых начинается разрушение государства, общества. Но определенная турбулентность приемлема. Подчеркнем, что речь идет именно об устойчивом развитии, а не тех конфликтах, которые перерастают в вооруженную, насильственную борьбу.

Обилие юридических конфликтов (и это видно на примере многих государств) препятствует успешному развитию, решению задач в сфере экономики, социальной сферы. Внутриполитическая борьба, когда она принимает радикальные формы, исключает консолидацию общества. Рост юридической конфликтности может свидетельствовать 1) о недостаточной социальной стабильности; 2) о несовершенстве механизма разрешения конфликтов, в том числе уповании преимущественно на юридические процедуры; 3) низком уровне правовой идеологии и правовой культуры должностных лиц, чья деятельность должна быть эталонной, и граждан.

Изучением структуры и динамики конфликтов, юридической конфликтологией должны заниматься научные учреждения, имеющие тесную связь с практикой. Юридические конфликты, условно говоря, это вершина айсберга: истоки в социальной сфере, экономике, а в определенных случаях и в политике. Это характерно для любого государства. Поэтому все происходящие в обществе процессы, свидетельствующие о конфликтах, особенно когда они становятся опасными для устоев общества и государства, также необходимо переосмысливать. Лоскутный подход, отсутствие системного взгляда дают мало пользы.

Государство может динамично развиваться, если имеется активное гражданское общество [1]. Но сейчас гражданское общество чаще проявляет

себя в информационном пространстве. Распространенной является точка зрения, в соответствии с которой под гражданским обществом следует понимать общество, достигшее соответствующего качественного развития. В таком обществе живут люди с активной гражданской позицией, которые могут судить о происходящих процессах в стране сознательно (они не безразличны к нарушениям законности и правопорядка, патриотичны, реализуют свои права и надлежащим образом выполняют свои обязанности, в том числе принимают активное участие в управлении делами государства, развивают самоуправление, учитывают индивидуальные и общественные интересы, реализуют при этом свою позитивную энергию). Опыт зарубежных стран свидетельствует, что качественные характеристики общества, как общества гражданского, выкристаллизовываются постепенно, преодолевая многие трудности на этом пути. Государству необходимо содействовать реализации конструктивной инициативы граждан как на локальном, так и республиканском уровнях. В частности, следует детализировать в законодательстве право граждан на нормотворческую инициативу (имеется в виду инициирование принятия подзаконных актов), в частности, закрепить в соответствующем законе право определенного количества граждан инициировать рассмотрение (принятие) не только законов, но и актов Правительства, ведомственных актов. Полезно было бы предусмотреть процедуру инициирования принятия локальных нормативных правовых актов не только традиционными субъектами, но и отдельными работниками, которые составляют, например, 5-10 % от числа работающих. Полагаем также, что следовало четко определить "уровни нормотворческой деятельности". В настоящее время, например, неясно, может ли сельсовет, поселковый совет проявить нормотворческую инициативу перед Правительством, министерством. Какие последствия такой инициативы: можно ли ее не рассматривать или, наоборот, следует предложение (проект) рассмотреть на заседании (коллегии).

Полагаем, что проявлением гражданского общества является местное самоуправление. Не касаясь работы местных Советов депутатов, обратим внимание на органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию решений Советов, участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах. Таким образом, круг субъектов местного самоуправления достаточно широкий.

Наиболее активная часть гражданского общества – молодежь.

Полезно было бы принять дополнительные меры по вовлечению молодежи, в том числе несовершеннолетних, в процесс решения государственных и общественных дел.

Обычно явное и более широкое разделение с точки зрения объема прав проводится между несовершеннолетними и теми, кто достиг этого возраста. Естественно, что в некоторых сферах эта дифференциация может быть

продолжена, например, при избрании в Парламент, для занятия должности судьи и др.

В литературе обходят вниманием возможные направления более широкого участия несовершеннолетних в избирательном процессе. В статье 64 Конституции Республики Беларусь предусмотрено, что право избирать и быть избранными имеют граждане нашей республики, достигшие 18 лет. В этой связи вполне допустимо в Избирательном кодексе зафиксировать право несовершеннолетних работников принимать участие в собраниях трудовых коллективов по выдвижению кандидатов в депутаты. Тем более, что работающие несовершеннолетние имеют право на эмансипацию. Нами не исключается и более широкий подход – возможность участия лиц, достигших, например, 16 лет, в выдвижении кандидатов на выборные должности путем сбора подписей. В качестве апробации можно было предоставить такое право несовершеннолетним при проведении выборов в местные Советы депутатов первичного и базового уровней.

В настоящее время граждане не столь активны при обсуждении проектов законов и иных нормативных правовых актов. Полагаем, что инициаторам обсуждения проектов следует более широко информировать о начале такой работы молодежные организации, общественные объединения инвалидов. Обсуждение проектов может быть предметом заседания так называемых молодежных парламентов. Заметим, что желательно более активно развивать это движение не столько на уровне области или республики (это тоже необходимо), сколько на местном уровне – на уровне района, сельского Совета, поселка. То есть там, где молодые люди могут увидеть плоды своей «парламентской» работы. Более того, такого рода «парламентские» органы целесообразно создавать в тех территориальных единицах, где нет местных Советов депутатов, тем самым будет обеспечена более тесная связь местного населения с избранными представительными органами.

В современном период, для которого характерен технологический прогресс в виде цифровизации, граждане получают новые возможности для реализации своего права на управление делами государством. Формируется новый уклад общественных отношений постиндустриального общества. Цифровая среда в нынешних условиях влияет на развитие конституционного пространства. В научной литературе обращается внимание на «коллаборативное управление» как проявление электронной демократии: благодаря информационным технологиям существенно расширяются возможности граждан в принятии государственных решений. Такое управление позволяет использовать энергию людей в конструктивном русле.

Информационные коммуникационные технологии (ИКТ) получают внедрение в самых различных сферах жизни общества и государства. Важнейшим направлением их дальнейшей реализации является использование ИКТ в качестве глобальной, универсальной и структурированной площадки для публичного и открытого взаимодействия граждан, органов государственной власти и местного самоуправления. По существу, речь может

идти о дальнейшем углублении демократии (власти народа), которая в современный период приобретает новое звучание – электронная демократия. Используя ИКТ, граждане получают больше возможностей в решении общих социально-значимых проблем, подготовке коллективных обращений в органы государственной власти и местного самоуправления, отслеживать состояние их работы и воздействовать на ее уровень.

Цифровизация социальной жизни привела к появлению ранее неизвестных так называемых цифровых прав, то есть на доступ, использование и публикацию цифровых произведений, использование в этих целях электронных устройств, сети интернет.

Использование информационных технологий способно коренным образом повлиять на отношения государства и человека, содействовать расширению прав и свобод. В политической сфере – использование ИКТ для голосования, обсуждения проектов нормативных актов, рассмотрения обращений граждан, их консультирования. Правильным было бы решение о том, что законодательные акты вступают в силу при условии их опубликования в электронном виде.

Использование информационных технологий позволяет деbüroкратизировать многие отношения. Конечно, человек не должен стать рабом технологий. Ведь ИКТ могут «выхолостить» все живое, превратив процесс человеческого общения, столкновения человеческого разума и эмоций в простой акт нажатия на кнопку компьютера.

Большинство наших граждан знает, как пользоваться интернетом, мобильной связью, оплачивать услуги, используя ИТ. Но все же по телевидению можно было организовывать передачи учебного характера, разъясняющие все возникающие вопросы в данной направленности.

Выделяется несколько направлений, в которых более активно будет происходить и происходит цифровая трансформация, влияющая на правовое пространство, а именно: сфера публичной власти, где выделяется технико-управляющее содержание деятельности органов государственной власти. Происходит оптимизация государственных функций, в частности, в сфере законотворчества, правоприменения, включая процессуальное законодательство.

Применение информационных технологий уже широко апробировано зарубежом при проведении выборов. В наших условиях можно было для начала в порядке эксперимента провести выборы в один из городских Советов депутатов посредством интернет-голосования.

Огромное, постоянно возрастающее число белорусских граждан уже привыкло получать информацию мгновенно, «нажатием кнопки». Свободная и уж тем более бесцензурная доступность информации о положении дел в стране естественным образом формирует запрос на постоянное, а не «от выборов к выборам» участие граждан в политике и управлении.

Поэтому современная демократия, т.е. власть народа, не может сводиться только лишь к «походу к урнам» и им заканчиваться. Демократия заключается

как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникаций и «обратной связи». Растущее количество информации о политике должно перейти в качество политического участия, гражданского самоуправления и контроля. Прежде всего, это – общегражданское обсуждение законопроектов, решений, программ, принимаемых на всех уровнях государственной власти, оценка действующих законов и эффективности их применения.

Граждане, профессиональные, общественные объединения должны иметь возможность заранее «тестировать» все государственные документы. Уже сейчас конструктивная критика со стороны сообществ предпринимателей, учителей, медиков, ученых помогает избежать неудачных решений и, напротив, найти лучшие. Однако нецелесообразно выносить на обсуждение проекты, например, технического характера, требующие специальных знаний. Это превращает инициативу в формальность.

Прежде чем принимать меры по их реализации целесообразно провести интернет-обсуждение. Пока инициатива больше исходит от администраторов сайтов, нежели от официальных структур государства. Институты гражданского общества малоинициативны в продвижении возможностей информационных технологий. Причем здесь важно конструктивное взаимодействие с официальной властью.

Цифровые технологии существенно изменяют качество работы исполнительной власти, например, это касается рассмотрения электронных обращений, оказания услуг. Разрабатываются и внедряются концепции умного дома, города, умного государства, умного правительства. Автоматизируются многие системы (электронные табло, цифровые истории болезни, управление сервисами с помощью смартфонов и т.п.). ИТ обеспечивают выработку алгоритма действий для эффективного использования городской инфраструктуры (управление транспортными потоками, определение мест парковки и др.).

Благодаря ИТ могут быть определены системные меры по осуществлению государственного и общественного контроля, включая мониторинг за деятельностью организаций.

Широкие перспективы и проблемы возникают в сфере обеспечения прав и свобод в связи с внедрением ИТ. Прежде всего, это касается таких прав как право на информацию и право частной жизни. К сфере частного пространства можно отнести такие как право на анонимность, забвение, конфиденциальность, право быть оставленным в покое, право контроля информации о самом себе, право на информационное самоопределение, право на защиту персональных данных; право на доступ в Интернет.

Возникают проблемы с пределами контроля за гражданами. В отдельных странах уже внедряется система социального рейтинга, которая имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Все это диктует необходимость поиска разумного баланса между регулятивными и охранительными нормами.

Потенциал информационных технологий для применения на практике велик. Уже сейчас по опыту других стран можно было бы их использовать для предупреждений правонарушений. Конечно, еще трудно представить, что для обеспечения контроля за местонахождением детей могут использоваться соответствующие чипы, однако чипы можно использовать для поиска угнанных автомобилей. В 2005 г. автором было высказано предположение, что в перспективе отдельные административные дела, например, в области нарушения правил дорожного движения, будут рассматриваться на основе разработанной компьютерной программы. В этом случае меньше было бы злоупотреблений [2, с. 12]. Определенные элементы уже внедрены при фиксации нарушений скоростного режима и привлечении к административной ответственности. В настоящее время, полагаем, следует уже предпринимать меры по возможному рассмотрению с использованием искусственного интеллекта дел о таможенных, налоговых правонарушениях. Именно в этой сфере правовые отношения должны быть наиболее «формализованными»: права, обязанности, ответственность (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность) должны быть четко «описаны» в законе. Это позволит уменьшить коррупцию в данных сферах, в том числе и при разрешении конфликтных ситуаций. Конечно, у гражданина, не согласного с «холодным» расчетом машины, должно быть право на обращение с жалобой к судье в традиционном его понимании. При разрешении дел, связанных с таможенными или налоговыми правонарушениями, вряд ли нужна «импровизация». Субъекты хозяйствования больше жалуются на недопустимую «импровизацию» контролирующих органов. Для последних также может быть создана программа, данные которой могли бы свидетельствовать о необходимости проведения проверки или, наоборот, к отказу от ее проведения. Законность будет также обеспечена транспарентностью судебной практики и признанием юридического (судебного и административного) прецедента в качестве источника права.

В нашей республике назрела необходимость в правовой регламентации создания и функционирования портала, на котором граждане по своей инициативе могли бы открыто высказывать свои предложения по совершенствованию государственного управления, законодательства, вести дискуссию по различным сферам общественной жизни. Тем самым устранялись бы барьеры между человеком и государством [3]

В настоящее время на Правовом форуме проводится обсуждение предложений по изменению и дополнению Конституции. Законотворческая инициатива, а также инициирование рассмотрения и принятия нормативных актов также можно было бы осуществлять с помощью ИТ.

Конституция Республики Беларусь, кодексы, многие другие базовые законодательные акты создают легальные каналы выявления конфликтов и их разрешения, в том числе посредством созданий условий для правомерного

поведения, защиты гражданами своих прав и законных интересов. Оптимальным вариантом является ситуация, когда Конституция отражает социальный компромисс и содержит механизмы разрешения конфликтов. Может быть несколько вариантов исхода конфликта: 1) односторонний выигрыш (проигрыш), 2) взаимный проигрыш, 3) взаимный выигрыш. Самым оптимальным вариантом является вариант взаимного выигрыша, он предполагает сотрудничество. Но по времени желание сотрудничать у сторон конфликтующих не всегда совпадает. Здесь тоже много факторов и уроки истории весьма показательны. В науке указывается на повторяемость конституционных проблем, порождающих конфликты, цикличности политической истории. Важно своевременно находить методы решения проблем. Можно говорить о преодолении конфликта и разрешении конфликта.

Обращаясь к тексту Конституции и говоря о цифровой трансформации, будет уместно напомнить принцип регулирования положения личности, предусмотренный Генеральной Ассамблеей ООН: права, которые человек имеет офлайн (вне сети), должны защищаться и онлайн (в Интернете).

Список использованных источников:

1. Становление гражданского общества: Личность, самоуправление, власть: монография / Под ред. проф. Т.Д. Зражевской. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. – 368 с.
2. Василевич Г.А. Проблемы правовой информатизации. В кн.: Информационные технологии в Республике Беларусь. – 2005. – №2. – С.6-12.
3. Василевич, Г. А. Конституционные гарантии права граждан на информацию / Г. А. Василевич // Материалы II международной научно практической конференции «Правовая информатизация». 28–29 октября 2004 г. – Минск, 2004. – С. 26–27.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛОКАЛЬНЫХ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СИСТЕМЕ МОНИТОРИНГА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В. В. Вознесенский,

*соискатель кафедры конституционного права юридического
факультета*

Белорусский государственный университет,

научный руководитель: Абламейко Мария Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент

220030 Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, 8,

mail_oper@mail.ru

Реализация решений в области построения Республиканской системы мониторинга общественной безопасности (РСМОБ) основывается на

принципах законности, практической эффективности и экономической целесообразности.

Под законностью понимается соответствие существующим правовым нормам, а именно:

- отражающим вопросы функционирования РСМОБ в части права абонентов применять локальные системы видеонаблюдения и ранее установленные устройства [1, ст. 7.4.]; обязанности абонентов обеспечивать регламентное техническое обслуживание систем [1, ст. 7.7]; использования каналов передачи данных единой республиканской системы передачи данных (ЕРСПД) [1, ст. 5] и аппаратного комплекса республиканского центра обработки данных (РЦОД) [1, ст. 5], как условий интеграции с государственными информационными ресурсами для решения поставленных задач;
- регламентирующим требования к использованию государственными органами телекоммуникационных технологий в части размещения ресурсов на РЦОД [2, ст. 4];
- отвечающим организационным и правовым основам охранной деятельности [3, аб. 2, ст. 1] и техническим нормативно-правовым актам (ТНПА) в части организации проектирования, монтажа и обслуживания технических средств охраны, в том числе - систем видеонаблюдения (СВН);
- реализующим государственную политику в сфере противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции в части обеспечения равных условий на рынке локальных систем и устройств видеонаблюдения, как базиса РСМОБ.

Эффективность решений РСМОБ обеспечивается:

- применением в системе в качестве определяющих решений технологий обработки больших данных (BigData), как решения более высокого функционального аналитического порядка, чем распознавание событий, идентификация лиц, автомобильных номеров и т.п.;
- выполнением оператором РСМОБ только специфичных задач, связанных с накоплением, хранением и обработкой больших данных в рассматриваемой области;
- обеспечением оператором РСМОБ гибкости в наращивании возможностей системы путем расширения спектра идентифицируемых и накапливаемых событий, а также элементов интеграции с государственными информационными ресурсами, в первую очередь – с ресурсами МВД (АИС «Паспорт», АСУ «ГАИ-Центр», систем передачи извещений Департамента охраны и т.п.);
- строгим разделением функций по решаемым задачам между субъектами системы: поддержка программной части – технический оператор, аппаратной части – владелец РЦОД, телекоммуникационная сеть – оператор каналов связи, проектирование, монтаж и обслуживание – организации, имеющие лицензию на соответствующие виды деятельности;

- повышением роли уполномоченного органа (МВД), как регулятора и координатора взаимоотношений между субъектами и, непосредственно, абонентами РСМОБ, в том числе – посредством административного воздействия, а также контроля соблюдения требований лицензионной (охранной) деятельности.

При определении экономической целесообразности применения как общесистемных, так локальных решений РСМОБ следует руководствоваться требованиями:

- к экономической прозрачности решений, а именно – четкому представлению абонентам и уполномоченным органам расчета стоимости затрат на все составляющие РСМОБ (содержание аппаратной платформы, программной платформы, каналов передачи данных т.п.);

- недопустимости применения каждым из субъектов в рамках услуги РСМОБ дополнительных услуг, не относящихся непосредственно к функционированию системы и несущих дополнительную экономическую нагрузку на абонента;

- повышения роли уполномоченного органа в подготовке оператором технических условий, а именно – безусловном праве определять количество и места размещения подключаемых к РСМОБ камер для каждого конкретного объекта, – с целью недопущения чрезмерного применения норм регламента, выбора оптимального соотношения эффективности при решении задач обеспечения общественной безопасности и экономической нагрузки на абонента.

Очевидно, что роль уполномоченного органа определяет его статус в РСМОБ – координатора и регулятора взаимоотношений между субъектами системы. При этом координационная составляющая обеспечивается нормативно-правовой базой, относящейся к построению РСМОБ [5,6], при этом регулирующая функция ограничивается функциональным построением и требованиями, предъявляемыми к элементам РСМОБ [7, абз. 3 ст.1], без строгого определения фундаментальной структуры – СВН, как совокупности локальных и распределенных решений, которые являются базисом при построении РСМОБ.

Ошибочным является ассоциация СВН с системой видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности [6, абз. 2, ст.1], так как функционал СВН включает больший объем решаемых задач. В целом, существующий понятийный аппарат, относящийся к СВН, характеризуется рядом противоречий. Так, схожими чертами обладают понятия, опционально схожие с СВН – телевизионная система видеонаблюдения и система охранная телевизионная. При этом первое относится одновременно к инструментарию РСМОБ, где означает составляющую технических средств, дающих возможность наблюдения в режиме реального времени за соблюдением общественного порядка при помощи видеокамер [5, абз. 10, ст. 2], и к инструментарию технических средств охраны (ТСО), где означает совокупность технических средств, предназначенных для видеонаблюдения за

состоянием охраняемого объекта [8, п. 26, ст. 3]. А под системой охранной телевизионной понимается система замкнутого типа, предназначенная для получения телевизионных изображений с охраняемого объекта [9, п.3.51, ст. 3]. В пределах перечисленных понятий наблюдаются как сходства, так и различия в предметной части, а также по решаемым задачам, что определяет необходимость выработки единой дефиниции, включающей вложенный перечень функций – охраны имущества, охраны общественного порядка, противокриминальной защиты [10, п. 3.53, ст. 3] и т.п.

Таким образом, если руководствоваться принципами разделения криминальной функции и функции обеспечения общественного порядка и безопасности, их сочетания в деятельности Департамента охраны, а также если рассматривать понятие СВН (локальных либо распределенных), как более широкое по отношению к РСМОБ, то следует находить приемлемым возложение регулятивной роли в рассматриваемом вопросе на Департамент охраны. При этом следует признать определенную архаичность технического нормирования Департамента охраны как по отношению к правовым нормам РСМОБ, так и к актуальным направлениям развития информационно-технических решений в области безопасности.

Действительно, в существующем правовом поле не определено понятие распределенного (сетевого, облачного) видеонаблюдения, каким, по сути, являются РСМОБ и ряд сервисов, основанных на эксплуатации внешних вычислительных ресурсов (например – услуга «Видеоконтроль» РУП «Белтелеком»). Так же отсутствует нормирование спектра терминов, относящихся к видеоаналитике, как технологии в составе видеонаблюдения, использующей методы компьютерного анализа полученного видеоизображения:

- биометрической идентификации (ключевые термины и определения, основы применения аппаратных и программных средств при распознавании изображений лиц, а также других биометрических модальностей, таких как походка или радужная оболочка, оценка пола, возраста и т.п.) [11];

- ситуационная видеоаналитика (ключевые термины и определения, основы применения аппаратных и программных средств при распознавании и классификации заданных действий совершаемых объектами сцены видеонаблюдения – трекинг, определение свойств предметов, действий людей, в т.ч. скопления, девиантного или агрессивного поведения, демонстрации запрещенной символики, вандализма и т.п.);

- применение технологий BigData в организации обработки, хранения и поиска информации (включая метаданные).

При этом соответствующие технические решения уже находят практическое применение в ряде систем, в т.ч. – в РСМОБ, либо разрабатываются на уровне прототипов.

Однозначное трактование имеющих разночтение понятий, а также введение актуальной терминологии может быть реализовано в разрабатываемом в настоящее время Департаментом охраны техническом

кодексе установившейся практики ТКП «Телевизионные системы видеонаблюдения (системы охранные телевизионные). Правила производства и приемки работ.»), что обеспечит правоприменение как в РСМОБ, так и в целом при разработке СВН для решения функциональных задач.

Однако правоприменению норм и разрабатываемого ТКП, и введенных ТКП, устанавливающих требования Департамента охраны к техническим средствам охраны препятствует тот факт, что ТНПА Департамента охраны не предусматривают в соответствии с текущими законодательными актами и постановлениями Совета Министров Республики Беларусь обязательность для всеобщего применения и прохождение в установленном порядке юридической экспертизы [12, абз. 3, п. 1.1., ст. 1]. При этом ряд положений действующего законодательства в сфере охранной деятельности предполагают возможность придания правового статуса ведомственным ТНПА Департамента охраны:

осуществление государственного регулирования в сфере охранной деятельности Президентом Республики Беларусь, а также Советом Министров Республики Беларусь, включающее в себя лицензирование и подтверждение соответствия ТНПА [3, ст. 4];

ряд полномочий Совета Министров Республики Беларусь, в том числе - государственное регулирование и реализацию государственной политики в сфере охранной деятельности [3, ст. 6].

Учитывая изложенное, очевидным способом придания общеправового статуса ряду ТНПА Департамента охраны является внесение дополнений в полномочия Совета Министров Республики Беларусь, касающихся утверждения перечня нормативных правовых актов (их структурных элементов), в том числе обязательных для соблюдения технических нормативных правовых актов (их структурных элементов), и международных актов (их структурных элементов), содержащих требования по обеспечению охранной деятельности.

Последующим шагом придания общеправового статуса ТНПА Департамента охраны служила бы разработка самостоятельного Постановления Совета Министров «О системе нормирования и стандартизации в охранной деятельности», включающего в себя перечень всех соответствующих ТНПА.

С другой стороны, как уже отмечалось, острота проблемы общеправового статуса ТНПА, регламентирующих охранную деятельность, во многом обусловлена внедрением РСМОБ, которая предусматривает обеспечение функционирования локальных систем видеонаблюдения абонентом РСМОБ, при этом вопрос применения ТНПА, регламентирующих порядок обслуживания или развертывания локальных систем видеонаблюдения, правовой базой РСМОБ не раскрыт.

Учитывая, что уполномоченным органом РСМОБ является Министерство внутренних дел Республики Беларусь, представляется допустимым инициирование МВД дополнений в нормативную базу РСМОБ [1]

о применении соответствующих ТКП Департамента охраны в целях определения порядка обслуживания элементов РСМОБ.

Также ссылка на перечень применимых в охранной деятельности ТНПА может быть предусмотрена в редакциях иных нормативных актов, устанавливающих правовые основы деятельности Департамента охраны, в частности – перечень и типовые формы оказываемых услуг [13].

Прохождение юридической экспертизы ТКП в сфере охранной деятельности послужило бы решению задач по регулированию положения локальных систем видеонаблюдения в составе РСМОБ, и обеспечило бы функцию Департамента охраны в сфере лицензирования и государственного регулирования охранной деятельности.

Таким образом, решение задач повышения эффективности применения локальных и распределенных СВН в составе РСМОБ может быть реализовано при условии следования следующим положениям:

повышения регулятивной роли уполномоченного органа РСМОБ в обеспечении законности, практической эффективности и экономической целесообразности решений РСМОБ путем привлечения правового и научно-практического потенциала Департамента охраны;

введения однозначного трактования имеющих разночтение понятий в отрасли СВН, а также дополнения терминологического аппарата в соответствии с актуальными технологическими решениями в области искусственного интеллекта и видеоаналитики;

прохождения юридической экспертизы имеющихся и разрабатываемых Департаментом охраны ТНПА на основании редакций правовых актов, регламентирующих либо охранную деятельность, либо деятельность по обеспечению функционирования РСМОБ.

Список использованных источников:

1. Постановление Совета Министров, 10 ноября 2017 № 841 (в редакции постановления Совета Министров от 15 мая 2019 № 301) «Об утверждении Положения о республиканской системе мониторинга общественной безопасности и порядке подключения к ней» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2017. – № 5/44391.

2. Указ Президента Республики Беларусь от 23 января 2014 № 46 (в редакции Указов Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2015 № 542, от 16 декабря 2019 № 461) «Об использовании государственными органами и иными государственными организациями телекоммуникационных технологий» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014. – № 1/14787.

3. Закон Республики Беларусь № 175-З от 08 ноября 2006 (в редакции Законов Республики Беларусь от 28 декабря 2009 № 78-З, от 04 мая 2012 № 360-З, от 12 декабря 2013 № 84-З, от 31 декабря 2014 № 227-З, от 09 января 2017 № 14-З) «Об охранной деятельности в Республике Беларусь» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 2/1272.

4. Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 № 94-З (в редакции Законов Республики Беларусь от 08 января 2018 № 98-З, от 18 декабря 2019 № 275-З) «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2013. – № 2/2092.

5. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 №1135 (в редакции Постановлений Совета Министров Республики Беларусь от 13 декабря 2013 г. № 1074, от 11 сентября 2015 г. № 753) «Об утверждении Положения о применении систем безопасности и систем видеонаблюдения» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 5/36608.

6. Указ Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 «О республиканской системе мониторинга общественной безопасности» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2017. – № 1/17081.

7. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 ноября 2019 г. № 296 «О Регламенте функционирования республиканской системы мониторинга общественной безопасности» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2020. – № 8/35079.

8. СТБ 1250-2000. Охрана объектов и физических лиц. Термины и определения = Ахова аб'ектаў і фізічных асоб. Тэрміны і азначэнні.; введ. впервые 27 декабря 2000 г.. – Минск: Госстандарт, 2000. – 13 с.

9. ТКП 472-2013 (02010), Правила технического обслуживания технических систем. = Правілы тэхнічнага абслугоўвання тэхнічных сістэм аховы.; введ. впервые 11 января 2013 г., – Минск: Министерство внутренних дел, 2013. – 52 с.

10. ГОСТ Р 55158-2015, Средства и системы охранные телевизионные. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний.; взамен ГОСТ Р 55158-2008; введ. 22 октября 2014 г., – Москва: Стандартинформ, 2014. – 23 с.

11. ISO/IEC 30137-1:2019, Информационная технология. Использование биометрии в системах видеонаблюдения. Часть 1. Проектирование систем и спецификация. = Information technology — Use of biometrics in video surveillance systems — Part 1: System design and specification; введ. впервые 31 мая 2019, – ISO/IEC JTC 1/SC 37 Биометрия, 2019– 54 с.

12. Указ Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2018 № 135 (в редакции Указов Президента Республики Беларусь от 10 июля 2019 № 265, от 26 ноября 2019 № 429, от 17 ноября 2020 № 415) «Об обязательной юридической экспертизе технических нормативных правовых актов» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2018. – № 1/17639.

13. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 июля 2012 N 632 (в ред. постановлений Совмина от 30 июня 2014 N 630, от 25 мая 2018 N 396) «О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 6 января 2012 г. N 17» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – №5/36013.

СЕТКАВЫЯ СУПОЛЬНАСЦІ Ў ІНФАРМАЦЫЙНАЙ ПРАСТОРАХ: АСОБНЫЯ АСПЕКТЫ КАНСТЫТУЦЫЙНА – ПРАВАВОГА РЭГУЛЯВАННЯ Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

А.Л. Дашкевіч,

*Дэкан факультэта эканомікі і бізнэсу Інстытут прадпрымальніцкай
дзеянасці, дактарант Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт
220033, Беларусь, г. Мінск, вул. Серафімовіча, 11
ipdladminsk@tut.by*

Пранікненне інфармацыйных тэхналогій ва ўсе сферы грамадскага жыцця, іх інтэнсіўнае развіццё, атрымала дадатковыя стымулы ў 2020 годзе ў сувязі з распаўсюджваннем у свеце пандэміі Covid - 19. Вынікі справаздачы Digital 2021, якая была падрыхтавана кампаніяй DataReportal сумесна з We Are Social і Hootsuite, сапраўды ўражваюць. Колькасць інтэрнэт - карыстальнікаў на пачатак 2021 года склала 4,66 млрд. чал. (53% ад насельніцтва свету), што на 316 млн. чал. (7,3%) больш, чым у мінулым годзе, глабальнае пранікненне інтэрнэту - 59,5%, колькасць карыстальнікаў сацыяльных сетак – больш за 4, 2 млрд. чал. (53%), рост у параўнанні з мінулым годам на 490 млн. чал. (13%). У Беларусі на 9,5 млн. жыхароў прыходзіцца 7,82 млн. інтэрнэт - карыстальнікаў (82,8%), сацыяльнымі сеткамі карыстаецца 3,9 млн. чал. (41%) [1].

Сярод сацыяльных сетак высокай наведвальнасцю беларускіх карыстальнікаў адзначаюцца Вконтакте, Instagram, Однокласники, Facebook, TikTok; у дачыненні мэсэнжэраў - Viber, Telegram, Whatsapp, Skupe, Facebook Messenger [2]. Удзельнікі грамадскіх адносін усё больш актыўна выкарыстоўваюць замест рэальнай прасторы рэжым “анлайн”, што становіцца яскравым сведчаннем камунікацыйнай “рэвалюцыі”, якая знімае прасторавыя і часовыя бар’еры ды абмежаванні, увасабляючы адну з важнейшых праяваў метамадэрна [3, с. 44], значна пашыраючы сферу прававога, у тым ліку канстытуцыйна - прававога, рэгулявання.

У гэтых умовах яшчэ больш актуалізуецца праблематыка пераасэнсавання канстытуцыйна-прававых нормаў і вызначэння канстытуцыйна-прававой прыроды тых сацыяльных з’яваў, якія трапляючы ў сферу прававога рэгулявання ва ўмовах фарміравання інфармацыйнага грамадства ўвасабляюцца ў яго новыя аб’екты, што можна прасачыць на прыкладзе сеткавых супольнасцяў¹, на што ўказвае і досвед замежных юрысдыкцый, дзе, як адзначаецца, на гэтым фоне адбываецца безпрэцэдэнтны рост ліку грамадзянскіх аб’яднанняў, групаў аднадумцаў і інтарэсаў, некамерцыйных арганізацый, павышаецца іх удзел у кіраванні сацыяльнымі падзеямі рознага характару [3, с. 44].

¹ У якасці адпаведніка пазначанага паняцця выкарыстоўваюцца і іншыя тэрміны з ідэнтычным ці падобным сэнсам (інтэрнэт - супольнасць, віртуальная супольнасць, анлайн - супольнасць)

У гэтым кантэксце канстытуцыйныя прынцыпы атрымліваюць дадатковую верыфікацыю праз магчымасць іх дастасавання да кіберпрасторы, якая ў многім стварае новую рэальнасць, набывае характар адной са сфер жыцця, разам з зямлёю, вадою, паветрам і космасам, што патрабуе адпаведнай каардынацыі прававых мераў пры супрацоўніцтве ўсіх нацый [4, с. 14]. На неабходнасць рэгламентацыі сацыяльных адносін ў інтэрнэце з боку міжнароднага права і катастрафічнае адстаўненне ад жыццёвых рэалій нарматыўнага рэгулявання звяртаецца ўвага даследчыкаў, канстатуецца, што са свайго боку дзяржавы прадпрымаюць актыўныя спробы ўрэгуляваць грамадскія адносіны ў сетцы інтэрнэт [5, с. 61]. Рэспубліка Беларусь таксама звяртае значную ўвагу на гэтыя пытанні [гл. напр.: 6, 7, 8, 9].

З аднаго боку, інфармацыйныя прастора, якая можа ўспрымацца як новае вымярэнне ўрэгулявання грамадскіх адносін, іх удзельнікі, у тым ліку сеткавыя супольнасці, падпарадкоўваюцца дзейснаму прававому парадку, што распаўсюджваецца ў роўнай ступені на суб'ектаў віртуальных і рэальных адносін. З другога – яна не з'яўляецца люстэркавым адбіткам існуючых грамадскіх дачыненняў і яго суб'екты не тоесныя ў поўнай ступені рэальнаму свету. На гэта пераважна ўплываюць іх уласцівасці, якія фарміруюцца паводле новых магчымасцей і абмежаванняў сацыяльнага ўзаемадзеяння, асаблівасцяў камунікацыі, якая апасродкавана сацыяльна-сеткавымі тэхналогіямі.

У якасці такіх істотных характарыстык вылучаюць віртуальнасць, інтэрактыўнасць, гіпертэкстуальнасць, глабальнасць, крэатыўнасць, ананімнасць, мазаічнасць, з пазначэннем іх наступнага зместу [10, с. 125]. Віртуальнасць азначае сімвалічную рэальнасць, супрацьпастаўленую аб'ектыўнаму свету, якая замяшчае яго з дапамогаю вобразаў, сімулякраў і аналагаў. Інтэрактыўнасць звязваецца з арыентацыяй на індывідуальнае і выбарчае выкарыстанне інфармацыі. У падмурку гіпертэкстуальнасці знаходзіцца ўяўленне аб тэксце, які дазваляе карыстальніку самому мадэляваць і арганізоўваць тэкставую прастору зручным для яго чынам. Глобальнасць камунікацыі вызначаецца максімальна магчымым пашырэннем прасторы, у межах якой рэалізуюцца розныя віды адносін. Крэатыўнасць грунтуецца на тым, што віртуальная прастора дае чалавеку максімум магчымасцяў для канструктыўнай дзейнасці, дазваляя вынаходніцтва мноства самапрэзентацый. Ананімнасць дапамагае стварыць нязмушаную атмасферу для самапрэзентацыі. Мазаічнасць камунікацыі засноўваецца на адсутнасці цэнтру, які ўпарадкоўвае, і перэферыі, якая ўпарадкоўваецца, у выніку сацыякультурная прастора стварае пэўнага роду хаатычныя (мазаічныя) структуры. Трэба звярнуць увагу і на такую якасць сацыяльнай камунікацыі ў інфармацыйнай прасторы, як салідарнасць, якая характарызуецца тым, што ўдзельнікі такой камунікацыі свядома і інтуітыўна падзяляюць некаторыя ўстаноўкі, стандарты паводзін і калектыўныя каштоўнасці ў той меры, у якой гэта дазваляе дзейнічаць разам [3, с. 44]. Іх змест дазваляе не толькі зафіксаваць праламленне сацыяльнай сутнасці з'явы праз інтэрнэт-прастору, але і вызначае неабходнасць вылучэння новых паняццяў, зыходзячы з

пашырэння суб'ектнага складу грамадскіх адносінаў, іх увасаблення ў легальным замацаванні.

У гэтых варунках трэба пагадзіцца з тым, што трэба адрозніваць уласна “права на інтэрнэт” і рэалізацыю правоў і свабоды праз інтэрнэт. Прызнанне доступа да інтэрнэта ў якасці асобнага права, зыходзячы з ўяўлення аб ім, як надзвычайна значнай даброце, і тое, што з гэтага вынікае, неабходнасць забеспячэння “анлайн” усіх традыцыйных правоў чалавека, створыць неабходны падмурак для прававога рэгулявання ў лічбавай прасторы [11, с. 45].

Права і свабоды чалавека ў рэальным свеце і інфармацыйнай прасторы, нягледзячы на розныя спосабы сваёй рэалізацыі, павінны ў аднолькавай ступені гарантавацца і абараняцца дзяржавай. Асаблівае значэнне набываюць адказныя паводзіны ўсіх удзельнікаў інфармацыйных працэсаў, а таксама выпрацоўка агульных правіл камунікацыі ў інфармацыйнай прасторы, заснаваных на прызнанні ідэнтычнасці правоў і абавязкаў у існуючай рэальнасці (фізічным свеце) і віртуальнай прасторы [7, п. 41]. Такі падыход грунтуецца на ўніверсальнасці і ўсеагульнасці канстытуцыйных прынцыпаў у галіне правоў чалавека ў дачыненні ўсіх сфер жыццядзейнасці.

Канстытуцыя замацоўвае права на свабоду аб'яднанняў, якое ў спалучэнні з правам на інфармацыю [12, арт. 34, 36], зразумела не адмаўляючы значэнне і іншых канстытуцыйных палажэнняў, ва ўмовах фактычнай адсутнасці непасрэднага рэгулявання яго рэалізацыі ў межах інфармацыйнай прасторы, можа ўспрымацца ў якасці падставы для вызначэння канкрэтнага канстытуцыйна-прававога механізму адносна стварэння і дзейнасці сеткавых супольнасцяў, у тым ліку праз разгляд магчымасці ўвядзенне ў легальны ўжытак паняцця грамадскага фарміравання ў рэжыме “анлайн”, з шырокім пералікам падставаў для дыферэнцыяцыі.

Акрамя таго, ва ўмовах глабалізацыі нельга ігнараваць тэндэнцыі інтэрналізацыі канстытуцыйнага права і канстытуцыяналізацыі міжнароднага права, гэта значыць фарміравання ўніверсальных і рэгіянальных стандартаў, якіх павінны прытрымлівацца дзяржавы ў працэсе прававога рэгулявання [13, с. 18-19]. У гэтай сувязі выказваецца меркаванне аб фарміраванні міжнароднага канстытуцыйнага права, у межах якога стандарты ў галіне правоў чалавека набываюць субсідыярную ролю, калі канстытуцыйныя правы на нацыянальным узроўні не рэалізуюцца ці рэалізуюцца не належным чынам, адначасова ўлічваецца магчымасць іх канкрэтызацыі ў нацыянальных прававых сістэмах [14, с. 77].

Абумоўленыя пазначанымі асаблівасцямі, стварэнне і функцыянаванне сеткавых супольнасцяў, уваходзіць у сферу канстытуцыйна-прававога рэгулявання і падпадае пад рэгулятыўнае ўздзеянне комплекса канстытуцыйных прынцыпаў і нормаў, сярод якіх, вызначальнае для ўсёй інфармацыйнай прасторы права на інфармацыю, якое спалучаецца з правам на свабоду аб'яднанняў і іншымі канстытуцыйнымі правамі і свабодамі, якія могуць прысутнічаць іманентна. У гэтым выпадку мы маем справу з

рэалізацыяй гэтых правоў праз інтэрнэт, адпаведныя сацыяльныя сеткі і мэсэнжэры, з улікам іх спецыфікі. Але, зразумела, што такая сітуацыя патрабуе трансфармацыі канстытуцыйна-прававога рэгулявання для забеспячэння яго прыдатнасці на ўзроўні канкрэтных канстытуцыйна-прававых адносін.

Спіс літаратуры:

1. Digital 2021 Global Overview Report (January 2021) v01 from DataReportal // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.slideshare.net/DataReportal>. – Дата доступа: 29.03.2021.
2. Использование социальных сетей и мессенджеров в Беларуси - какие платформы в ТОПе // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marketing.by/analitika/ispolzovanie-sotsialnykh-setey-i-messendzherov-v-belarusi-reyting-populyarnosti-i-auditornye-redpoch/?fbclid=IwAR1vAmFdQX9_IROTZN0dCYfasmTeswzYKEWrwbmkFQgs-eEKJV94RThGar8. – Дата доступа: 29.03.2021.
3. Перепелица, Е.В. Гражданское участие в эпоху метамодерна / Е.В. Перепелица // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. – 2020. – Выпуск №22. – С. 41–54.
4. Перчаткина, С.А. Социальные интернет сети: правовые аспекты / С.А. Перчаткина, М.Е. Черемесинова, А.М. Цирин, М.А. Цирина, Ф.В. Цомартава // Журнал российского права. – 2012. - №5. – С. 14–24.
5. Лепешков, Ю.А. Международно-правовое регулирование функционирования сети интернет: перспективы развития / Ю.А. Лепешков // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов. – 2011. – Выпуск 3. - С. 60–66.
6. О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь" (вместе с "Положением о независимом регуляторе в сфере информационно-коммуникационных технологий"): Указ Президента Республики Беларусь, 8 ноября 2011г. №515 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
7. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Республики Беларусь, 10 ноября 2008 г. № 455-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
8. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г. №1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
9. О Государственной программе "Цифровое развитие Беларуси" на 2021 - 2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 февраля 2021г. №66 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

10. Сергодеев, В. А. Сетевые Интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики / В. А. Сергодеев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». - Выпуск No 1 (113). - 2013. - С. 122-127.
11. Варламова, Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека / Н.В. Варламова // Труды института государства и права РАН. – 2019. – Том 14. - №4. – С. 9-46.
12. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
13. Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / Под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. – М.: ИГП РАН, 2017. – 224 с.
14. Руденко, В. В. Конституционное право в системе международного права / В.В. Руденко // Вестник Сургутского государственного университета. - 2020. - № 2 (28). - С. 75-80.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д.М. Демичев,

*доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой теории
и истории права*

*Белорусский государственный экономический университет,
220070, Беларусь, г. Минск, Партизанский просп.26
ktip@bseu.by*

На самых различных этапах существования человеческого общества данная проблема, фактически оставаясь социально-правовой, в зависимости от политики находящихся у власти классов, неизменно приобретала то духовно-религиозное, то нравственно-этическое, то философско-культурное звучание.

Процесс развития человека в значительной мере зависит от объема и характера его прав и свобод, которые на всех этапах были предметом острых классовых столкновений за их обладание и расширение.

Зарождение идей прав человека, возникновение принципа гражданства в V-VI вв. до н.э. в древних полисах (Афинах и Риме) явились крупным шагом на пути движения к свободе и прогрессу.

В период средневековья в феодальном обществе права и свободы человека были крайне ограничены. Сословная иерархия, система внеэкономического принуждения порождали произвол, культ силы, систематическое насилие и в конечном итоге всеобщее бесправие абсолютного

большинства. Первые попытки по ограничению власти и прав монархии в результате противостояния короля, баронов и рыцарства были предприняты в Англии с принятием в 1215 г. Великой Хартии Вольностей. В этом документе были установлены правила для монарха, которым он должен был следовать, а власть монарха была соединена с сословным представительством.

С развитием и укреплением буржуазного строя, усилением власти буржуазного сословия, требовавшего ограничения абсолютизма, в Великобритании был принят Акт об устройении 1701 г., который учредил верховенство парламента в области законодательства, принцип несменяемости судей, запрет королевским министрам быть членами парламента.

Дальнейшее развитие идеалов свободы и прав человека, заложенных в философии Просвещения, учении древнегреческих философов, естественно-правовой доктрине, в Великой хартии вольностей 1215 г., Петиции о праве 1628 г., Habeas Corpus Акте 1679 г., Билле о правах человека 1689 г., Акте об устройении 1701 г., осуществлялось на американском континенте. В период борьбы за победу буржуазно-демократической и антиколониальной революции получило развитие учение естественного права, в которое существенный вклад внесли Т. Пейн² и Т. Джефферсон³.

В Декларации прав Вирджинии 1776 г. провозглашался гуманистический заряд, в соответствии с которым все люди по природе являются в равной степени свободными, независимыми и обладают определенными прирожденными правами, коих они – при вступлении в общественное состояние – не могут лишиться себя и своих потомков каким-либо соглашением, а именно правом на жизнь и свободу, правом на стремление к счастью и безопасности.

В данной Декларации впервые на государственном уровне закреплено определение прав человека. По оценке К. Маркса, США – это страна, «где возникла впервые ... идея великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века» [1, с. 17].

Заложенные в Декларации прав Вирджинии идеи прав человека трансформировались в Декларации Независимости США от 4 июля 1776 г., в которой провозглашалось: «Мы считаем самоочевидными истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определёнными неотъемлемыми

² *Пейн, Томас* (1737-1809) – американский политический деятель и публицист, просветитель радикального направления. Родился в Великобритании. С 1774 г. – в Северной Америке. Участник Войны за независимость 1775-1783 гг. Отстаивал идеи суверенитета народа и его право на революционное восстание, в том числе право свергать правительство, вышедшее из под его контроля: «Когда все остальные права попорчены, право на восстание становится бесспорным».

³ *Джефферсон, Томас* (1743-1826) – американский политический деятель, просветитель, идеолог демократического направления в период Войны за независимость в Сев. Америке 1775-83 гг., автор проекта Декларации независимости США, третий президент США в 1801-1809 гг., государственный секретарь (1790-93), вице-президент США (1797-1801).

правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью» [2, с. 3 – 7].

В первой в мире писаной конституции – Конституции США от 17 сентября 1787 г. – отсутствовал перечень естественных неотъемлемых прав человека. Ее отцы-основатели считали, что естественно принадлежащие человеку права не нуждаются в позитивном подтверждении текстом Конституции. Однако принятые уже через два года первые 10 поправок к Конституции США содержали указанные права, которые вообрал в себя Билль о правах, ратифицированный в 1791 г. – свободу слова, печати, собраний, религиозного исповедания, отделение церкви от государства, неприкосновенность личности и др.

Идеи естественных неотчуждаемых прав человека, развитые в учениях Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, Ш. Монтескье, явились мощным импульсом Великой французской революции, результатом которой стала Декларация прав человека и гражданина 1789 г. В преамбуле данного документа отмечалось, что единственными причинами народных бедствий и развращенности правительств является «незнание, забвение или презрение прав человека». Статья 1 указанной Декларации провозгласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равноправными. Общественные различия могут иметь место лишь в случаях их полезности для всех» [3, с. 69]. Естественные, неотчуждаемые и священные права человека, закрепленные в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., провозгласили свободу совести, свободное выражение мнений, свободу печати, презумпцию невиновности, а также гарантии личных и иных прав граждан.

Таким образом, в XVIII в. произошло документальное закрепление естественно правового понимания свободы.

В принятой в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей Декларации прав человека ее первая статья, автором которой был французский ученый Рене Кассен, гласит: «Люди рождаются свободными и равными в достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [4, с. 417].

Во второй половине XX в. происходит признание естественно-правовой доктрины прав и свобод в сочетании с «социальной» доктриной, установившей, что в Конституции закрепляются права и свободы, идущие как от природы человека, так и от природы данного общества.

Принятие Билля о правах человека, включающего Всеобщую Декларацию прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966 г.), внесены фундаментальные изменения в правосубъектность человека, который становится субъектом не только внутригосударственного, но международного права. Согласно нормам международного права все государства, присоединившиеся к этим документам, оказались обязанными привести свое

законодательство в соответствии с требованиями этих пактов, что создало приоритет указанных международных актов над внутренним законодательством стран-участниц. Все лица, проживающие в государстве-участнике, подписавшем указанные пакты или на которых распространяется юрисдикция этого государства, имеют все права, предусмотренные данными пактами, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального либо социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Все государства, присоединившиеся к Биллю о правах, обязаны привести свое национальное законодательство в соответствие с требованием пактов. В результате международно-правовые акты получают приоритет над внутригосударственным законодательством, и каждый гражданин, политические или гражданские права которого нарушены, получил право в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола № 1 к Международному пакту о гражданских и политических правах обратиться непосредственно в Комитет по правам человека при ООН, если им исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

В Республике Беларусь после 1991 г. начался период, в рамках которого произошел поворот правовой системы к признанию и гарантированию прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности.

Конституция Республики Беларусь содержит новое для конституционного законодательства положение об отношениях государства к человеку и гражданину. Согласно статье 2 Конституции «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией» [5].

Это исходное базовое положение определяет содержание и структуру специального раздела 11 «Личность, общество, государство», посвященного правам и свободам человека и гражданина. Содержащиеся в нем принципы и нормы значительно расширяют круг прав и свобод с учетом конституционного опыта цивилизованных государств и содержания международно-правовых актов о правах человека. Здесь наряду с правами и обязанностями граждан впервые в отечественной истории нашли свое закрепление отдельно права человека, т. е. юридически признана категория «права человека».

Понятия «права человека» и «права гражданина» близки, но не совпадают по своей природе и своему содержанию, так как отражают различные аспекты положения личности. Первое понятие подчеркивает неотчуждаемость прав личности как таковой, исходя из присущих всем членам человеческого общества свободы и достоинства; второе – исходит из характеристики прав личности как гражданина государства, определяет его права и свободы в качестве такового. Поэтому в одних статьях Конституции

Республики Беларусь права и свободы адресуются «каждому», в других – «гражданину».

Правовой статус личности включает в себя всю совокупность прав, свобод, законных интересов и обязанностей человека и гражданина, предусмотренных в принципах и нормах всего текущего законодательства. В то же время конституционное законодательство содержит основные права, свободы и обязанности, образующие конституционный статус личности. Будучи закрепленными в Конституции, они означают меру возможного поведения, т.е. определяют границы, рамки возможных действий, вид и меру поведения, возможность пользоваться благами для удовлетворения своих потребностей и интересов.

Общепризнанно, что существует набор причин, по которым одни права и свободы закрепляются конституционно, другие – в текущем законодательстве. К причинам закрепления основных прав, свобод и обязанностей в Конституции можно отнести:

- значимость этих прав и свобод для человека и общества;

- изначальный, прирожденный и неотчуждаемый характер принадлежащих человеку прав и свобод;

- верховенство конституционных (основных) прав и свобод, делающее все иные права и свободы в той или иной сфере жизни (трудовые, социальные и т.д.) производными;

- принадлежность основных прав и свобод каждому человеку и гражданину, либо каждому гражданину;

- всеобщность основных прав, свобод и обязанностей, т.е. они равны и едины для всех без исключения, соответственно для каждого человека или для каждого гражданина;

- основные права, свободы и обязанности не приобретаются и не отчуждаются по воле гражданина;

- они действуют на всей территории государства.

Универсальный набор прав и свобод сформулирован в таких международно-правовых актах, как Всеобщая Декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966 г.). Все государства, присоединившиеся к этим документам, оказались обязаны привести свое законодательство в соответствие с требованиями этих пактов, что создало приоритет указанных международных актов над внутренним законодательством стран-участниц. Поэтому каждый гражданин, политические или гражданские права которого нарушены, получил право обратиться непосредственно в Комитет по правам человека при ООН, если им исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. В соответствии со статьей 61 Конституции Республики Беларусь «каждый вправе в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью

защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты».

Таким образом, правовой статус личности, закрепленный в действующей Конституции Республики Беларусь, основан на новой концепции прав человека по сравнению с предшествующими конституциями и базируется на международно-правовых документах, которые устанавливают общеправовые стандарты прав и свобод личности.

Конституция Республики Беларусь закрепила новую концепцию прав и свобод человека и гражданина, согласно которой гражданин вовлечен в устойчивую политико-правовую связь с государством, состоящую из взаимных прав и обязанностей, признается самостоятельным субъектом, способным самоутвердиться в качестве достойного члена общества. Установления Конституции Республики Беларусь стоят на позициях признания неотчуждаемости основных прав и свобод человека и принадлежности их каждому от рождения. В ней впервые получил закрепление принцип примата международного права, в частности в области прав человека (ч. 3 статьи 21): «Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства».

Список использованных источников:

1. *Маркс, К.* Президенту Соединенных Штатов Америки Аврааму Линкольну // *Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Изд. второе. Т. 16.* – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960.
2. Декларация Независимости США от 4 июля 1776 г. – М.: ТОО «Ла ПРЕД», 1992.
3. Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Том 5. Политические документы. – М.: Мысль, 1997. – С. 69 – 71.
4. Всеобщая Декларация прав человека. Утвержденная и провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Том 5. Политические документы. – М.: Мысль, 1997. – С. 416 – 421.
5. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Каспирович-Шумак,

*аспирант кафедры конституционного права юридического факультета,
магистр юридических наук*

Белорусский государственный университет,

Ключевым составляющим современного развития общества выступает информация и, как следствие, информационные ресурсы. Возрастающие потоки информации требуют определенных действий со стороны лиц, предоставляющих необходимую информацию. Информация является одним из важнейших ресурсов жизнедеятельности современного общества, и ее передача в рамках общественных отношений является необходимым условием его прогрессивного и непрерывного развития.

Стремительное развитие информационных ресурсов требует определенных мер по совершенствованию их функционирования, чтобы удовлетворить растущие потребности социального, экономического и иного характера. Анализ потребностей позволит правообладателям информационных ресурсов прогнозировать и оперативно усовершенствовать работу ресурсов, а не отставать на несколько лет. Важной составляющей является выявить интересы потребителей, своевременно размещать и предоставлять полную, достоверную информацию (как новостную, так и официальную информацию).

Понятие «информационные ресурсы», как одна из ключевых категорий, определяющих и характеризующих развитие социальных систем на современном этапе, также связано с включением информации в производственный процесс, т.е. с признанием информации средством по созданию других ресурсов и при этом продуктом интеллектуального труда. Кроме того, специфичность и уникальность свойств информации как ресурса делает исследование возможностей и ограничений по ее использованию в функционировании предприятий и учреждений особенно значимым [1, с. 4].

Анализ определений, существующих в различных источниках, показывает, что в состав информационных ресурсов включается «либо вся (любая) информация и ее подмножества, для выделения которых авторы используют различные, подчас несовместимые критерии» [2, с. 7]. Исходя из этого рассмотрим закрепление понятия «информационный ресурс» в нормативных правовых актах.

Понятие «информационные ресурсы», а также «государственные информационные ресурсы» до сих пор находится на стадии формирования, что связано с наличием различных подходов к его определению составляющих и смыслообразующих его компонентов, таких как «информация», «знание», «данные». Исходным понятием выступает понятие «информация», определение которого составляет предмет изучения многих исследователей в рамках различных теоретико-методологических подходов, тогда как широкое использование данного понятия требует универсального определения [1, с. 5].

Общая правовая характеристика информационного ресурса представляет собой «систематизированную совокупность юридических свойств (предикатов) и признаков, вытекающих из сущности информации в ее ресурсном содержании» [3, с. 126]. Согласимся с мнением Т.З. Шалаевой, которая

отмечает, что проведенные исследования подтверждают, что информационное законодательство – комплексная отрасль, включающая как некоторые отрасли законодательства целиком и специальные нормативные акты, полностью посвященные проблемам информационной сферы, так и отдельные информационно-правовые нормы в актах других отраслей законодательства, в которых используются понятия «информация» и «информационный ресурс» [4].

Позитивно можно оценить позицию автора А.Ю. Цыреновой, которая предлагает следующее определение: под информационным ресурсом понимается «совокупность накопленных и научно систематизированных индивидуальных и коллективных знаний (отдельные документы, отдельные массивы документов, а также документы и их массивы, составляющие базы и банки данных, базы знаний, библиотеки, архивы, фонды, информационные системы и другие системы в определенной предметной тематической области), обладающих определенной потребительской полезностью и востребованных различными субъектами экономики, социально-экономическими системами в целях обеспечения эффективности их функционирования (информационный фактор развития)» [5, с. 8]. Данное определение позволяет более полно раскрыть содержание, роль, типы информационных ресурсов, их качественную характеристику. Предложенное автором понятие в широком смысле отображает суть информационных ресурсов, отмечает использование рассматриваемых ресурсов различными субъектами и включение в них информации для использования широким кругом лиц.

Отметим, что понятие «государственный информационный ресурс» в законодательстве не установлено. Несмотря на это термин «государственный информационный ресурс» широко используется в нормативных правовых актах, но применительно к конкретным информационным ресурсам.

Понятием «государственные информационные ресурсы» охватывается весьма широкий круг объектов, имеющих разные объемы, содержание, назначение, организацию, форму представления, способы формирования, хранения, обработки и использования. Например, в качестве государственного информационного ресурса выступает Интернет-портал под которым понимается государственный информационный ресурс, обеспечивающий освещение в глобальной компьютерной сети Интернет деятельности Президента Республики Беларусь, а также предоставляющий информацию о Республике Беларусь. Данное понятие закреплено в Указе Президента Республики Беларусь от 29 декабря 2006 г. № 754 «Об официальном Интернет-портале Президента Республики Беларусь» [6].

Также, согласно Указу Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 609 «О Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и о внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524» установлено что Национальный правовой портал – основной государственный информационный ресурс

глобальной компьютерной сети Интернет в области права и правовой информатизации [7].

На основе проведенного исследования функционирования некоторых государственных информационных ресурсов можно сделать следующие выводы:

отсутствует оперативность размещения актуальной информации на отдельных сайтах. К примеру, на сайте Министерства по налогам в разделе «Аналитика» содержатся годовые данные о итогах работы налоговых органов только до 2018 года;

информация на сайте размещена не совсем удобно для пользователя, а именно: в некоторых случаях слишком сложная структура сайта, переполнена разделами, включающими в себя множество подразделов;

визуальное восприятие сайтов (шрифт, цветовая гамма, расположение иконок и информации); К примеру, сайт Министерства финансов Республики Беларусь не совсем удобен для пользователей, так как имеет очень маленький шрифт и бледную цветовую гамму, в связи с чем размещенная информация трудно воспринимается пользователями.

на некоторых сайтах нет версии для слабовидящих. К примеру, отсутствует данная версия на сайте Национального правового интернет-портала Республики Беларусь (pravo.by).

содержат неактуальную (устаревшую) информацию в разделах (как информационного, так и справочного характера).

на сайте не указывается дата размещения материала в связи с чем нельзя сделать вывод о его актуальности/неактуальности. (например, официальный сайт Министерства антимонопольного регулирования и торговли: в разделе «Разъяснения действующего законодательства» включены комментарии и разъяснения по различным вопросам, но не указана дата, на которую данное разъяснение размещено).

Исходя из вышеизложенного анализа функционирования государственных информационных ресурсов предлагаем следующие пути совершенствования рассматриваемых ресурсов:

определить ответственных лиц в государственных органах за ведение информационного ресурса;

предусмотреть сроки предоставления информации для размещения на сайте ответственному лицу;

установить перечень ответственных лиц в каждом структурном подразделении по подготовке и предоставлению информации для размещения на сайте, а также примерный список предоставляемой информации лицу, ответственному за информационное наполнение ресурса (к примеру, письма, разъяснения, комментарии и иные материалы правоприменительного характера).

Предложим авторское определение «государственного информационного ресурса»: государственный информационный ресурс – это информационный

ресурс, представляющий официальную информацию пользователям, исходящую от государственного органа.

Список использованных источников:

1. Громов, Г.Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленного использования. – М.: Наука, 1984. – 240 с.
2. Вереvченко, А.П. Информационные ресурсы для принятия решений: Учебное пособие / А.П. Вереvченко, В.В. Горчаков, И.В. Иванов, О.В. Голодова. М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 560 с.
3. Шалаева, Т.З. Правовая характеристика информационных ресурсов / Т.З. Шалаева // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 122–127.
4. Шалаева, Т.З. Проблемы становления информационного права: сб. науч. ст. БГУ / Т.З. Шалаева. – Минск: Веды, 2008. – С. 167–170.
5. Цыренова, А.А. Информационные ресурсы как фактор развития экономики региона: автореф. ... дис. канд. юрид. наук / А. А. Цыренова; Улан-Удэ, 2011. – 23 с.
6. Об официальном Интернет-портале Президента Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 29 декабря 2006 г. № 754 // ИПС «ЭТАЛОН» / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
7. О Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и о внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524 [Электронный ресурс] : Указу Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 609 // ИПС «ЭТАЛОН» / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.

ПРИНЦИП ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Т. М. Киселёва,

доцент кафедры конституционного права юридического факультета

Белорусский государственный университет,

кандидат юридических наук, доцент

220030, Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, д. 8.

KisialTM@bsu.by

Проблема обеспечения гендерного равенства затрагивает все государства, вне зависимости от уровня экономического или технического развития, формы правления, политического режима, уровня обеспечения и защиты прав человека и иных характеристик. Не случайно в качестве одной из

целей в области устойчивого развития под №5 получило закрепление обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.

Для достижения указанной цели были поставлены определенные задачи:

- повсеместная ликвидация всех форм дискриминации в отношении всех женщин и девочек;
- ликвидация всех форм насилия в отношении всех женщин и девочек в публичной и частной сферах, включая торговлю людьми и сексуальную и иные формы эксплуатации;
- ликвидация всех вредных видов практик, таких как детские, ранние и принудительные браки и калечащие операции на женских половых органах;
- признание и оценка неоплачиваемого труда по уходу и работы по ведению домашнего хозяйства;
- обеспечение всестороннего и реального участия женщин и равных для них возможностей для лидерства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни и др.

Интересно, что при определении цели №5 и задач по ее реализации все внимание уделяется проблемам девочек и женщин, хотя гендерное равенство является более широким термином по своему содержанию. В научной и учебной литературе гендерное равенство обычно рассматривается как наличие равного статуса у женщин и мужчин, что обеспечивается путем предоставления равных условий для реализации их прав и возможностей.

Но даже при узком подходе, который отражен в рамках цели устойчивого развития №5 следует учитывать, что проблемы девочек и женщин прямо или косвенно затрагивают мальчиков и мужчин, ухудшая их положение. Например, меньшие ожидания в период обучения в школе от мальчиков и более высокие требования по отношению к девочкам приводят к тому, что девочки чаще стремятся получить высшее образование. Возложение обществом на женщин функций заботы о доме и семье приводит к повышенным требованиям к мужчинам как основным «добытчикам», что вынуждает их больше работать и меньше участвовать в воспитании детей, решении домашних дел.

В современном мире на реализацию принципа гендерного равенства оказывают заметное влияние процессы цифровизации, которые затрагивают все сферы жизни человека, все области взаимодействия государства и общества.

В условиях цифровизации государства и права вопросы обеспечения принципа гендерного равенства могут исследоваться по двум направлениям:

- 1) влияние цифровизации на реализацию принципа гендерного равенства, на обеспечение реального равенства прав и возможностей женщин и мужчин в государстве;
- 2) доля участия женщин и мужчин в процессах цифровизации, их вклад в развитие информационного общества.

Говорить о достижении гендерного равенства возможно будет только при решении всех сложностей в рамках двух направлений.

Если обратиться к первому направлению, то ощутимым следствием цифровизации и информатизации является широкое распространение информации о проблемах гендерного равенства, выявление и освещение случаев дискриминации, объективизации женщин и т.д. Развитие информационных технологий позволяет гражданам не только свободно получать информацию из различных источников, но и объединяться в группы по интересам, проводить совместную работу по вопросам обеспечения гендерного равенства (информирование, онлайн-консультирование, онлайн-конференции и семинары и т.д.).

Расширение средств связи предоставило новые возможности по получению необходимой помощи лицами, которые боятся или по иным причинам не могут открыто за ней обратиться – жертв домашнего насилия, домогательств на рабочем месте, сексуального насилия и т.д.

Безусловно, вопросы информирования в большей части выходят за пределы правового регулирования, если дело не касается запрещенной к распространению или предоставлению информации. Однако государство, которое взяло на себя обязательство по достижению целей устойчивого развития, должно активно участвовать в процессах информирования населения о проблеме гендерного неравенства и принимаемых мерах. В Республике Беларусь информация о достижении цели № 5 предоставлена на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь [1]. Отметим при этом, что представленная информация не всегда является актуальной и не обновляется регулярно (например, приводятся данные за 2015 – 2017 г.).

Кроме того, государству следует следить за тем, чтобы права лиц, распространяющих информацию о гендерном равенстве, не нарушались (в частности, обеспечивать возможность привлечения к ответственности за оскорбления и угрозы в сети Интернет).

Еще одним позитивным влиянием цифровизации на обеспечение принципа гендерного равенства является предоставление новых возможностей для образования, трудовой деятельности, ведения бизнеса, взаимодействия с государственными органами в дистанционной форме. Появление дистанционного образования, удаленной формы работы и т.п. позволяет женщинам реализовывать свои возможности, даже находясь в отпуске по уходу за ребенком или воспитывая нескольких детей. В первую очередь эти возможности касаются женщин, так как именно на них все еще ложиться основная обязанность по воспитанию детей и заботе о них, ведению домашнего хозяйства. Согласно данным Национального статистического комитета на 2015 г. доля времени, потраченного на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому (что является одним из показателей достижения целей устойчивого развития в Республике Беларусь), для женщин составила 19,2%, а для мужчин – 9,5% [2].

Помимо этого, как справедливо отмечается в литературе, «цифровая экономика и развитие сетевых информационных ресурсов, применение роботизации и искусственного интеллекта обеспечивают появление новой

технологический базы, позволяющей выполнять «тяжелые, мужские» виды деятельности женщинам, иными словами, приводят к сглаживанию гендерного неравенства» [3. с. 82]. Тем самым у женщин появляются новые возможности в реализации себя в трудовой сфере, в том числе на работах с высокой оплатой труда. С другой стороны, информатизация и автоматизация приводят к сокращению рабочих мест, в первую очередь по тем профессиям, которые традиционно получают женщины – библиотекари, секретари, бухгалтеры и т.д. Но это проблема может быть решена на счет переобучения женщин и включения их в новые трудовые отношения.

Что касается второго направления, то в научной литературе часто поднимается вопрос о степени вовлеченности женщин в сферу информационных технологий. Распространение гендерных стереотипов о том, что женщины не склонны к точным наукам, приводит к тому, что девушки не выбирают соответствующие специальности или не могут получить высокие должности в данных сферах.

Например, в 2020 г. в России было проведено исследование WonderWomen на тему роли женщины в сфере информационных технологий, которое было организовано международным движением Women in Tech и ИТ-компанией «Крок». В опросе приняли участие 455 женщин из 170 ведущих российских и международных ИТ-компаний. 65 % из опрошенных указали, что работают в исключительно мужском коллективе, 40% опрошенных отметили, что помнят случаи, когда при равных ситуациях в работе предпочтение между кандидатами разного пола было отдано мужчине, а 31% респонденток сталкивались с эффектом «стеклянного потолка» в своей карьере [4].

Относительно уровня занятости женщин в сфере информационных технологий в Республике Беларусь, министр труда и социальной защиты И.А. Костевич в одном из интервью отметила, что в 2020 г. в данной сфере женщины составляли более 40% [5]. Однако она не уточнила, на каких должностях эти женщины работают. Не ясно, включаются ли в этот показатель «сопровождающие» должности – бухгалтер, юрист, технический персонал и т.д., которые обычно замещаются женщинами. По другим данным, на 2019 г. в Республике Беларусь число женщин-разработчиков составляло только 11% [6], что иллюстрирует долю женщин в разработке нового продукта и развития информационных технологий.

Причины небольшого участия женщин в процессе цифровизации часто выходят за сферу правового регулирования, поэтому не всегда могут быть решены путем изменения или дополнения законодательства. Временной мерой может стать установление обязательных квот для женщин, однако это способно повлечь возникновение новых проблем, когда к женщинам в сфере информационных технологий станут относиться как к «навязанному» государством работнику, не учитывая способности и профессиональные качества конкретного человека.

Таким образом, цифровизация государства и права оказывает заметное влияние на обеспечение принципа гендерного равенства, предоставляя как новые возможности и гарантии, так как и новые риски и проблемы.

Решением всех указанных проблем станет проведение сбалансированной и комплексной гендерной политики в Республике Беларусь, которая должна охватить все сферы общественной жизни с тем, чтобы обеспечить реальные равные возможности для мужчин и женщин. Информационные технологии призваны стать важным инструментом этой политики, при условии учета позитивного и негативного влияния их использования на обеспечение гендерного равенства.

Список использованных источников:

1. Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет республики Беларусь. Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/SDG/Naz_perechen_pokas_SDG/tsel-5/. – Дата доступа: 27.03.2021.
2. Цели устойчивого развития в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sdgplatform.belstat.gov.by/sites/belstatfront/index-info.html?indicator=5.4.1>. – Дата доступа: 27.03.2021.
3. Дудин, М.Н. Сокращение гендерного неравенства в процессе трудовых взаимоотношений в эпоху глобальной цифровизации / М.Н. Дудин, Е.В. Левина, А.Н. Анищенко // Социально-трудовые исследования. – 2020/ - № 38(1). – С. 73–84.
4. Россияне выяснили, почему женщины почти не становятся начальницами в ИТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2020-11-09_sostavlen_podrobnyj_portret. – Дата доступа: 27.03.2021.
5. Костевич: женщин в ИТ и сфере ИКТ уже больше 40% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/kostevich-zhenschin-v-it-i-sfere-ikt-uzhe-bolshe-40-382285-2020/>. – Дата доступа: 27.03.2021.
6. Женщинам в ИТ платят меньше: почему? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tech.onliner.by/2019/06/18/zhenshhiny-v-it>. – Дата доступа: 27.03.2021.

СОЗДАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОТКРЫТОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Козак М.А.,

*старший преподаватель кафедры истории и теории права
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
210041, Беларусь, г. Витебск, Московский пр-т, 33,*

Цели устойчивого развития ООН – это 17 целей и 169 задач, которые все государства-члены ООН (193) согласились достичь к 2030 году. Республика Беларусь не исключение. Все цели и задачи включены в национальные программы развития, принимаются концепции, составляются планы, ставятся конкретные задачи для всех государственных органов и общественных организаций в рамках достижения обозначенных Целей устойчивого развития. Для достижения цели №16 – «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» необходимо выполнить десять задач, из которых особое внимание уделяется №16.6 и №16.7. Такие задачи как «создать эффективные, подотчетные и прозрачные учреждения на всех уровнях» и «обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества» напрямую затрагивают совершенствование деятельности представительных органов государственной власти. Для выполнения поставленных задач необходим комплексный подход всех участников государственно-властных отношений. Считаем, что их деятельность необходимо объединить в рамках реализации Концепции взаимодействия и открытости представительных органов.

Концепция взаимодействия и открытости представительных органов должна включать в себя комплекс нормативных правовых актов, принципов, инструментов и механизмов, поступательно реализуемых субъектами представительной власти. Концепция должна строиться на принципах подотчетности избранных представителей, информационной открытости (гласности), вовлечения гражданского общества в принятие решений. Считаем, что Концепция должна в себя включать следующие механизмы открытости: 1) единый подход к раскрытию информации о деятельности представительных органов; 2) раскрытие и доступность информации о самих избранных представителях, о содержании их деятельности и повышение уровня подготовленности кадрового потенциала; 3) внедрение и активизация предварительных общественных обсуждений проектов правовых актов населением; 4) внедрение института общественных петиций и е-петиций.

1) Единство при раскрытии информации включает в себя единый стандарт взаимодействия граждан с представительными органами, закрепленный на законодательном уровне. Создание единого подхода поможет обеспечить мгновенный доступ с одного сайта представительных органов на другой, закрепить активные ссылки по поиску взаимосвязанной информации. Необходимы единые требования по дизайну, сервисам и навигации, внедрение принципа «одного окна» при поиске необходимой информации. На сайтах должна находиться адаптированная информация для рядовых граждан.

2) Уже практически внедрен единый подход к подаче полной достоверной информации об избранных представителях и их помощниках на

сайтах представительных органов, о содержании их деятельности, о работе постоянных комиссий, депутатских групп, а также о ее результативности при взаимодействии с гражданами.

Вопросы кадрового потенциала подлежат совершенствованию, но и на современном этапе они включают повышение качества дополнительного образования для депутатов через регулярное повышение квалификации и обучение на базе университетов, развитие специальных образовательных программ, выездные стажировки в областях для депутатов местных Советов депутатов всех уровней, разработка нового единого методического инструментария для депутатов. Совершенствование может проходить по таким направлениям как: работа с потенциальными будущими депутатами за долго до участия в выборах (только подготовленный кандидат может найти поддержку у избирателей и принести в последующем пользу в качестве работы в законодательном или местном представительном органе). Можно открыть школу депутата, составить резерв кандидатов в депутаты, заранее знакомить население с потенциальными кандидатами. Усиление кадрового потенциала повысит требования к возможным кандидатам в депутаты, уровень соревновательности в избирательном процессе, приведет к повышению доверия со стороны населения к избранным представителями, создаст платформу для тесного и открытого общения с электоратом, формирования системы обратной связи.

3) Неотъемлемой частью повышения гласности, ответственности и эффективности деятельности представительных органов является предварительное общественное (публичное) обсуждение проектов правовых актов. Считаем, что работа органов власти должна стать понятной населению, а органы власти должны выстроить диалог с гражданами, научиться реально учитывать их мнение при принятии решений, эффективно использовать инструмент общественного обсуждения. Ни одно решение на уровне государства не должно приниматься без учета мнения органов местного самоуправления и граждан государства. Необходимо популяризовать механизм общественного обсуждения, показать механизм учета предложенных вариантов от граждан в принимаемых актах, уменьшить формализм, заорганизованность. Особое внимание уделить резонансным проектам и спорным вопросам, принимать решения обосновано с обязательным объяснением поддержки той или иной позиции. Необходимо уточнить порядок учета общественных мнений, представленных на общественных платформах, выработать способы обобщения различных точек зрения. Это позволит обеспечить высокий уровень легитимности принятого решения, а также, с учетом степени реализации поступивших предложений, может оградить законодателя от претензий к содержанию принятого им правового акта. Эффективный механизм общественных обсуждений станет основой для взаимодействия представительных органов с молодежью.

В соответствии с Законом «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» предусмотрена возможность публичного обсуждения проектов НПА

общественностью и профессиональным сообществом. Общественное обсуждение предполагает обсуждение проекта НПА отдельными гражданами, гражданскими институтами, политическими партиями, общественными объединениями, профессиональными союзами, социальными группами на непрофессиональном уровне. Традиционный формат общественного обсуждения законопроектов на законодательном уровне разработан, но в настоящее время необходимо его реальное внедрение.

В Республике Беларусь платформа для публичного обсуждения и организации дискуссии по подготовленному проекту нормативных правовых актов создана почти 20 лет назад на сайте «Правовой форум Беларуси». По отчету НЦПИ на сайте за 2019-2020г. проведено публичное обсуждение 166 проектов нормативных правовых актов и получено 2607 комментариев [1, с.13]. Анализ комментариев на сайте показал низкую активность населения на платформе сайта. НПА, которые подвергаются публичному обсуждению, составляют незначительный процент от общего числа принимаемых актов. Нет обоснованных предложений, ответов модератора на вносимые для дискуссии вопросы. Предложения и дополнения не носят официальный характер.

На сайте Национального правового портала создана площадка для обсуждения, где обеспечивается доступ к текстам проектов законов, внесенных субъектами права законодательной инициативы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь. В тоже время на сайте не предусмотрены интерактивные сервисы, дающие возможность оставлять комментарии или обсуждать размещенные проекты законов. В обсуждении проектов законов могут принять участие граждане через направление соответствующих предложений по электронной почте на адрес (center@pmrb.gov.by) Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь или иного государственного органа, разработавшего проект закона. При этом в карточке проекта закона не указаны, например, контакты государственных органов или должностных лиц, осуществляющих разработку закона. Отсутствует информация о профильной парламентской комиссии, в которой рассматривается конкретный проект, что может затруднить налаживание контакта с государственными органами для лиц и организаций, потенциально заинтересованных во взаимодействии и ходе обсуждения законопроекта. При внесении и отправке предложений или замечаний по законопроекту на указанную почту, ответ на предложение не присылается и не комментируется. Таким образом, необходимо созданные площадки сделать работающим инструментом.

4) Необходимо создать реально действующие информационные платформы для развития *института общественных петиций*. Общественные петиции (народная инициатива) – это институт, закрепленный в различных государствах (США, России, Венгрии, Литве, Польше, Италии, Испании), в соответствии с которым граждане при наличии определенной количественной поддержке могут вносить предложения по принятию того или иного акта. Данный институт необходимо развивать при Палате представителей

Национального собрания в комиссии по петициям граждан и юридических лиц, а также при местных представительных органах. В настоящее время институт общественных инициатив имеет законодательное закрепление через право на законодательную инициативу граждан. Данное право не получило практической реализации, регулируется отдельным Законом «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь». К недостаткам действующего законодательства можно отнести короткий установленный срок для сбора подписей инициативной группой (1 месяц), считаем, что такой срок может быть продлен до 3-6 месяцев. Отсутствует ограничение по возможным выносимым вопросам. Например, необходимо ограничить общественную инициативу по вопросам международных отношений, вопросам территориального устройства государства, привлечения к ответственности, в отношении помилования, налоговой, бюджетной, экономической политики, по ограничению прав и свобод человека и гражданина, а также включить в ограничение вопросы, не подлежащие рассмотрению на референдуме.

В соответствии с белорусским законодательством инициативу об изменении законодательства должны поддержать 50 тысяч граждан, а изменение Конституции Республики Беларусь — 150 тысяч граждан, для изменения решений местного уровня не установлено другое количество граждан. В зарубежных странах количество граждан разнится, как правило, это число соответствует количеству подписей, необходимых для инициирования референдума: (от 1000 граждан (Лихтенштейн), 5000 избирателей (Словения), 10 000 избирателей (Македония), 20 000 избирателей (Албания), 30000 (Грузия), 50 000 граждан (Литва, Италия, Венгрия), 100 000 (Польша, Румыния) и 500 000 в Испании, в Латвии и Андорре требуется одна десятая часть избирателей).

В большей степени является невыполнимым требование о предоставлении в качестве законодательной инициативы полностью готового проекта закона. В соответствии с белорусским законодательством «проект нормативного правового акта проходит обязательную экспертизу на предмет соответствия Конституции Республики Беларусь, законодательным актам Республики Беларусь и актам большей юридической силы по отношению к проектам акта, международным договорам Республики Беларусь, требованиям унификации законодательства в рамках интеграционных процессов Беларуси и России, а также на предмет совместимости с законодательством Беларуси, а также на соблюдение правил нормотворческой техники» [2]. При этом учитывается отражение в проектах нормативных правовых актов «конституционных принципов; место проекта акта в системе законодательства и требования к его форме; соблюдение процедуры принятия акта и полномочий нормотворческого органа; своевременная, полная и всесторонняя реализация в проекте акта международных обязательств Беларуси» [2]. Также на данном этапе устанавливается, «насколько нормы проекта акта согласуются с нормами актов той же или большей юридической силы, регулирующих

отношения в данной отрасли и смежных отраслях законодательства, обеспечено ли отсутствие дублирования и коллизий в правовом регулировании» [2]. Необходимо обязательно сопроводительное письмо с обоснованием необходимости принятия проекта закона, включая финансово-экономическое обоснование. Обязательная юридическая экспертиза проекта законов проводится Управлением обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов Министерства юстиции Республики Беларусь и Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. Все мероприятия по подготовке законопроекта, создание и работа инициативной группы осуществляется за счет средств инициативной группы, для чего необходимо открыть счет в банке. Считаем, для того чтобы норма стала работающей необходимо упростить или предусмотреть другой процесс реализации права законодательной инициативы гражданами.

В частности, предлагаем:

порог рассмотрения местной инициативы установить на уровне 5% от количества граждан на определенной территории, обладающих избирательным правом. Такую цифру считаем оптимальной для того, чтобы оценить общее настроение и желание граждан, проживающих на данной территории;

для республиканского уровня и внесение инициативы по поводу законодательного акта оставить не менее 50 тыс. подписей. Считаем, что такая цифра соответствует чуть более 6% от избирательного корпуса;

реализация права законодательной инициативы для граждан должна быть бесплатной и осуществляться за счет средств республиканского бюджета;

необходимые голоса должны быть набраны не позже, чем в течение 6 месяцев или ограничены по срокам в самой инициативе;

предусмотреть возможность внесение только актуального вопроса, или уточняющих аспектов, по которому общественность хотела бы принять новый правовой акт, или обозначить общие вопросы о внесении изменений в действующий правовой акт, без предоставления полного текста правового акта;

закрепить обязательное рассмотрение инициатив, которые набрали необходимое число подписей граждан, на сессиях представительных органов соответствующего Совета депутатов, с обязательным обоснованным ответом, в случае не поддержания инициативы. Считаем, что предложенные меры будут способствовать реализации права законодательной инициативы гражданами на практике.

Необходимо внедрять возможности сбора подписей в электронном виде на определенном сайте представительного органа через законодательное закрепление е-петиции. Институт е-петиции считается удобным и эффективным способом гражданского краудсорсинга, под которым понимают «привлечение широкого круга лиц для решения возникающих проблем на добровольных началах с применением информационных технологий» [3]. Электронные петиции нашли апробацию в зарубежных государствах (Великобритания, Шотландия, США, РФ, ФРГ). На их примере, были

выявлены недостатки (накрутка голосов, предложение незаконных инициатив) и положительные стороны (широкий охват заинтересованной аудитории, минимальные трудо- и денежные затраты) данной возможности. Можно взять за основу законодательство США, где прописаны строгие правила подачи электронной петиции на сайте Администрации Президента. Так, каждое предложение должно набрать 150 подписей прежде, чем стать петицией и появиться в каталоге сайта. У каждой петиции есть всего 30 дней, чтобы собрать как минимум 25 тыс. подписей. Только после этого предложение получает Администрация Президента. Условия достаточно жесткие, поэтому американские е-петиции срабатывают только в случае реальных остросоциальных тем. Мы предлагаем, чтобы е-петициями в Беларуси занималась Палата представителей Национального собрания. В ФРГ е-петициями занимается Бундестаг, в Финляндии - Министерство государственной службы (в течение 6 месяцев и не менее 50 тыс. подписей). Е-петиции могут стать активной формой внедрения и приобщения населения в механизм реализации электронного правительства, что будет способствовать массовому участию граждан в процессе принятия решений.

Дополнительными аспектами повышения эффективности вовлечения граждан в процесс принятия решений представительными органами и реализации инициатив граждан в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) можно было бы рассмотреть вопрос о необходимости расширения штата сотрудников для всех уровней местного Совета за счет помощника в ИКТ-сфере; внедрение возможности предоставления электронного обращения в форме видеоконференцсвязи (видеообращение) и «онлайн-приема», закрепив в главе 1 и 3 Закона «Об обращении граждан и юридических лиц».

Настаиваем на необходимости развития и внедрения «открытых коллективных обращений (е-петиций)», созданных на единой информационной электронной платформе для граждан, обращающихся в представительные органы, с установлением требований к количеству подписавшихся (не менее 10 процентов граждан, обладающих избирательным правом и проживающих на соответствующей территории) и дальнейшего обязательного рассмотрения по существу на заседании представительного органа соответствующего уровня.

Считаем, что принятие и реальная реализация на практике Концепции взаимодействия и открытости представительных органов будет способствовать достижению одной из важных целей устойчивого развития в Республике Беларусь.

Список использованных источников:

1. Коваленко, Е.И. Информационное обеспечение законотворческого процесса в Республике Беларусь // Право.by. – 2020. - №1. – С. 11–14.
2. Методические правила подготовки заключений по результатам обязательной юридической экспертизы законопроектов: утв. приказом

директора Нац. центра законопроект. деятельности при Президенте Респ. Беларусь, 10 авг. 2006 г., № 33 // Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://www.center.gov.by/metods.html>. – Дата доступа: 16.11.2020.

3. Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. — М.: Аст-пресс книга, 2017. — 576с.

РОЛЬ ПИРИНГОВЫХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ ФИНАНСОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

О.Р. Кочерга

*аспирант кафедры конституционного права юридического факультета
Белорусский государственный университет,
младший научный сотрудник Центра государственного строительства
и права ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»*

научный руководитель Ладутько Виолетта Константиновна, доцент
кафедры конституционного права юридического факультета БГУ, кандидат
юридических наук,

220072 Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова 1, корп 2

olga.kocherga.94@mail.ru

Развитие информационных технологий и экономических отношений создает возможности для обеспечения более полной и эффективной реализации многих конституционных прав человека и гражданина. Например, в силу ужесточения регулирования банковской деятельности после кризиса 2008-2009 гг. у многих граждан и субъектов малого бизнеса возникли трудности с доступом к получению кредитных средств, что выступило одной из причин развития пиринговых (от англ. «peer-to-peer» — одноранговый) бизнес-моделей оказания услуг кредитования и инвестирования, к которым относятся краудлендинг и краудинвестинг. Специфика указанных бизнес-моделей заключается в использовании специализированных интернет-платформ для организации финансового взаимодействия физических и (или) юридических лиц, опосредованного кредитными или инвестиционными отношениями. Ключевой особенностью однорангового кредитования и инвестирования выступает непосредственное финансовое взаимодействие между одним физическим или юридическим лицом и другим при отсутствии прямого посредничества финансовых учреждений. В силу специфики функционирования одноранговых интернет-платформ, кредитные средства становятся более доступными для широкого круга заемщиков, а условия кредитования и инвестирования являются более выгодными, в отличие от предлагаемых традиционными финансовыми посредниками. Указанное

способствует расширению круга участников кредитных и инвестиционных отношений, что позволяет обеспечить более полную реализацию предусмотренной ст. 13 Конституции Республики Беларусь нормы, гарантирующей равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В то же время, наряду с изложенным, рассматриваемые отношения имеют ряд существенных особенностей и предполагают наличие рисков, которые значительно отличают их от традиционных отношений финансового посредничества.

Так, под финансовым посредничеством, как правило, понимается аккумуляция свободных денежных средств разных экономических субъектов посредством их приобретения в обмен на собственные обязательства и предоставление на определенных условиях иным субъектам, нуждающимся в этих средствах [1; 2; 3]. Исходя из характера посреднической деятельности выделяют финансовых посредников депозитно-кредитного (коммерческие банки, небанковские кредитно-финансовые организации), инвестиционного (паевые и венчурные фонды, трастовые компании и др.) и контрактно-сберегательного (страховые организации, пенсионные фонды) типа. Первые формируют пассивы в форме депозитов, объявляют ставки за пользование финансовыми ресурсами и осуществляют инвестирование (от имени финансовых посредников) на финансовом рынке. Посредники инвестиционного типа аккумулируют финансовые ресурсы частных инвесторов и организаций и размещают их на финансовом рынке. Организации контрактно-сберегательного типа привлекают денежные средства в виде взносов по различным соглашениям, заключаемым между ними и клиентами.

Присущий финансовым посредникам двойной обмен долговыми обязательствами иногда рассматривается в качестве их основного отличительного признака, выделяющего финансовых посредников из всего многообразия субъектов экономических отношений [4, с. 10]. Кроме того, для финансовых посредников характерно принятие различных видов рисков при оказании финансовых услуг: кредитных, рыночных и др. Например, кредитный риск, связанный с обязательствами, предлагаемыми посредником, меньше, чем риск последующих инвестиций. Снижение рисков происходит в основном за счет концентрации финансовых ресурсов с последующей диверсификацией вложений, преимуществ доступа к информационным ресурсам и мониторинга заемщиков [5].

В свою очередь, при использовании одноранговых бизнес-моделей кредитные и инвестиционные соглашения заключаются, как правило, непосредственно между заемщиками (реципиентами) и кредиторами (инвесторами), а операторы интернет-платформ не выступают сторонами подобных соглашений и не отвечают по обязательствам лиц, привлекающих инвестиции. Услуги, оказываемые операторами интернет-платформ, заключаются в организации сделки, осуществлении кредитного скоринга, оценки заемщиков, сбора платежей от заемщиков и контроля за их

своевременным поступлением, сбора просроченной задолженности, консультировании сторон и др. Иными словами, доход указанных организаций генерируется за счет комиссионных отчислений и оплаты сопутствующих услуг, а не от спреда между кредитными и депозитными ставками. В силу изложенного, в отличие от традиционных финансовых посредников, платформы пирингового кредитования и инвестирования не принимают на себя кредитные и иные риски, а передают их сторонам сделки.

Таким образом, пиринговые кредитные и инвестиционные платформы не осуществляют аккумуляцию денежных средств различных субъектов посредством их приобретения, хотя и содействуют трансформации свободных капиталов в инвестиции. Рассматриваемые субъекты не принимают на себя риски невозврата денежных средств, однако способствуют их минимизации посредством использования новейших технологий обработки больших данных и цифрового анализа рисков для осуществления кредитного скоринга и проверки лиц, привлекающих инвестиции.

Отсюда следует, что физические и юридические лица, используя предоставленные новыми технологиями и бизнес-моделями возможности в части доступа к источникам кредитных средств или дополнительного дохода, подвергаются повышенным кредитным и инвестиционным рискам. При этом необходимо отметить, что полное нивелирование рисков краудинвестинга и краудлендинга практически невозможно и нецелесообразно, поскольку в определенной мере противоречит сущности пиринговых финансовых отношений, которые предусматривают отсутствие посредника, трансформирующего риски и активы. Риски невозврата денежных средств кредиторов и инвесторов предполагают более высокое встречное предоставление, в отличие от предлагаемого традиционными финансовыми посредниками.

В то же время необходимо учитывать, что риск невозврата денежных средств подразумевает не только проектные риски, связанные с трудностями в реализации инвестиционного проекта или риски, связанные с платежеспособностью заемщика, но и существенно зависит от эффективности деятельности оператора интернет-платформы, его добросовестности или оппортунистического поведения заемщика или реципиента. Последние, в отличие от имманентного риска пирингового кредитования или инвестирования, присущего им в силу специфики самого общественного отношения, могут быть уменьшены посредством использования возможностей современных ИКТ и государственно-правового воздействия.

В частности, в краудлендинговых и краудинвестинговых отношениях довольно остро проявляется проблема информационной асимметрии, поскольку кредиторы и инвесторы, как правило, полностью зависят от информации о заемщике или лице, привлекающем инвестиции, предоставленной платформой. Также существуют риски недобросовестности или мошенничества со стороны лиц, обратившихся за кредитными средствами, кибератак на платформу, в том числе создания лже-платформ, или платформ-

клонов, банкротств операторов крауд-платформ и др. В то же время указанные риски могут быть минимизированы посредством установления соответствующих нормативных предписаний, направленных на обеспечение:

- предоставления инвесторам актуальной и достоверной информации об операторе интернет-платформы, о лицах, привлекающих инвестиции, об инвестиционном предложении;
- проведения оператором крауд-платформы проверки информации о лице, привлекающем займы или инвестиции, отчетности о деятельности юридического лица, бизнес-плана; проведения аудита компаний (в т.ч. технологического) и др.;
- ограничения суммы привлекаемых денежных средств;
- минимальных пруденциальных требований к крауд-платформам, их обязательной регистрации [6; 7].

Иными словами, для обеспечения надлежащего функционирования рассматриваемого сегмента финансового рынка и минимизации связанных с пиринговыми финансовыми отношениями рисков инвесторам (кредиторам) должна быть доступна достоверная и актуальная информация, необходимая для понимания и оценки степени инвестиционного риска любой инвестиционной схемы, с целью предоставления возможности выбора проекта, наилучшим образом отвечающего их интересам и инвестиционным задачам [8, с. 134-135], а также защита от противоправного поведения посредников или контрагентов.

Таким образом, возникшие в ходе развития технологий и экономических отношений бизнес-модели пирингового финансового взаимодействия создают возможности для более полной и эффективной реализации предусмотренной ст. 13 Конституции Республики Беларусь нормы, гарантирующей равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, поскольку способствуют расширению круга участников кредитных и инвестиционных отношений в силу обеспечения большей доступности кредитных средств и более выгодных условий кредитования и инвестирования, в отличие от предлагаемых традиционными финансовыми посредниками. В то же время в силу отсутствия прямого финансового посредничества в рамках рассматриваемых отношений, физические и юридические лица, используя предоставленные новыми технологиями возможности в части доступа к источникам кредитных средств или дополнительного дохода, подвергаются повышенным рискам невозврата денежных средств. В свою очередь, последние могут быть минимизированы посредством использования современных ИКТ, обеспечивающих комплексный кредитный скоринг и проверку лиц, привлекающих инвестиции, а также соответствующих нормативных предписаний, направленных на недопущение недобросовестного и противоправного поведения субъектов рассматриваемой деятельности, включая меры публично-правовой ответственности.

Список использованных источников:

1. Старостин, В.М. Современный взгляд на теорию финансового посредничества и место кредитных кооперативов в системе финансовых посредников / В.М. Старостин // Вестник Российского университета кооперации. – 2012. – №4(10). – С. 46-54.
2. Зверькова, Т.Н. Сущностный подход к исследованию роли банков и финтех-компаний в финансовом посредничестве / Т.Н. Зверькова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – №6. – С. 49-54.
3. Зверьков, А.И. Финансовые посредники: функции, этапы и мотивы экспансии / А.И. Зверьков, Т.Н. Зверькова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2014. – №37(223). – С. 13-26.
4. Сухоруков, Д.В. Региональный аспект развития организационно-правовых форм финансового предпринимательства на основе политики долевого участия (на примере Астраханской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Д.В. Сухоруков. – Астрахань, 2003. – 24 с.
5. Стрельцов, А.В. Моделирование деятельности финансовых посредников: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13 / А.В. Стрельцов. – Санкт-Петербург, 2004. – 20 с.
6. Crowdfunding in East Africa. Regulation and policy for market development: report [Electronic resource] / Cambridge Centre for Alternative Finance. – Cambridge Judge Business School, 2017. – Mode of access: https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/alternative-finance/downloads/2017-05-eastafrika-crowdfunding-report.pdf. – Date of access: 20.03.2021.
7. Agrawal, A. Some simple economics of crowdfunding / A. Agrawal, C. Catalini, A. Goldfarb // Innovation Policy and the Economy. – 2014. – Vol. 14, № 1. – P. 63-97.
8. Литягин, Н.Н. Коммерческое право: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.:МГИУ, 2010. – 144 с.

ВСЕОБЩИЙ ДОСТУП К ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Т.Н. Кузьменкова,

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, старший преподаватель, kuzmenkova@msu.by

Комплексный характер Целей ООН в области устойчивого развития, их сбалансированность и взаимозависимость обуславливают влияние отдельных составляющих на достижение конечного результата, что в свою очередь требует анализа прогнозируемых последствий при реализации конкретных целей, в том числе на теоретическом, концептуальном уровне. Так, принимая

меры в рамках реализации цели по созданию стойкой инфраструктуры, содействию всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям, а в частности, задачи по расширению всеобщего доступа к информационно-коммуникационным технологиям и Интернету [1] нельзя не учитывать вопросы информационной безопасности, как в глобальном масштабе, так и в отношении конкретных государств, а также отдельной личности.

И в науке, и в законодательстве теме информационной безопасности уделяется все большее внимание. Как правило, данная категория рассматривается сквозь призму национальной безопасности государства. Это обусловлено произошедшими за сравнительно небольшой период времени преобразованиями информационной сферы, поставившими ее на качественно иной уровень, что позволяет использовать информацию как инструмент воздействия на государственный суверенитет (так называемые гибридные и информационные войны, «цветные революции»). Тем самым информационное пространство может быть использовано для вмешательства во внутренние дела государства, преднамеренной дискредитации его конституционных основ, побуждению к гражданскому неповиновению. Все это выдвигает отчетливые требования эффективно противостоять возникающим рискам, вызовам и угрозам в информационном пространстве, прогнозировать и адекватно реагировать на наиболее острые и организованные информационные акции по деформации общественного сознания и снижению уровня национальной безопасности в целом [2].

18 марта 2019 года Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь №1 утверждена Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, давшая понятие информационной безопасности как состояния защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Помимо прочего дано понятие информационного суверенитета и деструктивного информационного воздействия.

Тем не менее информационная безопасность может рассматриваться не только как составляющая национальной безопасности. Разработка данной категории сквозь призму интересов отдельной личности возможна в контексте права человека на безопасность в информационной сфере. В науке под правом на безопасность в информационной сфере понимают не просто комплекс правовых и организационных мер, направленных на защиту личной, конфиденциальной информации индивида, а фактическое обеспечение информационной безопасности личности, то есть такого состояния защищенности прав и свобод человека, при котором он огражден от дестабилизирующего воздействия внешних и внутренних угроз в информационной сфере [3, с. 159]. К таким угрозам, в частности, могут быть отнесены: разрушение физического и психического здоровья, манипулирование сознанием и поведением, разрушение нравственной сферы, разрушение сложившегося мировоззрения и др.

Содержательные аспекты права на безопасность в информационной сфере наиболее проработаны в отношении несовершеннолетних. В качестве примера можно привести «Концепцию информационной безопасности детей» 2015 года в Российской Федерации (прекратила свое действие в 2020 году, в настоящий период подготовлен ее обновленный проект), нацеленную на реализацию единой государственной политики в области информационной безопасности детей, созданию современной медиасреды, учитывающей риски, связанные с развитием интернета и информационных технологий [4].

В законе Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» с изменениями и дополнениями от 11 мая 2016 г. № 362-3 (статьи 37¹, 37²), закреплено право детей на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, с раскрытием содержания данной информации, а также предусмотрены соответствующие меры по защите детей.

Особое внимание приобретает проблема обеспечения информационной безопасности личности в рамках пандемии. В этом контексте в апреле 2020 года стартовала инициатива Организации Объединенных Наций по работе в области коммуникаций, направленная на противодействие распространению ложных сведений и дезинформации – так называемой инфодемии. ООН также выпустила указания по выявлению и пресечению ненавистнической риторики, связанной с COVID-19 (11 мая 2020 года). Среди них – сбор фактов дезинформации, работа со СМИ, гражданским обществом [5, с.68].

При разработке определения права человека на безопасность в информационной сфере, следует все же учитывать, что контент данного права в большинстве своем тесно связан с категорией информационной безопасности конкретного государства, а его реализация возможна лишь в привязке к существующим в том либо ином обществе ценностным, мировоззренческим аспектам. Понятие «общечеловеческие ценности», упоминаемые в документах международного уровня, а также конституциях многих государств, охватывает лишь ограниченное число универсальных истин, тем самым в глобальном плане возможность реализации Целей устойчивого развития в сфере распространения информации может быть сопряжена с определёнными проблемными аспектами концептуального характера. Прежде всего речь идет о категориях мировоззренческого спектра, когда одно и то же явление в различных обществах будет вызывать противоречивые оценки.

Наиболее четко существующие противоречия демонстрирует проблематика прав ЛГБТ (аббревиатура ЛГБТ охватывает термины «лесбиянка», «гей», «бисексуал» и «трансгендер» [6]). Очевидно использование информационной сферы как на международном и региональном уровнях, так и на уровне отдельных государств в целях вначале, снижения уровня нетерпимости, искоренения негативных стереотипов в отношении представителей ЛГБТ, а в последствии – к популяризации гомосексуальности и трансгендерности. Так, согласно Джокьякартским принципам (выработаны по итогам экспертной встречи, проходившей в Джокьякарте 6-9 ноября 2006 года), которые претендуют на роль международно-правовых стандартов прав

ЛГБТ, государствам рекомендовано принять надлежащие меры с целью обеспечения адекватного развития лиц различной сексуальной ориентации и гендерной идентичности (Принцип 2). Особую роль в данном процессе отведена СМИ, которым предписано избегать использования стереотипов, касающихся сексуальной ориентации и гендерной идентичности, и способствовать повышению уровня знаний об этих вопросах [7]. В искоренении негативных стереотипов в отношении ЛГБТ должны сыграть в том числе телевизионные программы, пользующиеся популярностью среди молодежи [6].

В контексте сказанного стоит упомянуть и Декларацию Организации Объединённых Наций по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности 2008 года (подписали 96 стран-членов ООН), которая направлена на осуждение преследования по принципу сексуальной ориентации и гендерной идентичности и указывает на недопустимость соответствующей дискриминации, а также обосновывает применимость Всеобщей декларации прав человека и Международных пактов о правах человека к вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности [8].

Легализация однополых союзов, в том числе браков, уже стала реальностью для большинства государств Европейского Союза, Великобритании, а также США, Канады, Австралии, отдельных государств Латинской Америки, Африки и Азии. Осуществляется популяризация и так называемой трансгендерности, в особенности среди детей и подростков. Параллельно с этим в ряде государств идет активное неприятие данных прав. В некоторых регионах (отдельные исламские государства) тема ЛГБТ вообще табуирована, а однополые отношения влекут уголовную ответственность.

На постсоветском пространстве в большинстве государств, законодательно, в том числе на конституционном уровне, закреплены ограничения прав ЛГБТ, например, определение брака как союза мужчины и женщины, что в свою очередь обуславливает определённые запреты и в сфере распространения информации. В качестве примера можно привести законодательный запрет пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних в Российской Федерации. Так, согласно статье 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях распространение информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям является административным правонарушением [9]. Таким образом, право на безопасность в информационной сфере в данном конкретном случае включает в себя защиту детей от информации, связанной с популяризацией нетрадиционных сексуальных отношений, что вступает в противоречие с вышеупомянутыми международными документами.

Противоречивые оценки прав ЛГБТ можно наблюдать в рамках Европейского Союза, где на фоне их всеобщего признания отдельные государства (например, Венгрия, Польша) заявляют о наличии собственных ценностных установок в данном вопросе. Так, особый интерес представляют недавние изменения в законодательстве Венгрии. 15 декабря 2020 года были внесены поправки в основной закон данного государства, призванные усилить защиту семьи и детей «от современных западных трендов в идеологии...». Данные изменения прежде всего четко и пожизненно фиксируют за человеком его гендерную принадлежность, определенную при рождении. Вторая поправка касается запрета на усыновление детей однополыми парами. «Основа семейных отношений - брак. Мать – это женщина, отец – мужчина», – указывается в тексте поправки, которая также предусматривает, что всем детям должно быть гарантировано право на воспитание в соответствии с венгерской христианской культурой [10]. Весьма предсказуемым следствием вышеупомянутых поправок выступил принятый в июне 2021 года закон, запрещающий пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и трансгендерности среди несовершеннолетних [11].

Проблемные моменты на общемировом уровне проявляются не только в связи с распространением информации в рамках реализации прав ЛГБТ. Сюда следует отнести и освещение темы гендерного равенства, права на аборт, эвтаназию и др.

Тем самым, информационная безопасность личности не может быть развита как некая абстрактная категория, она всегда привязана к конкретному обществу и государству, его мировоззренческим основам и ценностям. Кажущаяся простота идеи прав человека включает три вопроса: кто является человеком; от кого и кто должен защищать человека. Любое мировоззрение основывается на собственной антропологии, из которого затем вытекают (выводятся) необходимые (должные) модели поведения в социуме. При этом каждое мировоззрение, безусловно, претендует на универсальность, а несогласие с мировоззренческими установками оценивается как заблуждение, ересь, ошибка, применительно к концепции прав человека как антидемократичность и античеловечность [12].

Именно поэтому проблема обеспечения безопасности личности в информационной сфере упирается в проблему конкуренции мировоззрений и сводится к необходимости определения степени универсальности прав человека вообще. Таким образом, достижение конечного результата на которые направлена реализация Целей ООН в области устойчивого развития в рамках всеобщего доступа к информационно-коммуникационным технологиям возможна лишь с учетом обеспечения баланса интересов мирового сообщества, конкретного государства и отдельной личности в информационной сфере.

Список использованных источников:

1. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]// Режим доступа:<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/infrastructure-industrialization/>. – Дата доступа 16.09.2021.
2. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь – взгляд в будущее [Электронный ресурс]// Режим доступа:https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_921517.pdf/. – Дата доступа: 19.09.2021.
3. Дудко, М.О. Цифровые права личности / М.О. Дудко // Конституция Республики Беларусь как ценностный выбор: 25 лет свершений и преобразований : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Минск, 4 марта 2019 г. ; редкол.: С.А. Балащенко [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2019. – С. 158-159.
4. Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 N 2471-р Об утверждении Концепции информационной безопасности детей [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190009/. – Дата доступа: 02.09.2021.
5. Пунченко, В.Н, Речиц Е.В. Информационная безопасность: новые вызовы в условиях пандемии / В.Н.Пунченко, Е.В. Речиц/ Беларуская думка. – № 6. – 2021. – С.66-72.
6. Рождены свободными и равными. Сексуальная ориентация и гендерная идентичность в международном праве в области прав человека [Электронный ресурс]// Режим доступа: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/BornFreeAndEqualLowRes_RU.pdf. – Дата доступа: 02.08.2021.
7. Джокьякартские принципы. Принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности [Электронный ресурс] // Режим доступа:http://yogyakartaprinciples.org/wpcontent/uploads/2016/08/principles_ru.pdf – Дата доступа: 10.08.2021.
8. Приложение к письму постоянных представителей Аргентины, Бразилии, Габона, Нидерландов, Норвегии, Франции, Хорватии и Японии при Организации Объединенных Наций от 18 декабря 2008 года на имя Председателя Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс] // Режим доступа:[https://outrightinternational.org/sites/default/files/313-1.pdf/](https://outrightinternational.org/sites/default/files/313-1.pdf). – Дата доступа: 02.09.2021.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – Дата доступа: 12.09.2021.
10. Власти Венгрии предложили внести в Конституцию определение пола [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/736585>. – Дата доступа: 02.09.2021.
11. В Венгрии вступил в силу закон о запрете пропаганды ЛГБТ среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Режим доступа:<https://rg.ru/2021/07/08/vengriia-priniala-zakon-o-zaprete-propagandy-lgbt-sredi-nesovershennoletnih.html>. – Дата доступа: 20.08.2021.

12. Калинин, С.А. Права человека в контексте глобального конфликта ценностей [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://law.bsu.by/pub/11/Kalinin34.pdf>. – Дата доступа: 20.09.2021.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

М.С. Абламейко

*кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права
Белорусский государственный университет
220007, Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, 4,
nikitaalukyanchyk@gmail.com*

Н.С. Лукьянчик

*магистрант кафедры конституционного права
Белорусский государственный университет*

Сегодня мы живем в мире, где обширная инфраструктура информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и обширные потоки информации стали естественными и неоспоримыми чертами современной жизни. Быстрорастущие онлайн-сервисы - все, от социальных сетей до электронной коммерции и виртуального сотрудничества - стали определять нашу повседневную жизнь так, как это было невозможно представить всего несколько лет назад.

Тем не менее, роль ИКТ в обществе продолжает стремительно расти и развиваться, и новые разработки постоянно меняют взаимодействие между ИКТ и нашим образом жизни. Будь то растущее использование мобильных устройств для доступа к интернет-контенту, тенденция к удаленному хранению («облачные вычисления») или быстрый рост пользовательского контента и социальных сетей, характеристики индустрии ИКТ и ее взаимодействия с обществом находятся в постоянном движении. На первый взгляд безобидные изменения в ландшафте ИКТ - такие как изменение системы доменных имен в Интернете, чтобы разрешить использование нелатинских символов, или массовое увеличение количества IP-адресов - могут иметь серьезные социальные последствия.

Это все более распространенное, непредсказуемое и быстро меняющееся взаимодействие между ИКТ и обществом несет с собой широкий спектр новых рисков для прав человека и этических дилемм для компаний отрасли ИКТ, особенно в отношении того, как защищать и продвигать свободу выражения мнений и конфиденциальность в Интернете. То, как корпорации частного сектора реагируют на эти риски и дилеммы, повлияет на жизнь миллиардов пользователей ИКТ во всем мире.

Обращаясь к правам человека в контексте цифровизации общественной жизни в качестве отправной точки следует обратиться к международно признанным стандартам в этой области, которые изложены во Всеобщей

декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [1, 2, 3].

Все права человека неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны: совершенствование одного права способствует продвижению других; лишение одного права отрицательно сказывается на других. Свобода выражения мнений и неприкосновенность частной жизни являются явными частями этой международной системы прав человека и обеспечивают права, которые способствуют полноценной реализации других прав человека.

Обязанность государств уважать, защищать, продвигать и соблюдать права человека является основой этой системы прав человека. Эта обязанность включает обеспечение того, чтобы национальные законы, постановления и политики соответствовали международным стандартам о правах человека и стандартам свободы выражения мнений и конфиденциальности. В то же время субъекты ИКТ обязаны уважать свободу выражения мнений и права, в частности право на неприкосновенность частной жизни.

Это утверждение о том, что государства обязаны защищать права человека, а компании несут ответственность за их соблюдение, согласуется с рамками, установленными Специальным представителем Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросам бизнеса и прав человека. Совет ООН по правам человека единодушно приветствовал эти рамки в июне 2008 года [4]. В ноябре 2010 года Специальный представитель представил рекомендации относительно того, как эти рамки могут быть реализованы компаниями на практике, например, проведение оценки рисков для прав человека, разработка структур и процессов для управления человеческими ресурсами [5].

в ближайшие годы правительства, гражданское общество и потребители будут все больше ожидать, что крупные компании будут проявлять инициативу в выявлении рисков и возможностей для прав человека и осознанно подходить к своему управлению. Действительно, ключевой предпосылкой этого отчета является наше ожидание, что на отрасль ИКТ будут влиять две отдельные, но взаимосвязанные тенденции, происходящие одновременно: масштаб ожиданий бизнеса в области прав человека растет, так же как развитие технологий создает риски для прав человека и возможности гораздо более значительны для отрасли.

Взаимоотношения между правами человека, компаниями, правительствами, правоохранительными органами и проблемами национальной безопасности особенно заметны, и в этом отношении очень важно четко понимать две особенности этих отношений:

Во-первых, существуют законные основания, по которым правительства, правоохранительные органы и компании могут ограничивать свободный поток информации (например, удалять изображения эксплуатации детей) или разрешать доступ к личной информации (например, борьба с мошенничеством, терроризмом или насильственными действиями, иными преступлениями).

Правительство обязано защищать права человека; в этом смысле большая часть правоохранительной деятельности направлена на защиту прав человека, а не на их нарушение.

Именно по этой причине предоставление правоохранительным органам доступа к данным или ограничение определенных типов информации составляет важную часть разумного обязательства уважения права человека со стороны компаний, работающих в сфере ИКТ. Указанный тезис также нашел отражение в практике Европейского суда по правам человека в деле К.У. против Финляндии, где суд указал: «Еще одним важным соображением является необходимость обеспечения того, чтобы полномочия по контролю, предотвращению и расследованию преступлений осуществлялись таким образом, чтобы полностью уважать надлежащую правовую процедуру и другие гарантии, которые законно ограничивают уголовные расследования и привлечение правонарушителей к ответственности» [6].

Во-вторых, хотя эта деятельность часто осуществляется с учетом позитивных целей государственной политики, всегда существует риск того, что правительства и правоохранительные органы будут требовать от частного сектора предпринять действия, нарушающие права человека, в отношении неприкосновенности частной жизни или свободы выражения мнений. Количество инцидентов этого типа будет небольшим по сравнению с общим объемом правоохранительных органов; однако инциденты этого типа будут особенно значительными с точки зрения их воздействия на права человека.

Именно по этой причине понимание того, почему, как и когда отказать правительству в доступе к данным или потребовать ограничить контент - и в первую очередь снизить риск этого, - является разумным обязательством субъектов ИКТ уважать права человека.

Контраст между этими двумя особенностями взаимоотношений между национальной безопасностью, правоохранительными органами и компаниями - одна, которая защищает права человека, другая, вторгается в них, - иллюстрирует сложную задачу по обеспечению баланса между свободой выражения мнения и конфиденциальностью, с которой сегодня сталкиваются субъекты ИКТ отношений.

В последние несколько лет отрасль ИКТ проявляет все большую активность в определении подходов к защите свободы выражения мнений и конфиденциальности. Многие из этих подходов были сосредоточены на уровне содержания или самой личной информации. Например, Глобальная сетевая инициатива предоставляет компаниям указания и рекомендации о том, как реагировать на требования правительства об удалении, фильтрации или блокировке контента и как реагировать на требования о раскрытии личной информации правоохранительным органам [7]. Эти типы факторов риска будут актуальны для компаний, которые хранят значительные объемы личной информации и / или действуют как банки информации (в первую очередь, поставщики телекоммуникационных услуг и компании, предоставляющие интернет-услуги).

Однако факторы риска для прав человека в отрасли ИКТ также можно найти на уровне функциональности продукта или услуги. Эти факторы риска могут возникать, например, из-за требования, чтобы определенные типы продуктов, услуг и технологий ИКТ содержали функции, которые позволяют удалять, фильтровать и блокировать контент, или которые позволяют упростить наблюдение и доступ к личной информации в соответствии с законом. Эти типы факторов риска будут актуальны для субъектов ИКТ, которые создают базовую инфраструктуру ИКТ, через которую проходит информация, например, производители сетевого оборудования, компании сотовой связи / смартфонов и поставщики программного обеспечения для обеспечения безопасности.

Правительства играют решающую роль в обеспечении прав человека субъектами ИКТ. Посредством различных правоохранительных мероприятий и мероприятий по обеспечению национальной безопасности правительства устанавливают основной контекст, в котором ощущается воздействие субъектов ИКТ на права человека. Роль правительства также ставит перед отраслью ИКТ огромную дилемму: многие правоохранительные действия предпринимаются по правильным причинам и для защиты прав человека, а некоторые - нет. Учитывая это возникает вопрос, какой же подход следует использовать субъектам ИКТ для налаживания отношений с правительствами всего мира по темам свободы выражения мнений и конфиденциальности.

По-нашему мнению, необходимо сформировать и наладить диалог, в том числе посредством правового массива, который в первую очередь будет направлен на следующие аспекты:

- 1) Способы взаимодействия субъектов ИКТ с государственными органами и заинтересованными сторонами для определения функций и стандартов продуктов, которые позволяют осуществлять законную правоохранительную деятельность, но при этом ограничивают риск злоупотреблений;
- 2) Подходы к сотрудничеству субъектов ИКТ с государственными органами, чтобы сформировать подходы к правам человека и правоохранительной деятельности в Интернете, которые эффективно защищают права человека.

Важно отметить, что следующие несколько лет представляют собой важный период времени, в течение которого глобальное управление Интернетом станет намного яснее. Различные процессы и органы по разработке норм, такие как Форум по управлению Интернетом, вероятно, создадут новые региональные и международные рамки, относящиеся к конфиденциальности и свободе выражения мнения в Интернете [8]. Для тех, кто заинтересован в защите прав человека в цифровую эпоху, будет важно быть активными участниками этих процессов.

Как было отмечено выше, роль частного сектора в защите прав человека в отрасли ИКТ может быть сложной и непредсказуемой. Есть самые разные субъекты, которые используют ИКТ, например: конечные пользователи вводят

новшества с помощью новых продуктов и услуг ИКТ: сотрудники компании разрабатывают индивидуальные решения для корпоративных клиентов и клиентов государственного сектора; и консультанты, прошедшие обучение работе с различными аппаратными или программными приложениями, которые консультируют организации-клиенты по вопросам использования ИКТ с максимальной пользой.

Такое разнообразие поднимает острые вопросы о потенциальной ответственности субъектов ИКТ за информирование и обучение пользователей, сотрудников и консультантов предполагаемому использованию ИКТ и последствиям такого использования для прав человека. Важно подчеркнуть насущную необходимость повышения осведомленности и свободного понимания среди пользователей рисков и возможностей для прав человека, связанных с продуктами и услугами ИКТ. Поскольку ИКТ становятся все более распространенными в современном обществе, более глубокое взаимодействие будет иметь решающее значение для нашей коллективной способности защищать свободу выражения мнений и конфиденциальность в цифровую эпоху с целью недопущения нарушения прав и свобод человека.

Список использованных источников:

1. Всеобщая декларация прав человека. Декларация, 10 декабря 1948 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 29.03.2021.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Пакт от 16 декабря 1966 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=I06600002>. – Дата доступа: 29.03.2021.

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Пакт, 16 декабря 1966 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=I06600003>. – Дата доступа: 29.03.2021.

4. Protect, Respect and Remedy: a Framework for Business and Human Rights [Electronic resource]: United Nations Documents. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/128/63/PDF/G0812863.pdf?OpenElement>. – Date of access: 29.03.2021.

5. Report of the Special Representative of the Secretary- General on the issue of human rights and transnational corporations and other business enterprises [Electronic resource]: United Nations Documents. – Mode of access: [https://documents-dds-](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/128/63/PDF/G0812863.pdf?OpenElement)

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/489/34/PDF/N1048934.pdf?OpenElement. – Date of access: 29.03.2021.

6. K.U. v. Finland ECHR 2008, Application no. 2872/02 [Electronic resource]: HUDOC – Council of Europe. – Mode of access: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{\"itemid\":\[\"001-89964\"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{\) .– Date of access: 29.03.2021.

7. UN Working Group on Human Rights and Transnational Corporations and Other Business Enterprises [Electronic resource]: United Nations Documents. – Mode of access: <https://www.ohchr.org/documents/issues/transcorporations/submissions/multistakeholder/globalnetworkinitiative.pdf>. – Date of access: 29.03.2021.

8. Internet Governance Forum [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.intgovforum.org/multilingual/>. – Date of access: 29.03.2021.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКО-ПРАВОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Д.С. Маркевич

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета*

*Белорусский государственный университет,
младший научный сотрудник Центра государственного строительства
и права ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»*

*научный руководитель: Калинин Сергей Артурович, заведующий
кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета
БГУ, кандидат юридических наук, доцент
220072 Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова 1, корп 2
dasha.markevich@gmail.com*

Современный этап технологического развития характеризуется повышением роли информационных технологий во всех сферах жизни общества, усложнением числа и качества структурных связей, что оказывает решающее воздействие на иные социальные подсистемы. Их превращение в основные инструменты преобразования окружающего мира, а также в основания легитимации создаваемых социотехнических феноменов и иные свойства в настоящее время открывают ряд возможностей, однако требуют междисциплинарного осмысления, что и обуславливает возникновение ряда научных направлений и новых научных дисциплин, а также актуальность настоящего исследования, нацеленного на выявление качественных характеристик современных информационных технологий и их влияния на политико-правовую реальность.

Ввиду широкого подхода к пониманию информационных технологий⁴ (далее – ИТ) как в научной литературе, так и в законодательстве, остается нерешенным вопрос по определению универсальных признаков, свойственных для всех ИТ. По той же причине отсутствует перечень самих технологий, которые следует относить к рассматриваемой группе. При этом полагаем, что к числу родовых признаков данных технологий следует отнести:

- их определение как «совокупности» или «комплекса» разнородных объектов, процессов (структурный признак), в том числе деление на аппаратные и программные компоненты;
- способность обеспечивать поиск, сбор, хранение, обработку, предоставление, распространение информации (функциональный признак).

В то же время, рассматривая ИКТ как категорию динамическую, можно обнаружить, что в своем развитии они прошли ряд этапов. Согласно периодизации, предложенной британским ученым И. Майлсом, ИКТ уже преодолели четыре основных этапа: от начального (70-е годы XX столетия), который был связан с развитием микроэлектроники, появлением компьютеров, телекоммуникаций, систем радиовещания до настоящего времени, связанного с созданием глобальной информационной экосистемы, с развитием электронной торговли, а также расширением линейки высокотехнологичных товаров, услуг [1]. Различие в социальных эффектах, производимых ИКТ на отдельных этапах своего развития, можно обнаружить в периодизации, предложенной российскими исследователями В.В. Архиповым и Р.Ф. Азизовым, выделившими Web 1.0 и Web 2.0 в качестве стадий трансформации общественных отношений. Так, для Web 1.0 в силу централизации производства цифрового контента и одномерности коммуникации взаимодействия носили разовый, несистемный характер, а государственное регулирование не требовалось. С развитием Web 2.0 основной массив информации стал производиться самими пользователями, которым интернет-сервисы стали предоставлять технические возможности для коммуникации и обмена информацией [2, с. 93-98].

Это подтверждает вывод о циклическом характере технологического развития, что лежит в основе теорий экономических циклов Й. Шумпетера, смены экономических циклов Н.Д. Кондратьева и технико-экономических парадигм К. Перес, смены технологических укладов Д.С. Львова, С.Ю. Глазьева. По заключению ряда исследователей, праву наряду с преемственностью также свойственна цикличность, которая проявляется в прерывистом круговом развитии, отсутствии начальной и конечной точки. В итоге в праве образуются циклические правовые массивы, которые, в отличие от отрасли права или законодательства, стремятся не к обособлению, а к проникновению в действующие элементы права, изменяя их содержание [3, 4,

⁴. В настоящее время наблюдается неопределенность в соотношении понятий «новые информационные технологии», «компьютерные информационные технологии», «коммуникационные технологии» и «информационно-коммуникационные технологии», для целей данного исследования термины «информационно-коммуникационные технологии» (далее – ИКТ) и «информационные технологии» мы будем рассматривать в качестве синонимов.

5]. Так, изменения в самой природе общественных отношений требуют установления особенностей правового режима некоторых объектов права (например, информационно-цифровые блага, информационно-цифровой капитал, информационно-цифровая рента), закрепления новых форм, в которые облакаются привычные для юристов основания возникновения, изменения, прекращения правоотношений, а также пересмотра положений, устанавливающих содержание соответствующих правоотношений для обеспечения баланса интересов между их участниками.

Концентрируя исследовательский потенциал на особенностях ИКТ на современном этапе их развития, отметим, что одной из таких следует рассматривать возможность цифровизации, которая хоть и предполагает предварительную оцифровку и автоматизацию, все же отлична от них. Под оцифровкой следует понимать преобразование аналоговых данных⁵ в цифровую форму, что позволяет быстро передавать большие объемы информации на значительные расстояния без использования материальных носителей при помощи электрических импульсов (цифровых сигналов). В свою очередь, автоматизация предполагает использование или внедрение автоматического оборудования, позволяющего выполнять рутинные операции без помощи человека в рамках производственного и (или) иных процессов [6]. Различные авторы отмечают принципиальное отличие цифровизации от автоматизации, которое состоит из ряда следующих признаков: невозможность замены цифровой технологии набором аналоговых действий; для цифровизации характерны более высокая степень интеграции процессов и данных, в результате чего происходит кардинальное преобразование бизнес-процессов; цифровизация означает опережающее управление производством, а также виртуализацию основного объекта производства, в то время как автоматизация направлена на обработку типовых случаев и используется при создании цифровой модели изделия [7].

Таким образом, свойство цифровизации, возникшее как закономерное продолжение процессов оцифровки и автоматизации, представляет собой процесс, несводимый к набору аналоговых действий, в результате которого происходит виртуализация объектов и кардинальные преобразования в большинстве социальных сфер. Кроме того, возможность цифровизации порождает способность современных ИТ функционировать в рамках сложной открытой системы в искусственно создаваемой псевдосреде, функционирующей согласно правилам, которые задаются, прежде всего, программным кодом, а не физическими законами реального мира.

Следующей особенностью является сквозной характер большинства современных технологий. Это означает отсутствие связи с каким-либо

⁵. Существуют две формы представления информации: аналоговая и дискретная (цифровая). В отличие от дискретной величина в аналоговой форме может принимать бесконечное множество значений, например, звук музыки или картина художника. При этом аналоговую информацию можно преобразить в цифровую, например, посредством двоичного кодирования, когда информация представляется в виде нулей и единиц, что делает информацию не только машиночитаемой, но упрощает процессы ее обработки, передачи, хранения и др.

отдельным продуктом или сферой деятельности, что позволяет применять их практически во всех областях социальной жизни, при этом производя радикальные изменения в ключевых процессах и бизнес-моделях, вплоть до формирования новых рынков. В качестве примеров таких технологий принято рассматривать большие данные, промышленный интернет, искусственный интеллект, системы распределенного реестра, технологии беспроводной связи и другие.

Технические особенности ИКТ оказывают влияние на характер выполняемых функций, а также на роль, которую они играют в обществе, что отражается на политико-правовой реальности. Так, по мнению В. А. Иноземцева, ИКТ на современном этапе полноценно реализуют эпистемологическую и социокультурные функции, которые были не характерны для технологий на более ранних стадиях [8].

Для раскрытия данного тезиса следует обратиться к начальным этапам развития информационно-технологической парадигмы, отличавшихся реализацией принципа детерминизма, когда действие технических систем осуществлялось только на основе заложенных в них программ, а общественные отношения строились на принципе инструментальности используемых объектов (вещей). По сравнению с ним качественной особенностью второго этапа стало то, что произошедшие изменения затронули не только способ производства товаров, но и сам характер их обратного воздействия на общественные отношения. Возникает парадигма включенности человека, точнее его потенциала, в эпистемические объекты (конструкты знания). Эпистемические объекты (вещи) отличает аутопоэтичность, недостаточность «объектности», завершенности, не тождественность самим себе, гибридность природы и культуры, наращение сложности, в результате которой появляются принципиально новые свойства социальных объектов [9].

Эпистемический характер большинства ИКТ не позволяет однозначно говорить об их нейтральности, наоборот, ценности и принципы, которые оказываются «вшитыми» в программный код, определяют реализацию ИКТ социокультурной функции в соответствии с теми правилами, которые закладываются их разработчиками. Последние по мере развития системы могут утрачивать возможность контролировать данную технологию, то есть выступать в качестве администратора системы, что порождает дискуссию об ограничении их ответственности, перераспределения ее на низовые уровни.

Рассмотренные свойства накладывают отпечаток на привычную нам правовую реальность, однако по-разному осмысливаются в русле либеральной и нелиберальных парадигм. Первая позволяет концентрировать исследовательский потенциал на возможностях, создаваемых в результате цифровизации на микроуровне, однако остается нейтральной к остальным социальным эффектам, объективно возникающим в социально-экономических системах. Нелиберальный подход, напротив, охватывает широкий круг аспектов рассматриваемого явления, существующих не только на микроуровне, но и свойственных капиталистической системе в целом, также

обуславливает необходимость поиска нового консенсуса между государством и бизнесом, при котором стимулирование интенсификации процессов цифровизации будет предопределяться необходимостью гармоничного развития личности и общества, а не стремлением увеличения прибыли отдельных акционеров высокотехнологичных компаний, доминирующих на цифровых рынках.

Так, в рамках политэкономических исследований ИКТ в качестве одного из направлений предлагается рассмотрение диалектической связи между технологией и сферой государственного (политического) управления, а также порождаемых феноменов, в том числе кибербезопасности, информационного суверенитета, цифрового неравенства и других. Кроме того, обнаруживаются особенности географического распределения ИКТ, возникает необходимость учета действия ряда законов, в том числе закона избыточного разнообразия, оптимальной фрагментации и других [10].

Таким образом, современные ИКТ помимо родовых признаков характеризуются рядом новых свойств, задающих особенности их функционирования в социальной среде. В самом общем плане циклический характер развития технологий предопределяет усиление в праве свойств цикличности, что проявляется в виде формирования нормативного правового массива, направленного на обеспечение цифровизации всех областей социальной жизни. Свойство цифровизации, сквозной характер ИКТ, действие принципа технологического детерминизма, а также направленность на реализацию эпистемологической и социокультурной функции выступая в качестве свойств современных ИКТ, оказывают влияние на содержание происходящих изменений в различных социальных подсистемах, в том числе и правовой. Это открывает большой потенциал для исследований в русле нелиберальной парадигмы, позволяющей оценивать производимые социальные эффекты, изучать возникающие связи между технологией и сферой государственного (политического) управления и иные особенности, которые имеют принципиальное значение для развития юридической науки и оказывают существенное влияние на процессы реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан.

Список использованных источников:

1. Miles, I. Transformations of information society / I. Miles // Global Transformations and World Futures (Volume 1) // Oxford, United Kingdom, 2009. – 405 p.
2. Азизов, Р. Ф. Отношения в сети интернет-формата Web 2.0: проблема соответствия между сетевой архитектурой и правовым регулированием / Р. Ф. Азизов, В. В. Архипов // Закон, 2014. – № 1. – С. 90-104.
3. Залоило, М. В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации / М.В. Залоило // Российское государствоведение. – 2019. – № 1. – С. 16-24.

4. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, А. А. Дорская. – Москва: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 184 с.
5. Барсуков, А. Ю. Циклический характер трансформации права и правовой системы общества: теоретико-методологические основания исследования / А. Ю. Барсуков // Lex Russica. – 2019. – №7 (152). – С. 85-92.
6. Schumacher, A. Automation, digitization and digitalization and their implications for manufacturing processes / A. Schumacher, S. Wilfried, E. Selim / Innovation and Sustainability International Scientific Conference [Electronic resource] // ResearchGate GmbH, 2008-2021. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/318877006_Automation_digitization_and_digitalization_and_their_implications_for_manufacturing_processes. – Date of access: 29.03.2021.
7. Вичугова, А. Цифровизация и автоматизация – не одно и то же: разбираем 5 основных отличий [Электронный ресурс] / А. Вичугова // Школа Больших Данных (ООО «Учебный центр «Коммерсант»), 2021. – Режим доступа: <https://www.bigdataschool.ru/bigdata/%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.html>. – Дата доступа: 29.03.2021.
8. Иноземцев, В. А. Репрезентация знания в компьютерных и когнитивных науках: дис. ... док. филос. наук: 09.00.08 / В. А. Иноземцев. – М., 2018. – 354 с.
9. Лавренчук, Е. А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Е.А. Лавренчук. – М., 2011. – 187 с.
10. Терехов, А. Н., Ткаченко, С. Л. Политическая экономия информационно-коммуникационных технологий: место России на глобальном рынке / А. Н. Терехов, С. Л. Ткаченко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 312 с.

ОТРАЖЕНИЕ ЦУР ООН 16 В АКТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Т.С. Масловская

доцент кафедры конституционного права,

кандидат юридических наук, доцент

Белорусский государственный университет

220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4,

maslovskayat@bsu.by

Цели устойчивого развития, принятые Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. в рамках Резолюции 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», охватывают широкий спектр проблем, с которыми сталкиваются различные государства независимо от степени экономического развития. Проблематика достижения целей устойчивого развития актуальна для Республики Беларусь.

Одной из важнейших целей ЦУР выступает Цель 16: Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях («Мир, правосудие и эффективные институты»).

В рамках данной публикации пристальное внимание будет уделено анализу белорусского законодательства, прежде всего стратегических документов, направленных на обеспечение функционирования эффективных институтов (в рамках данной цели 16 и задач 16.6 Создать эффективные, подотчетные и прозрачные учреждения на всех уровнях; 16.7 Обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества).

До недавних пор большая часть задач устойчивого развития определялась и реализовывалась в Беларуси через государственные программы социально-экономического развития (их подпрограммы), Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития 2017 г., отдельные задачи – через иные программные документы (например, послания Президента Республики Беларусь Парламенту и народу), в рамках которых отражались и реализовывались отдельные цели устойчивого развития.

Предпочтительным, на наш взгляд, является комплексный подход к правовому регулированию в данной сфере, предусматривающий принятие Стратегии, а также в целях ее реализации соответствующих программ. Поскольку требуется принятие дополнительных мер (действий) по интеграции содержания Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь в повестку дальнейшего национального развития. Позитивно следует оценить принятие в Республике Беларусь специального стратегического документа, исключительно направленного на реализацию ЦУР в том виде, в котором они были приняты ООН в 2015 г. – Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года (утв. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. №3). Это свидетельствует о комплексном подходе.

3. Одной из наиболее актуальных для Беларуси остается цель 16. Доступ к правосудию, построение миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года, одобренной Президиумом Совета

Министров Республики Беларусь (протокол заседания от 2 мая 2017 года № 10) ЦУР 16 (задачи 16.6, 16.7) отражены фрагментарно.

Так, п. 8.1. «Система управления в интересах устойчивого развития» указанной Стратегии определяет стратегическую цель – повышение эффективности государственного управления в контексте обеспечения устойчивого социально-экономического развития и достижения высоких позиций в глобальной экономической конкуренции.

При этом на первом этапе (до 2020 г.) одной из приоритетных задач политики в сфере государственного управления является обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственного управления (пп.6), включающая:

- организацию публичного общественного обсуждения важнейших законопроектов, опубликование всех плановых и нормативных правовых документов в широкой печати, за исключением тех, которые составляют государственную тайну;
- развитие технологии обратной связи, обеспечивающей открытый диалог с гражданским обществом;
- усиление административной ответственности за уклонение от принятия решений, волокиту и другие проявления бюрократизма;
- развитие системы общественного мониторинга и оценки деятельности государственного аппарата;
- совершенствование механизмов взаимодействия между государством, обществом и бизнесом с использованием технологий электронного правительства;
- обеспечение открытости и прозрачности конкурсного подбора кадров на государственную службу [1].

Наряду с этим предусмотрено расширение полномочий и ответственности органов местного управления и самоуправления за результаты устойчивого развития региона посредством передачи им части функций и полномочий от вышестоящих органов государственного управления (пп.7) (например, передача полномочий в области охраны общественного порядка, коммунального обслуживания, строительства дорог, благоустройства и охраны окружающей среды, поддержки среднего и малого бизнеса, полномочия в социальной сфере). В Стратегии (пп. 10) отражено также укрепление позиций Национального собрания Республики Беларусь на международной арене посредством вовлечения представителей законодательной власти во все этапы построения полноформатных международных отношений.

В период 2021-2030 годов будет продолжен процесс совершенствования системы государственного управления экономикой в направлении повышения эффективности и результативности деятельности государственных органов на основе соединения передовых научных знаний с принятыми управленческими решениями. В частности, важнейшими задачами выступают повышение профессионализма и престижа государственной службы, а также широкое использование в деятельности органов государственного управления новых

технологий, в т.ч. ИТ-технологий. Реализация предлагаемых мер, направленных на повышение эффективности госуправления, обеспечит положительную динамику изменения индексов качества белорусской системы государственного управления в международных рейтингах.

Таким образом, анализ данного документа с точки зрения закрепления ЦУР 16 (задачи 16.6, 16.7)) позволяет сделать следующие выводы:

в данном документе речь идет о совершенствовании системы государственного управления, а не всех государственных органов;

предусмотрено расширение полномочий и ответственности органов местного управления и самоуправления, но только за результаты устойчивого развития региона;

открытым остается вопрос о подотчетности институтов власти, а также ответственном принятии решений, т.е. по сути об их ответственности.

4. В Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года (утв. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. №3) отдельный подраздел 8.3 посвящен эффективному государственному управлению. Вместе с тем, сфера сформулирована более узко, нежели в ЦУР 16 ООН, где речь идет об эффективных институтах, т.е. и о других, кроме исполнительных, органах (законодательных (представительных), судебных).

Эффективное государственное управление предусматривает создание компактной, эффективной, гибкой и транспарентной системы управления социальным и экономическим развитием. Решение задачи по повышению качества государственного управления предполагает проведение конструктивного и открытого диалога между государством, гражданским обществом и частным сектором.

Повышение качества государственного управления выступает одним из векторов развития. В соответствии с п.8.3 можно выделить следующие направления дальнейшего развития:

- дальнейшая цифровизация в сфере осуществления административных процедур, создание электронных баз данных госорганов (Будет активизирована работа по пересмотру законодательства, регулирующего административные процедуры, с целью адаптации их к реализации в цифровом формате. Запланированы меры по созданию инфраструктуры электронного правительства и его полноценной работы, включая дальнейшее создание электронных баз данных госорганов с возможностью их совместного использования);

- формирование новой системы подбора кадров на государственную службу, в том числе путем проведения открытого конкурсного отбора;

- внедрение прозрачной и независимой системы оценки эффективности деятельности госорганов и госслужащих, расширение практики применения государственных стандартов по менеджменту в государственном управлении;

- внедрение эффективной системы оценки регулирующего воздействия в процессе принятия государственных решений (далее – ОРВ), расширение

предметной области ОРВ, формирование информационных платформ и баз данных с открытыми данными для проведения ОРВ, использованию цифровых инструментов для отслеживания и оценки текущего правового регулирования [2].

Развитие институтов гражданского общества выступает вторым вектором развития, основные усилия будут направлены на обеспечение прозрачного и эффективного взаимодействия государственных органов с общественными и религиозными организациями, политическими партиями, поддержку инициатив и саморазвития гражданских сообществ, в рамках которого, в том числе, планируется:

- поддержка проектов общественных объединений и молодежных инициатив;
- «ревизия» норм законодательства, регулирующего деятельность общественных объединений (некоммерческих организаций) на предмет наличия барьеров при их создании и деятельности;
- включение представителей гражданского общества в процесс принятия и реализации решений в сфере устойчивого развития.
- развитие волонтерской деятельности [2].

Таким образом, вопросы создания эффективных подотчетных и прозрачных учреждений на всех уровнях не в достаточной мере регламентируются Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года. Вопросы подотчетности, а также ответственного принятия решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества не находят в ней необходимого отражения, что дает основание полагать, что подотчетность и ответственность не являются приоритетными задачами.

Фрагментарное отражение ЦУР ООН (ЦУР16) в актах стратегического характера Республики Беларусь свидетельствует о том, что в она не выступает в качестве приоритетных задач сегодняшнего дня. Вместе с тем, отдельные элементы ее задач 16.6. и 16.7 освещаются в указанных стратегических документах.

Задача ЦУР 16.6 (Создать эффективные, подотчетные и прозрачные учреждения на всех уровнях) в большей степени затронута в стратегических документах, нежели задача 16.7 (Обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества). Прозрачность и открытость деятельности органов государственного управления предполагает в том числе внедрение электронного документооборота, электронных административных процедур, создание электронных баз данных госорганов. Участие всех слоев общества в процесс принятия и реализации решений возможно только в сфере устойчивого развития (исходя из упомянутых документов).

В связи с этим критически оцениваем недостаточное освещение в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года вопросов подотчетности институтов власти, а также

ответственного принятия решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества. Полагаем, они требуют детальной правовой регламентации, равно как и проблема верховенства права (16.3), будучи актуальной для государства задачей, однако не нашедшей закрепления в списке приоритетов на ближайшие годы.

Подводя итог, отметим, что в Республике Беларусь используется комплексный подход к правовому регулированию в данной сфере, предусматривающий принятие Стратегии, а также в целях ее реализации соответствующих программ. Фрагментарное отражение ЦУР ООН (ЦУР16) в актах стратегического характера Республики Беларусь свидетельствует о том, что в она не выступает в качестве приоритетных задач сегодняшнего дня, однако отдельные элементы ее задач 16.6. и 16.7 освещаются в указанных стратегических документах. Вопросы подотчетности, а также ответственного принятия решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества не находят в ней необходимого отражения, что дает основание полагать, что подотчетность и ответственность не являются приоритетными задачами. Вместе с тем, полагаем, следует повышать уровень полноты в реализации ЦУР в Республике Беларусь.

Список использованных источников:

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года, одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол заседания от 2 мая 2017 года № 10): [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года (утв. Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. №3) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

С.С. Олесько

помощник прокурора Россонского района Витебской области

аспирант, магистр юридических наук

Белорусский государственный университет

научный руководитель: Шавцова Алла Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права

Белорусский государственный университет

220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4

daruta05@live.com

На современном этапе развития юридической науки и практики вопрос об обеспечении конституционных ценностей в условиях цифровизации малоизучен и в свете глобальности и стремительности данного процесса приобретает особую актуальность для юридических исследований в мировом масштабе. Что касается Республики Беларусь, с учётом планируемых конституционных преобразований, этот вопрос становится всё более острым и требует придания дополнительных импульсов научным исследованиям в данном направлении.

Необходимо констатировать, что сегодня мы стоим у черты, разделяющей прошлый и будущий конституционный правовой порядок. Но, справедливости ради, у черты нового или старого? Ответить на данный вопрос мы сможем лишь тогда, когда чётко решим, в какую сторону мы готовы и должны двигаться дальше.

Сегодня в мировом масштабе обсуждается процесс цифровизации, который касается самого сердца любого цивилизованного государства – его конституции, олицетворяющей основные ценности. В условиях цифровых преобразований их обеспечение существенно осложняется. На современном этапе мы перешли в т.н. «цифровую эпоху», значит, и обеспечение конституционных ценностей должно осуществляться с учётом специфики развития информационных технологий.

Сейчас довольно-таки модно говорить об информационном суверенитете и кибербезопасности как о конституционных ценностях, на что внимание обращал и Конституционный Суд Республики Беларусь в Послании о конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году, о защите интересов виртуальной личности и о цифровой конституции. Данные новшества являются реакцией на изменения в общественно-государственном устройстве под влиянием процесса цифровизации, который коснулся и Республики Беларусь (цифровая экономика и её следствие – смарт-контракты, технология блокчейн и пр.). Эти и многие другие новшества не должны нивелироваться, в то же время, относится к ним следует с осторожностью, т.к. в Республике Беларусь практика использования некоторых из них либо вовсе отсутствует, либо только начала формироваться.

Следствие цифровизации – это не только трансформация конституционных ценностей. Переосмысливая их, без должного внимания нельзя оставить и самих личность, общество и государство, неразрывно связаны с указанными ценностями. Эти субъекты также должны быть пересмотрены с учётом влияния на них научно-технического прогресса. При их конкретизации нельзя слишком забегать вперед, но отставать от современных веяний также не стоит. Требуется сбалансированное поступательное и целенаправленное движение.

Многие слышали о явлениях цифрового государства (цифровая экономика, электронные правительство и правосудие) и информационного общества. Между тем, они стали возможными в следствие уточнения роли общества и государства на современном этапе, её переосмысления. Однако

переосмыслению подлежит и сама личность, в связи с чем, следует констатировать тот факт, что приходит то время, когда речь можно вести и о цифровой личности, рассматривая её с точки зрения конституционной ценности.

Но где место личности в условиях информационного общества и цифрового государства? Какое место здесь отведено её правам и свободам, их защите? Не станет ли она «порабощённой» тотальным контролем достижений современной науки? Это те вопросы, над которыми нам ещё ни раз предстоит задуматься!

Процесс цифровизации, с одной стороны, благоприятно воздействует на личность, общество и государство, с другой – разрушает сложившийся уклад их взаимоотношений, нарушает конституционно-правовой баланс их интересов. В условиях цифровизации в общество проникают технологии и преобразуют его в информационное общество. В то же время, личность вынужденно отправляется в виртуальный мир и переводится в разряд виртуальной. Но не каждая личность готова к таким переменам, в связи с чем, не все из них включаются в новое общество. Это обусловлено тем, что цифровизация коренным образом изменяет характер взаимоотношений личности и общества – традиционная коммуникация между людьми ослабевает, замещается коммуникацией, которая осуществляется с помощью информационных технологий.

В этих условиях личность ставится в жёсткие рамки и должна не отставать от информационного общества, по сути дела, придерживаться предъявленных к ней требований. Кто-то этот ритм выдерживает, кто-то – нет. В последнем случае конституционно-правовой баланс интересов личности, общества и государства нарушается.

При переосмыслении представления о личности в условиях цифровой эпохи важно учитывать тот факт, что, с одной стороны, использование искусственного интеллекта – это большой прогресс, с другой же – напротив, своего рода регресс, т.к. общество переходит к выполнению более примитивных форм работы и не использует свой интеллект на уровне, позволяющем развиваться в дальнейшем.

В следствие процесса цифровизации в обществе могут возникнуть «новые» конституционные ценности: производные от уже существующих и абсолютно новые. Так, конституционно-правовой баланс интересов личности, общества и государства как конституционная ценность в условиях цифровой эпохи должна быть переосмыслена и рассмотрена в преломлении сквозь цифровую личность, информационное общество и цифровое государство. Серьёзнейшим образом это затронет и такие конституционные ценности как тайны: личные, семейные и мн. др., что обусловлено тем, что жизнь личности, как и сама она в её цифровом представлении, станут многогранными.

Таким образом, цифровая эпоха перед юридической наукой и практикой обостряется серьёзная и принципиально важная в разрешении проблема, которая обусловлена необходимостью переосмысления как конституционных ценностей, так и представлений о личности, обществе и государстве. Внедрение

достижений науки должно быть постепенным и реально обоснованным, к нему должны быть готовы как государство, как общество, так и каждая отдельная личность.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПОТЕНЦИАЛ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ

П. Н. Орлов,

студент 4 курса кафедры политологии

Белорусский государственный экономический университет

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О.Г. Буховец

220070, Беларусь, Минск, Партизанский проспект, 26

petr.orlov99@gmail.com

В 2013 году страны-участники саммита «Большой восьмерки» приняли исторический документ – Хартию открытых данных, которая предусматривает публичное раскрытие информации государственных органов в сети Интернет. Поставить свою подпись под Хартией были приглашены и страны, не входящие в состав «Большой восьмерки», что придало инициативе глобальный характер.

Главные принципы, прописанные в Хартии: открытость данных по умолчанию, своевременная их публикация в машиночитаемом виде, прозрачность и обязательство обеспечивать условия, в которых разработчики будут создавать приложения на основе открытых данных.

Концепция открытых данных предполагает свободный доступ к данным органов государственной власти, которые раскрывают их деятельность в рамках исполнения ими своих функций. Однако, чтобы считаться открытыми, данные должны соответствовать ряду принципов, которые сводятся к юридической (лицензионная чистота), технической (пригодность для автоматической обработки) и организационной открытости (наличие стратегии и необходимой инфраструктуры).

Информатизация органов государственного управления – один из приоритетов внутренней политики Республики Беларусь. Выступая 20 апреля 2013 года с Посланием белорусскому народу и Национальному собранию, Президент Беларуси А. Лукашенко подчеркнул, что «информатизация способна обеспечить стране ряд стратегических прорывов» [1].

От себя заметим, что позиционирование Республики Беларусь как высокоразвитого государства, ориентированного на стимулирование деловой инициативы и развитие предпринимательства, невозможно представить без открытости органов государственной власти и управления. Решить эту задачу предстоит проекту национального портала открытых данных, который можно рассматривать в качестве катализатора инновационной деятельности в сфере государственного управления, а также повышение ее эффективности [2, с.96].

Создание национального портала предусмотрено рядом программных документов (программа социально-экономического развития Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 466 от 15 декабря 2016 г., программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 274, государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 235 от 23 марта 2016 г.) как практического инструмента развития в Беларуси сектора информационных услуг для населения и бизнеса, базирующегося на использовании данных государственных органов и организаций, опубликованных в открытом виде, доступном для машинного считывания.

С 11 по 20 мая 2019 года Министерством связи и информатизации Республики Беларусь было организовано общественное обсуждение проекта постановления «О функционировании национального портала открытых данных на базе единого портала электронных услуг». Проект был опубликован на интернет-сайте правового форума Беларуси. В обсуждении законопроекта приняло участие 3 человека. Этот факт наглядным образом демонстрирует крайнюю незаинтересованность как отдельных граждан, так и представителей бизнес-сообщества, некоммерческих организаций в обсуждении выносимого проекта документа.

Как говорит нам обоснование необходимости принятия постановления Совета Министров Республики Беларусь «О функционировании национального портала открытых данных на базе единого портала электронных услуг» основной целью создания портала является обеспечение высокого уровня доступности информации о деятельности государственных органов и организаций, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды и другой информации в виде открытых данных для физических и юридических лиц [3].

При введении запроса в поисковой системе Google сайт оказался доступен в сети Интернет по адресу: <https://data.gov.by>.

Несмотря на наличие соответствующей информационной инфраструктуры, международные рейтинги говорят о том, что стране предстоит еще долгий путь в части развития этого направления. Так, по итогам четвертой волны исследования Open Data Barometer (последняя проходила в 2017 году) Беларусь оказалась на 92 месте среди стран, использующих платформу открытых данных [4].

Резонным остается вопрос об экономических эффектах использования открытых данных. Приведем здесь следующие цифры: на портале открытых данных Соединенных Штатов Америки размещено почти 88,4 тыс. наборов данных, на портале Великобритании – 17,8 тыс. В настоящее время экономический потенциал открытых данных в этих странах оценивается в 50 млрд евро ежегодно [5].

По состоянию на апрель 2020 года на национальном портале открытых данных удалось зафиксировать за 2019 год всего 39 (!) наборов данных.

Сообщество «Открытые данные. Беларусь» совместно с компанией Light Well Organization, разработчиком концепции и технического задания для государственного портала открытых данных, провели онлайн-исследование спроса на открытые данные в Беларуси (здесь мы не вступаем в дискуссию относительно репрезентативности проведенного исследования, однако, из-за отсутствия социологических исследований по тематике открытых данных считаем целесообразным привести тут некоторые цифры).

На вопрос «Какие открытые данные могли бы помочь вам в работе?» большинство респондентов ответило, что для них наибольший интерес представляют данные из сфер экономики и финансов, данные о государственных расходах и населении. Среди государственных органов, данные которых востребованы, лидируют Министерство экономики, Министерство финансов и местные органы власти. Респонденты также отметили ряд трудностей в работе с открытыми данными: недостаточная частота обновления, неясность методологии сбора, а также недоступность данных в машиночитаемом формате [6].

Исходя из вышеизложенного можно констатировать ряд проблем, стоящих на пути развития темы открытых данных в Республике Беларусь. Среди них: неактуальность и неполнота открытых данных, фатальное отставание в вопросах открытости власти от развитых государств, отсутствие площадок для взаимодействия с организациями гражданского общества.

Какие же актуальные задачи поможет решить более активное внедрение платформы открытых данных в Беларуси?

Во-первых, можно говорить об активизации IT-сектора страны, а также развития «экономики знаний». Разработчики программного обеспечения получают огромное количество информации для разработки информационных сервисов, а бизнес, исследовательские институты и аналитики получают данные, которые впоследствии можно конвертировать в знания. Так, уже упомянутая нами Хартия открытых данных гласит: «Открытые данные являются катализатором инноваций в частном секторе, способствующим созданию новых рынков, коммерческих предприятий и рабочих мест» [7].

Во-вторых, улучшение позиционирования страны среди других государств, разделяющих принципы открытости и свободы информации посредством повышения позиций в международных рейтингах (в т.ч. рейтингах Организации Объединенных Наций).

И в-третьих, укрепление доверия между государством и гражданским обществом. Ведь именно открытые данные сегодня можно квалифицировать в качестве эффективного инструмента государственного управления, сокращения административных затрат, повышения качества обслуживания населения и доверия этого же населения к государственным (политическим) институтам.

В Беларуси сложились определенные предпосылки для развития темы открытых данных. Однако на сегодняшний день необходима скрупулезная и

целенаправленная работа по ее дальнейшему развитию и в максимально сжатые сроки устранению всех имеющихся барьеров.

Позволим в заключении рекомендовать всем заинтересованным сторонам ряд основополагающих моментов:

продолжить работу по регулярному наполнению актуальными открытыми данными национального интернет-портала в соответствии с плановыми показателями;

разработка национальной стратегии открытости органов государственной власти;

принятие нормативного правового акта о функционировании национального портала открытых данных с учетом мнений заинтересованной когорты граждан и опираясь на соответствующую правовую базу;

организация деятельности постоянного действующей коммуникационной площадки между представителями органов государственной власти и компаниями-разработчиками с целью определения первоочередных координирующих мер по развитию направления.

Список использованных источников:

1. Послание Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P013p0001>. – Дата доступа: 08.10.2020.

2. Орлов, П.Н. Анализ внедрения и функционирования национального портала открытых данных в Республике Беларусь / Ю.И. Малевич, П.Н. Орлов // Цифровая трансформация финансового сектора экономики: сб. тезисов докладов V Международной научн.-практ. конф. (Одесса, 9–10 апреля 2020 г.) – Одесса: ОНЕО, 2020. – С.96–98.

3. Проект постановления Совета Министров Республики Беларусь «О функционировании национального портала открытых данных на базе единого портала электронных услуг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forumpravo.by/files/Proekt_postanovlenie_SM_portal_reltingovoj_ocenki_11.05.2019.pdf. – Дата доступа: 08.10.2020.

4. Открытые данные в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://np.aaii.ru/item.php?id=2812&fbclid=IwAR3u3OTE5_5pRoPglqGJM8sVlItq3ZaE9a_jjVpaboBjYZTP_w5152YlFTE. – Дата доступа: 08.10.2020.

5. Создание совета по открытым данным при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/svoi-glaza/1019306-echo/>. – Дата доступа: 08.10.2020.

6. Исследование спроса на открытые данные в Беларуси: что мы узнали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://opendata.by/open-data-survey>. – Дата доступа: 08.10.2020.

7. Хартия открытых данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://data.gov.ru/sites/default/files/documents/hartiya_otkrytyh_dannyh_gruppy_vo_smi.pdf. – Дата доступа: 08.10.2020.

ИНСТИТУТ СОГЛАСИЯ НА МЕДИЦИНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В РЕАЛИЯХ ЛЕЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ

А.Н. Сенкевич

*юрисконсульт административно-управленческого персонала,
Минский научно-практический центр хирургии, трансплантологии и
гематологии,*

*220045, Беларусь, г. Минск, ул. Семашко, 8,
6821791@gmail.com*

С развитием медицинской отрасли в целом и отдельных видов медицинских вмешательств в частности белорусская медицина располагает всё большим и большим спектром возможностей по оказанию медицинской помощи и медицинских услуг. Данная тенденция вызывает потребность уделить особое внимание вопросу информированного согласия на медицинское вмешательство, степень регулирования которого без преувеличения характеризует уровень правовой и медицинской культуры государства .

Законодатель нормами Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» (далее – Закон) закрепил за гражданами право на получение информации о состоянии собственного здоровья, методах оказания медицинской помощи (абз. 7 ч. 1 ст. 41) и право на добровольное согласие, которое должно предшествовать каждому медицинскому вмешательству (ст.44). При этом Закон выделяет простое медицинское вмешательство, согласие на которое даётся пациентом в устной форме с проставлением врачом соответствующей отметки в медицинской документации, и сложное медицинское вмешательство, которое требует письменного согласия пациента [2]. Отнесение же того или иного медицинского вмешательства к простому или сложному осуществлено специальными правовыми актами Министерства здравоохранения Республики Беларусь, которые утверждают перечни простых, сложных, а также высокотехнологичных медицинских вмешательств, которые, очевидно, в контексте информированного согласия следует относить к сложным [4,5].

Данные права пациента в мировой медицинской практике являются одной из основ оказания медицинской помощи, важным элементом механизма здравоохранения каждого государства. Так, специалисты в области

английского медицинского права Джейн Стерджесс и Дерек Дуэйн в своём Руководстве для медицинского работника по основным юридическим вопросам утверждают, что «предоставление лечения дееспособному взрослому пациенту без его действительного согласия было бы гражданским правонарушением: правонарушением в виде причинения физического вреда, которое является посягательством на человека. Оно будет иметь место независимо от объективно положительного результата лечения, поскольку действие связано с физическим вмешательством, на которое не было согласия, а не с результатом вмешательства. Некоторые нарушения физической неприкосновенности могут быть уголовно наказуемыми. Кроме того, согласие не может служить защитой для лечения или процедуры, которые являются незаконными или противоречат государственной политике. Лечение без согласия может также вызывать вопросы касательно прав человека в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека 1950 г. и Законом о правах человека 1998 г., включая: статью 3 (запрещение пыток и жестокого и бесчеловечного обращения), статью 5 (лишение свободы), статью 8 (неприкосновенность частной жизни) и статью 9 (свобода совести и религии)» [8, с. 14]. Отдельными белорусскими и российскими юристами также подчеркивается, что, «поскольку любое медицинское воздействие сопряжено с психической и (или) соматической интервенцией, результат такой интервенции может быть интерпретирован как вред», и далее заключают, что, «поскольку отсутствуют письменные подтверждения, что такой вред причинен с согласия пациента, он приобретает право требования по обязательствам из причинения вреда»[7].

На сегодняшний день «информированность» согласия в соответствии со ст.44 Закона останавливается на целях медицинского вмешательства, прогнозируемых результатах и возможных рисках. Достаточно ли данной информации для того, чтобы пациент мог сделать осознанный шаг к конкретному методу лечения либо к конкретной медицинской услуге? Может ли пациент чувствовать себя защищённым от посягательства на своё здоровье, а медицинский работник – от необоснованных претензий и жалоб на неблагоприятные для пациента последствия медицинского вмешательства?

Национальный практический и зарубежный законодательный опыт указывает на недостаточность вышеуказанной информации для осознанного согласия пациента на вмешательство. Система здравоохранения постоянно сталкивается с жалобами и претензиями о негативных последствиях вмешательств и неправильно выбранных тактиках лечения, которые могут отражаться на лечащих специалистах учреждений здравоохранения. Российский законодатель, к примеру, урегулировал данный вопрос более совершенно. Примечательно, что еще ранее, в статье 138 проекта Федерального закона Российской Федерации № 98042437-2 «О здравоохранении в Российской Федерации» (далее - Проект) содержалось, что «необходимым предварительным условием оказания медицинской помощи является информированное добровольное согласие пациента, получаемое

после предоставления ему информации, предусмотренной частью первой статьи 136», которая, в свою очередь, содержала внушительный перечень сведений, которые входят в состав информированного согласия. К ним Проект относил информацию о состоянии здоровья, включая сведения о результатах обследования, наличии заболевания, его диагнозе и прогнозе, целях, методах, включая альтернативные, и продолжительности рекомендуемого лечения, возможном риске, побочных эффектах и ожидаемых результатах. Впоследствии Проект был отклонен, однако сама попытка отразить в его нормах концептуальную связь статей, посвященных согласию на медицинское вмешательство и праву граждан на информацию о состоянии здоровья, явилась большим достижением лоббирующих совершенствование правового регулирования института информированного согласия [7]. На сегодняшний день Статьей 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлено, что в доступной форме должна быть предоставлена полная информация о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи.

Вместе с тем практика жалоб и обращений показывает, что закреплённого в российском законодательстве минимума сведений недостаточно. Исчерпывающий перечень вопросов согласия на медицинское вмешательство содержится в юридическом стандарте информации, разработанным профессором Российской медицинской академии последипломного образования Пищитой Александром Николаевичем:

1. Информация об исходном состоянии здоровья, прогнозе для здоровья и жизни пациента:

- об основном заболевании, по поводу которого обратился пациент;
- о сопутствующих заболеваниях, общем состоянии, возрасте, переносимости лекарств и реакции организма.

2. Информация о вариантах необходимого и возможного медицинского вмешательства (обследования, лечения, реабилитации):

- о вариантах лечения;
- о предлагаемом методе как наиболее подходящем для этого больного в данной ситуации;
- об эффективности предлагаемого метода, проценте осложнений и неудач;
- о вероятности непредвиденных обстоятельств и действий врача;
- о степени необходимости и срочности оказания медицинского вмешательства.

3. Информация о правах и обязанностях пациента:

- о необходимости обязательного выполнения назначений и рекомендаций медицинского персонала;
- о правах и обязанностях пациента во время и после лечения.

4. Информация об учреждении:

- о медицинском учреждении и лечащем враче (наличии лицензии, сертификата, стажа работы, врачебной категории, ученой степени);
- об обязанностях и ответственности медицинского учреждения и медицинских работников в отношении пациента.

Несомненно данный перечень сведений имеет важное информативное значение и вполне бы мог использован и в белорусском законодательстве. Однако стоит отметить, что изложение столь обширного ряда вопросов каждому пациенту при любом вмешательстве может вызвать затруднения в реализации по причине трудоемкости и времязатратности, а также причине ослабленного состояния пациентов, которое зачастую имеет место перед медицинским вмешательством. Вместе с тем, положения из перечня могли бы быть переняты для осуществления наиболее сложных медицинских вмешательств, вмешательств с высокой степенью риска и других.

Полагается, что в современных реалиях целесообразно информирование пациента о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи (аналогично положениям российского законодателя), а также о квалификации врача, альтернативных методах лечения, возможных болевых синдромах, эстетических недостатках.

Регулирование института согласия также имеет проблему и в вопросе документального закрепления. На сегодняшний день утверждённая Министерством здравоохранения форма согласия на медицинское вмешательство (которое является составляющей медицинской карты стационарного пациента) предусматривает лишь само согласие пациента на «всё, что ему сообщил лечащий врач» [6]. При этом она не содержит какой-либо информации, с которой пациент соглашается. Подписание пациентом такого согласия не может являться соблюдением права на информированное согласие т.к. он не обладает специальными знаниями в области медицины и не владеет соответствующей терминологией. В случае рассмотрения медицинского спора в судах пациент будет иметь возможность ссылаться на отсутствие понимания о проведённом вмешательстве, что может повлечь как гражданскую, так и уголовную ответственность для врача и учреждения. По этой причине на практике учреждения здравоохранения разрабатывают собственные формы информированного согласия на медицинское вмешательство, включая туда необходимые сведения. Безусловно, данная практика имеет положительный характер, однако имеет и отрицательные стороны в виде нагромождения форм ненужной информацией и непонимания пациентом правовой природы данных согласий.

Для устранения вышеизложенных недостатков несомненно требуется дальнейшее регулирование института согласия на медицинское вмешательство. Видится необходимость расширения минимума сведений, подлежащих изложению пациенту перед проведением медицинского вмешательства для обеспечения его осознанного и добровольного согласия.

При этом должна исключаться формальность информирования, которая имеет место на практике, не должно презюмироваться согласие на простое медицинское вмешательство. Также полагается целесообразным определение порядка информирования пациента с утверждением соответствующих форм согласий для различных направлений медицинских вмешательств [1, с 20]. Данные нововведения позволят пациенту заблаговременно ознакомиться с необходимой информацией в подробной форме, задать лечащему специалисту интересующие вопросы. Описанные меры позволяют устранить недоверие и настороженность пациента, установить комфортные отношения на уровне врач-пациент.

Необходимо упомянуть, что ч.9 ст. 44 Закона предусматривает, что согласие на медицинское вмешательство может быть в любой момент отозвано, за исключением случаев, когда врачи уже приступили к такому вмешательству, и его прекращение либо возврат к первоначальному состоянию невозможны или связаны с угрозой для жизни либо здоровья пациента. Отзыв согласия и информация о невозможности удовлетворения отзыва с указанием причин оформляется записью в медицинской документации и подписывается пациентом либо его законными представителями. Пациент либо его представители имеют право отказаться от госпитализации, медицинского вмешательства или потребовать их прекращения. В таком случае указанным лицам в доступной форме должны быть разъяснены возможные последствия отказа. Это закреплено в ст. 45 Закона. Отказ от медицинского вмешательства, а также от госпитализации с указанием возможных последствий оформляется записью в медицинской документации и подписывается пациентом либо его представителями, а также медицинским работником. Признание автономии пациента, права отказываться от лечения подразумевает и признание за ним права распоряжаться своей жизнью, то есть отказываться от мер, направленных на поддержание жизни [1].

Таким образом, институт информированного согласия на медицинское вмешательство требует дальнейшего развития с расширением объема информирования и установлением его механизма, что должно обеспечить защиту пациента и медицинского работника в случае большинства негативных последствий медицинского вмешательства.

Список использованных источников:

3. Дегтярев, Ю.В. Информированное согласие на медицинское вмешательство: история вопроса, перспективы/ Ю.В. Дегтярев// Медицинский журнал. – 2015. - № 4. – С. 14-21.
4. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП: в ред. от 21.10.2016 г. 1. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации, 21 ноября 2011 г., № 323-ФЗ// Pravo.by [Электронный ресурс] – Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ - Дата доступа 01.12.2020.

6. Об установлении перечня простых медицинских вмешательств: постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 31 мая 2011 г. № 49 1. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Об утверждении перечня сложных хирургических вмешательств: постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 27 февраля 2006 г., № 8: в ред. от 20.12.2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Об утверждении форм первичной медицинской документации в организациях здравоохранения, оказывающих стационарную помощь: приказ Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 1 октября 2007 г., № 792: в ред. от 18.11.2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. Федченко, А.В. Право пациента на информацию через призму информированного согласия на медицинское вмешательство /А.В. Федченко // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

10. Jane Sturgess. A Medic's Guide to Essential Legal Matters / Jane Sturgess , Derek Duane , Rebekah Ley // Oxford University Press. – 2019. – 232 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА СЛУЖБЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФИКСИРОВАНИЮ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ

В.П. Скобелев

заместитель декана по заочному обучению юридического факультета

Белорусский государственный университет,

кандидат юридических наук, доцент

220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4

s_v_p@tut.by

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2020 г. №45-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон № 45-З) предусмотрел закрепление в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК) новых подходов к фиксированию судебных процессов – сплошного (за некоторыми изъятиями) использования для осуществления такого фиксирования средств звуко- или видеозаписи с составлением краткого протокола судебного заседания или отдельного процессуального действия. Очевидно, что положения Закона №45-З требуют самого подробного анализа, причем не только ввиду своей новизны, но и потому, что некоторых из этих положений имеют довольно спорный

характер, а отдельные из вполне насущных и очевидных проблем Закон № 45-3 не решил

В связи с изменением правил фиксирования хода судебных процессов Закон № 45-3 прежде всего закрепил в абз.6 ст. 1 ХПК дефиницию краткого протокола и протокола. В ней говорится, что «краткий протокол, протокол – судебные документы, в которых с соблюдением порядка, установленного настоящим Кодексом, фиксируются факт производства по экономическому делу, содержание и результаты процессуальных действий». Подобное определение вызывает возражения по ряду причин.

Во-первых, приведенная норма относит краткий протокол и протокол к судебным документам. Сделано это было, очевидно, под влиянием аналогичной дефиниции, закрепленной Законом № 45-3 в п.6 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), где краткий протокол, протокол также квалифицированы в качестве судебных документов. Но ГПК, в отличие от ХПК, разъясняет понятие судебных документов и четко отмежевывает эти документы от документов процессуальных. Так, судебными документами являются судебные постановления и протоколы, составляемые соответственно судом или секретарем судебного заседания (секретарем судебного заседания – помощником судьи) (ч.5 ст. 108 ГПК), в форму же процессуальных документов облекаются заявления и ходатайства юридически заинтересованных в исходе дела лиц, предназначенные для передачи суду (ч. 4 ст. 108 ГПК).

Текст ХПК тоже оперирует (и оперировал еще до принятия Закона №45-3) терминами «судебные документы» (см. ч.3 ст. 20) и «процессуальные документы» (см. ч.2 ст. 56-1, ч.1 ст. 94, ч.4 ст. 141, ст. 143), но смыслового единства в употребляемой терминологии нет. Например, в ч.3 ст. 20, ст. 143 ХПК судебные и процессуальные документы рассматриваются законодателем как тождественные категории, обозначающие абсолютно любые направляемые (вручаемые) судом участвующим в деле лицам документы, т.е. не только судебные постановления, но и судебные извещения, копии исковых материалов и пр. (как видно, понятие судебных документов здесь трактуется гораздо более широко, нежели в ч.5 ст. 108 ГПК) [1, с. 65]. В ч. 1 ст. 94 ХПК процессуальным документом названо заключение эксперта. В ч. 4 ст. 141 ХПК под процессуальными документами подразумеваются исковое заявление и приложенные к нему документы, а в ч. 2 ст. 56-1 ХПК – вообще любые имеющиеся в деле письменные материалы.

Поэтому прежде чем относить в новой норме абз.6 ст. 1 ХПК краткий протокол и протокол к той или иной разновидности документов, законодателю следовало упорядочить использование терминологии в ХПК, а именно: при сохранении в тексте Кодекса обоих упомянутых терминов – «судебные документы» и «процессуальные документы», четко разграничить их содержание (подобно тому, как это сделано в ГПК); в случае же унификации терминологии, однозначно определить, каким единым термином подлежат обозначению все имеющие отношение к экономическому делу документы, –

или термином «судебные документы», или термином «процессуальные документы». К слову, в научной доктрине уже достаточно давно все документы, образующиеся в ходе производства по судебному делу, принято называть процессуальными [2, с. 72; 3, с. 100]. Эту традицию продолжают и современные практические работники, причем даже в отношении выносимых по гражданским делам постановлений суда, которые ч.5 ст. 108 ГПК требует именовать судебными документами [4, с. 64, 66, 67; 5, с. 33].

Во-вторых, согласно абз.6 ст. 1 ХПК в кратком протоколе, протоколе «фиксируются факт производства по экономическому делу, содержание и результаты процессуальных действий». Выражение «производство по экономическому делу» является настолько широким по своему логическому объему, что охватывает абсолютно все события (действия), происходящие с экономическим делом в суде, в том числе охватывает и то, что указано в заключительной части дефиниции – «содержание и результаты процессуальных действий» (а значит, делает эту часть дефиниции фактически излишней). В действительности, однако, краткий протокол, протокол предусмотрен для фиксирования только строго определенной информации, имеющей отношение к экономическому делу. Поэтому более правильно в абз.6 ст. 1 ХПК было бы написать, что в кратком протоколе, протоколе фиксируется в случаях, предусмотренных ХПК, ход судебного заседания или ход отдельного процессуального действия вне судебного заседания.

В-третьих, абз.6 ст. 1 ХПК закрепляет единую дефиницию для краткого протокола и протокола, по сути, нисколько не разграничивая эти категории между собой. Между тем краткий протокол и протокол существенно отличаются друг от друга. Как видно из новой редакции ст. 189 ХПК, *краткий протокол* – это документ, который составляется в соответствии с требованиями ч.1, 3 ст. 189-1 ХПК при осуществлении звуко- или видеозаписи судебного заседания (отдельного процессуального действия), а *протокол* – это документ, который составляется в соответствии с требованиями ч.2, 3 ст. 189-1 ХПК в случаях, когда звуко- или видеозапись судебного заседания (отдельного процессуального действия) не ведется.

Заметим, что каких-либо других изменений в ст.1 ХПК (помимо включения дефиниции краткого протокола, протокола) Законом №45-3 не внесено, хотя объективная потребность в совершенствовании терминологического аппарата ХПК присутствует (аналогичную потребность мы отмечали и в отношении гражданского судопроизводства, анализируя корректировки, внесенные в Закон №45-3 в ст.1 ГПК [6, с. 9-10]). Например, поскольку Закон № 45-3 предусматривает использование средств видеозаписи для сплошного фиксирования хода судебных процессов, то в ст. 1 ХПК имело бы смысл дать определение термина «видеозапись», а в нем отразить, что видеозапись предполагает одновременное (синхронное) фиксирование информации как визуального, так и звукового характера (поскольку видеозаписью, с формальной точки зрения, может считаться и лишь одна фиксация видеоряда, без одновременного записывания

соответствующих звуков, но такой вариант, очевидно, был бы вряд ли приемлем для целей хозяйственного судопроизводства).

Новые подходы к фиксации хода судебных процессов по экономическим спорам в судах первой инстанции законодатель отразил в ст. 189 ХПК, изложив данную статью в новой редакции. Собственно, на новизну подходов указывает уже само нынешнее наименование данной статьи. Если раньше она называлась «Протокол судебного заседания и протокол о совершении отдельного процессуального действия», то теперь – «Фиксирование хода судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания» (название статьи было дословно скопировано с наименования новой редакции ст. 113 ГПК, о чем свидетельствует наличие в названии ст. 189 ХПК термина «суд»; данный термин характерен именно для ГПК, а ХПК оперирует другим выражением – «суд, рассматривающий экономические дела»).

Сразу же стоит обратить внимание на неточность в определении предмета фиксирования (идентичная неточность была допущена законодателем при определении Закона №45-З предмета фиксирования согласно новым подходам и в отношении гражданского судопроизводства [6, с. 16-17]. Из названия и содержания ст. 189 ХПК следует, что таковым является ход каждого судебного заседания суда первой инстанции и ход совершения каждого отдельного процессуального действия суда первой инстанции вне заседания. Выходит, что абсолютно любое процессуальное действие суда первой инстанции, совершаемое вне судебного заседания, подлежит фиксированию способами, о которых говорит ст. 189 ХПК, что, однако, не соответствует действительности.

Вне судебного заседания судом первой инстанции совершается большое число самых разнообразных процессуальных действий – на стадии возбуждения производства по делу, при подготовке его к судебному разбирательству, после вынесения решения, в том числе по вопросам, связанным с исполнительным производством. И все их фиксировать нет никакого резона. Ведь абсолютно нет смысла фиксировать, например, действия по рассмотрению поданных заявителем исковых материалов на предмет допустимости принятия их к производству; по изготовлению и направлению участвующим в деле лицам определения о возбуждении производства по делу; по решению вопроса об объединении дел или о выделении требования в отдельное производство; по решению вопроса о назначении примирителя; по истребованию у участвующих в деле лиц, иных граждан и организаций доказательств и т.п.

Очевидно, что действия, совершаемые судом первой инстанции вне судебного заседания, необходимо фиксировать только тогда, когда это прямо предписывает процессуальный закон (при этом заметим, что в этих случаях фиксированию подлежат не только действия суда, но и действия иных субъектов процесса, принимающих участие в том или ином процессуальном мероприятии, что свидетельствует об еще одной неточности, допущенной при

определении предмета фиксирования в ст. 189 ХПК). В частности, это такие процессуальные действия, как осмотр вещественных доказательств по месту их нахождения (ч.3 ст. 87 ХПК), осмотр и исследование доказательств в их месте нахождения (ч.5 ст. 102 ХПК), достижение сторонами вне судебного заседания согласия по фактическим обстоятельствам дела (ч.3 ст. 107 ХПК), осмотр письменных доказательств (ч.2 ст. 184 ХПК). Поэтому в ст. 189 ХПК следует или прямо перечислить отдельные процессуальные действия, подлежащие фиксированию, или (что более предпочтительно) сделать ссылки на соответствующие статьи ХПК.

Отмеченная неточность, связанная с определением предмета фиксирования, перекочевала в ст. 189 ГПК из ее прежней редакции, где (в части первой) говорилось, что «при совершении отдельных процессуальных действий вне судебного заседания суд, рассматривающий экономические дела, первой инстанции составляет ... протокол о совершении отдельного процессуального действия, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом для отдельных категорий дел». Поскольку для отдельных категорий дел иное ХПК установлено не было, то получалось, что при совершении любого процессуального действия вне судебного заседания надо было составлять протокол. Правда, из контекста нормы не следовало, что протоколированию подлежат только действия суда (этим прежняя редакция ч. 1 ст. 189 ХПК выгодным образом отличалась от ее современной редакции), хотя в норме присутствовала другая неточность – указание на составление протокола судом, тогда как на самом деле протокол составлялся (и составляется по-прежнему) секретарем судебного заседания – помощником судьи.

Суть новых подходов к фиксированию судебных процессов по экономическим делам состоит в том, что теперь согласно ч.1 ст. 189 ХПК ход каждого судебного заседания суда первой инстанции и ход совершения отдельного процессуального действия суда первой инстанции вне заседания подлежат фиксированию путем использования средств звуко- или видеозаписи с одновременным составлением в письменной форме краткого протокола по правилам ч.1, 3 ст. 189-1 ХПК. При этом критерии выбора способа фиксации – звуко- или видеозапись – в законе не определены. Нам представляется, что данный вопрос суд должен решать не в одностороннем порядке, а с учетом мнений участвующих в деле лиц и, конечно же, технических возможностей соответствующего судебного органа. Поэтому если все участвующие в деле лица настаивают на осуществлении видеозаписи (а не звукозаписи) судебного заседания и технические возможности суда позволяют это сделать, то фиксация хода процесса должна производиться именно таким способом.

Наряду с этим оговорен случай, когда звуко- или видеозапись хода судебного заседания (отдельного процессуального действия) не ведется, – «при отсутствии технической возможности вести звуко- или видеозапись» (ч.2 ст. 189 ХПК). Что понимать под отсутствием технической возможности, в тексте закона не разъяснено. По-видимому, подразумеваются ситуации, когда нет самих средств звуко- или видеозаписи, или когда они вышли из строя, либо

в суд временно прекратилась подача электроэнергии. Законом №45-З в ч.2 ст. 113 ГПК помимо этого предусмотрено еще одно основание для того, чтобы не вести звуко- или видеозапись процесса, – «в случае неявки в судебное заседание всех участников гражданского судопроизводства». В ХПК подобное правило закрепления почему-то не получило.

Вместе с тем стоит обратить внимание на особенности редакции ч.1 ст. 189 ХПК. Там говорится, что с использованием средств звуко- или видеозаписи фиксируется «ход каждого судебного заседания суда, рассматривающего экономические дела, первой инстанции с участием лиц, участвующих в деле, и иных участников хозяйственного процесса». Рассуждая от противного, можно предположить, что если в судебное заседание не явились участвующие в деле лица и иные участники хозяйственного процесса, то осуществлять фиксирование хода процесса с помощью средств звуко- или видеозаписи не требуется. Если законодатель действительно имел в виду именно такой вариант, то подобный способ изложения правовых предписаний стоит признать неприемлемым, потому что, во-первых, он запутывает правоприменителей (заставляя их додумывать те правила, о которых в законе прямо не сказано) и, соответственно, не способствует обеспечению единства правоприменительной практики. Во-вторых, редакция нормы имеет крайне тавтологичный характер из-за употребления подряд трех однокоренных слов – «участием», «участвующих», «участников».

В тех случаях, когда звуко- или видеозапись не ведется, ход судебного заседания (отдельного процессуального действия) в суде первой инстанции подлежит фиксированию путем составления в письменной форме протокола по правилам ч.2, 3 ст. 189-1 ХПК (ч.2 ст. 189 ХПК). Применительно к гражданскому судопроизводству по поводу такого способа фиксирования хода судебного заседания (отдельного процессуального действия) законодателем уточнено, что «в протоколе должны излагаться процессуальные действия в том порядке, в каком они имели место, а также установленные при их производстве существенные для дела факты и заявления лиц, участвовавших в этих действиях» (см. ч.3 ст. 113 ГПК). Думается, что аналогичное правило было бы излишним включить и в ч. 2 ст. 189 ХПК.

Кардинальное изменение содержания ст. 189 ХПК обусловило необходимость закрепления Законом №45-З в ХПК трех новых статей: ст. 189-1 «Содержание краткого протокола, протокола», ст. 189-2 «Порядок фиксирования хода судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания», ст. 189-3 «Замечания на звуко- или видеозапись, краткий протокол, протокол». Данные статьи отчасти вобрали в себя нормативный материал, содержащийся в прежней редакции ст. 189 ХПК, отчасти – закрепили совершенно новые для хозяйственного судопроизводства положения.

Далее, вполне закономерно из текста ХПК исключена ст. 110 «Применение технических средств для закрепления доказательств», регламентировавшая порядок использования средств звуко- и видеозаписи для

закрепления объяснений сторон и других лиц, участвующих в деле, их представителей, а также фиксирования иных процессуальных действий доказательного характера. Стоит заметить, что ст. 110 ХПК страдала рядом недостатков, в том числе и по причине того, что регламентировала порядок использования средств звуко- и видеозаписи весьма фрагментарно [7, с. 8-9].

Новые подходы к фиксации хода судебных процессов в судах первой инстанции отразились и на содержании безусловных оснований к отмене судебных постановлений в апелляционном и кассационном порядках. Так, если раньше в абз.8 ч.4 ст. 280 ХПК (апелляционное производство) и абз.8 ч.5 ст. 297 ХПК (кассационное производство) основание для отмены судебного постановления было сформулировано как «в деле отсутствует протокол судебного заседания или он не подписан лицами, обязанными его подписать, за исключением дел, по которым в соответствии с настоящим Кодексом ведение протокола не является обязательным», то теперь оно будет звучать следующим образом: «по делу отсутствует звуко- или видеозапись хода судебного заседания или в деле отсутствует протокол судебного заседания либо протокол судебного заседания не подписан лицами, обязанными его подписать, за исключением дел, по которым в соответствии с настоящим Кодексом осуществление звуко- или видеозаписи хода судебного заседания или составление протокола не являются обязательными».

По этому поводу нужно сделать несколько замечаний. Прежде всего к числу безусловных оснований для отмены судебных постановлений было бы целесообразно отнести также отсутствие краткого протокола судебного заседания или отсутствие на кратком протоколе необходимых подписей. Кроме того, вызывает возражения содержащаяся в абз.8 ч.4 ст. 280, абз.8 ч.5 ст. 297 ХПК оговорка «за исключением дел, по которым в соответствии с настоящим Кодексом осуществление звуко- или видеозаписи хода судебного заседания или составление протокола не являются обязательными».

Ведь случаи, когда звуко- или видеозапись судебного заседания не ведется, предусмотрены не для определенных категорий экономических дел, а для определенных категорий процессуальных ситуаций: если отсутствует техническая возможность вести звуко- или видеозапись либо если в судебное заседание не явились все участники хозяйственного процесса. Причем это не те ситуации, когда осуществление звуко- или видеозаписи «не является обязательным» (т.е. когда при желании звуко- или видеозапись можно и вести), а ситуации, когда звуко- или видеозаписи, по сути, не должно быть.

То же самое нужно сказать и относительно протоколирования судебного заседания: ХПК оговаривает не категории дел, по которым составление протокола не является обязательным, а случаи, когда он в принципе не должен вестись (и таких случаев отныне будет подавляющее большинство), – если фиксирование хода судебного заседания осуществляется с использованием средств звуко- или видеозаписи. Тогда же, когда звуко- или видеозапись хода судебного заседания не ведется, протокол, как видно из ч.2 ст. 189 ХПК,

подлежит составлению абсолютно во всех ситуациях (независимо от разновидности категории экономического дела).

Список литературы

1. Скобелев, В.П. ГПК и ХПК: нужно больше точек соприкосновения / В.П. Скобелев // Пром.-торговое право. – 2017. – №1. – С. 64-67.
2. Ванеева, Л.А. Реализация конституционного права граждан СССР на судебную защиту в гражданском судопроизводстве / Л.А. Ванеева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. – 152 с.
3. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. пособие / Г. Л. Осокина. – М.: Юристъ, 2004. – 669 с.
4. Любецкая, С. Актуальные вопросы подготовки гражданских дел к судебному разбирательству / С. Любецкая // Судовы веснік. – 2017. – №3. – С. 63-70.
5. Хотько, Е. Мировое соглашение в гражданском процессе: теоретический и практический аспекты / Е. Хотько // Судовы веснік. – 2015. – №4. – С. 33-37.
6. Скобелев, В. Что меняется в ГПК? / В. Скобелев // Юридический мир. – 2020. – №9. – С. 8-19.
7. Скобелев, В. Что меняется в ХПК? / В. Скобелев // Юридический мир. – 2020. – №12. – С. 8-24.

ЦИФРОВОЙ НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН

П. В. Соловьёв

*старший преподаватель кафедры конституционного права и
государственного управления
Полоцкий государственный университет,
211440, Беларусь, г. Новополоцк, ул. Блохина, 29,
p.solovjov@psu.by*

На определенном этапе цифровизации права, под которой мы понимаем изменение правотворческой и правоприменительной деятельности через внедрение в них информационных технологий, нормативный правовой акт может трансформироваться в «цифровой нормативный правовой акт».

Цифровой нормативный правовой акт – это не просто привычный нормативный правовой акт, переведённый в электронную форму, он предполагает совершенно иную концепцию к закреплению норм права. Выскажем ряд гипотетических предложений о возможных направлениях развития нормативного права акта в условиях цифровизации права и конституционно-правовых аспектах этого явления.

1. Цифровой нормативный правовой акт, в первую очередь, должен формироваться с применением информационных технологий. В этой связи обращает на себя внимание использование краудсорсинговых технологий при разработке нормативного правового акта.

Краудсорсинг – это решение каких-либо задач силами заинтересованных лиц, деятельность которых координируется на базе информационных технологий [1, с. 44–45], что позволяет осуществить сбор и анализ информации, обсудить и выработать решение широким кругом лиц с различными точками зрения, широтой планирования и креативностью. Технологии краудсорсинга находят своё применение во многих сферах общества, и нормотворческий процесс не стал исключением. В свете краудсорсинговых технологий институт нормотворческих инициатив граждан из процедуры по сбору подписей в поддержку нормотворческой инициативы трансформируется в специализированные сайты, которые позволяют предлагать нормотворческие инициативы, информировать общественность о предлагаемых инициативах, собирать голоса в поддержку инициативы или голосовать против инициативы. Данная модель реализована на практике, например, в Российской Федерации через конституционно-правовой институт «Российская общественная инициатива», а также в других странах [2].

В свою очередь, в свете краудсорсинговых технологий институт публичных обсуждений нормативных правовых актов из направления письменных или электронных замечаний и предложений по проекту в нормотворческий орган преобразуется в специализированные сайты обсуждения проектов, которые позволяют голосовать за или против проекта в целом, его отдельные статьи, размещать замечания по проекту, формулировать к проекту предложения, которые также могут быть оценены другими пользователями. Здесь уже можно говорить о понятии «совместное правотворчество» – «общественность принимает участие в самом процессе создания текста, а не только в обсуждении предлагаемых официальными структурами проектов» [3, с. 300].

Здесь нормотворческий принцип демократизма трансформируется в новую систему взаимодействия государства и населения через переход от подготовки проекта нормативного правового акта государством и его последующей оценки гражданами к процедуре совместного осуществления нормотворческой деятельности, в том числе на стадиях планирования, нормотворческой инициативы и подготовки проекта.

Как отмечают конституционалисты, перед современным конституционным правом стоит задача осмысления краудсорсинга как новой формы непосредственной демократии и разработки гарантий, связанных с реализацией конституционных прав и свобод граждан в условиях распространения краудсорсинговых технологий [4; 5]. Краудсорсинговые технологии в нормотворчестве могут быть охарактеризованы как с положительной, так и с отрицательной стороны. В свою очередь, использование краудсорсинговых технологий в нормотворчестве позволяет

осуществить сбор и анализ информации, обсудить и выработать нормотворческое решение широким кругом лиц с различными точками зрения, широтой планирования и креативностью, а значит получить более качественный нормативный правовой акт. Использование краудсорсинговых технологий в нормотворчестве повышает лояльность общества к принимаемым нормативным правовым актам, поскольку общественность является одним из авторов этого решения. Краудсорсинговые проекты нормативных правовых актов позволяют разделить политическую ответственность за качество и эффективность будущего нормативного правового акта между государством и общественностью.

Однако краудсорсинговые технологии в нормотворчестве имеют ряд отрицательных характеристик. Использование исключительно краудсорсинговых технологий в нормотворчестве может повлечь нерепрезентативность результатов данных институтов, поскольку не все социальные группы в равной степени имеют доступ к сети Интернет или не считают его активное использование необходимой частью своей жизни. Подобная проблема должна решаться через переход к преимущественному использованию краудсорсинговых технологий в нормотворчестве, т.е. превалирование краудсорсинговых технологий в нормотворчестве при сохранении возможности реализовать своё право на нормотворческую инициативу или участие в публичном обсуждении проекта вне краудсорсинговых технологий.

При этом краудсорсинговые технологии в нормотворчестве позволяют принять участие в выработке нормотворческого решения широкому кругу лиц (часто с противоположными точками зрения). Нормотворческое решение также должно быть согласовано и с позицией государственных органов, здесь возникает проблема совмещения разрозненных позиций в целостный и согласованный нормативный правовой акт. Как представляется, это проблема должна решаться на основе сущностных требований нормотворческого принципа демократизма: нормативные правовые акты должны в первую очередь выражать интересы населения, а не государственных органов; интерес большинства имеет больший вес, чем интерес меньшинства; интерес меньшинства должен быть удовлетворён через компромиссное решение.

В целом следует отметить, что трансформация двух основных нормотворческих инструментов принципа демократизма – института нормотворческих инициатив граждан и института публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов – в единую систему совместного осуществления государством и населением нормотворческой деятельности на основе краудсорсинговых технологий позволит перевести нормотворчество на новый уровень легитимности. В современных условиях «весьма острыми остаются проблемы преодоления отчуждения государства от общества... доверие к власти становится категорией не только политической, но и экономической... действия государства должны быть открыты, понятны и контролируемы обществом» [6, с. 5].

2. Следующее направление цифровизации нормативного правового акта – это приобретение характеристики «интерактивность». Цифровой нормативный правовой акт будет интерактивным, т.е. поиск и усвоение норм права будет происходить через взаимодействие субъекта права и «закона». Фактически цифровой нормативный правовой акт будет предоставлять ответ на те запросы, которые ему адресуют участники правоотношений. В этой связи требования о ясности и обзримости законодательства, требование нормотворческой техники о краткости изложения нормативных правовых предписаний, требования о структуре акта и др. могут утратить своё значение. Цифровой нормативный правовой акт будет эффективно обеспечивать поиск и усвоение нормы права под конкретный запрос правоприменителя или иного участника правоотношений. У субъектов права уже не будет необходимости ориентироваться и знать весь нормативный правовой акт. Это позволяет цифровому нормативному правовому акту быть не кратким и со сложной для обозрения структурой.

В настоящее время законодатель формирует нормативный правовой акт как сумму общих правил и наиболее важных исключений из этих правил, стремится избегать дублирований нормативных предписаний, использует общие категории в тексте нормативного правового акта. Все это призвано обеспечивать компактность законодательства, но одновременно может вызывать проблемы с конкретностью, однозначностью и достаточностью нормативных правовых предписаний.

В свою очередь, цифровой нормативный правовой акт способен обеспечить максимальную полноту правового регулирования соответствующих общественных отношений, закрепить не только главные, но и второстепенные положения, предусмотреть максимальное количество особых порядков регулирования необщих ситуаций и различных исключений. Это становится возможным в силу того, что интерактивное взаимодействие с цифровым нормативным правовым актом позволит осуществлять поиск и усвоение норм права участниками правоотношений в актах со сложной структурой. В определенной степени это будет способствовать защите конституционных прав и свобод граждан за счёт беспробельности права и доступности его понимания населением.

3. Цифровой нормативный правовой акт также предполагает использование нового языка законодательства. Современные представления о ясности, простоте и доступности языка законодательства также могут меняться в условиях необходимости изменения языка цифрового нормативного правового акта в сторону его адаптации к машинному правоприменению, где правоприменителем является роботизированная система. Машиночитаемый и машиноисполняемый цифровой нормативный правовой акт предполагает ряд отличий от «классического» нормативного правового акта: использование в нем меток (ключевых слов) для распознавания и уяснения его содержания машиной-правоприменителем, построение акта как

алгоритма действий, что неизбежно усложнит архитектуру нормативного правового акта, его восприятие человеком.

В целом, цифровой нормативный правовой акт и его специфическая сложная форма требует своего конституционно-правового осмысления с позиций легитимности такого способа закрепления норм права. Если для обеспечения легальности цифрового нормативного правового акта требуется лишь правовое закрепление этого нового института, то для легитимности «цифрового закона» требуется формирование в обществе понимания его статуса.

Список использованных источников:

1. Парфенов, Р.В. Краудсорсинг в области права: российский опыт и перспективы / Р.В. Парфенов // Законодательство и экономика. – 2013. – № 7. – С. 44–52.
2. Чеботарев, Г.Н. Гражданская законодательная инициатива как форма осуществления населением государственной власти / Г.Н. Чеботарев, К.А. Иванова // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 4. – С. 59–64.
3. Соколова, А.А. Демократическая культура в законопроектной деятельности: практика «Crowdsourcing» / А.А. Соколова // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 299–301.
4. Дзидзоев, Р.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства / Р.М. Дзидзоев, А.М. Тамаев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – №8. – С. 66–70.
5. Курячая, М. М. Технологии краудсорсинга в юридической практике / М. М. Курячая // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 6. – С. 31–37.
6. Комарова, В.В. Эффективность консультативных форм прямого народовластия / В.В. Комарова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 2–5.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ЕЁ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

О. А. Тиковенко

*Аспирант кафедры конституционного права юридического факультета
Белорусский государственный университет*

Научный руководитель – Г. А. Василевич, доктор юридических наук,
профессор, член-корреспондент НАН Беларуси
220030, Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, д. 8.
olga.tikovenko@gmail.com

При определении, осмыслении понятия «государственная власть» целесообразно обращаться к более широкому понятию «власть»,

определяемому в словаре русского языка С. И. Ожегова, как право и возможность распоряжаться кем-нибудь или чем-нибудь, подчинять своей воле. По мнению ученых существование государства немислимо без наличия власти, а понятия «государственная власть» и «политическая власть» органично связаны и являются синонимами [1, с. 818].

Можно согласиться с тем, что государственная власть является разновидностью власти политической. Политическая власть становится государственной в той мере, насколько она реализуется через государственный аппарат [2, с. 146].

В научной литературе предлагается четыре подхода в определении понятия «государственная власть», воплощенных в области конкретных правоотношений, а именно: как системы государственных органов, как особого волевого отношения, как набора полномочий или как функций [1, с. 819].

Некоторые ученые, например, А. Ф. Малый различают государственную власть как конституционно-правовую категорию одновременно в двух значениях: с одной стороны, как совокупность властных государственных полномочий, а с другой – как совокупность (систему) государственных органов [3, с. 99].

Кроме того, государственную власть можно определить как систему властных отношений, реализуемых через механизм государства.

Также государственную власть рассматривают как способ управления общественными процессами с помощью общеобязательных средств регламентации правил и норм социального взаимодействия и поведения. Государственная власть ставит своей задачей защиту конституционного строя, обеспечение поддержания конституционного порядка посредством государственного принуждения, выраженного в работе правоохранительных органов государства. В позитивном плане государственная власть и система ее органов должна обслуживать потребности своего народа, а именно обеспечивать социальную природу государства, оказывать необходимые государственные услуги членам общества, поддерживать уровень жизни и устойчивое развитие страны [4, с. 790].

Для иллюстрации вышеизложенного обратимся к Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция). Как известно, согласно ч. 1 ст. 3 Конституции единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией.

Так, народ либо осуществляет государственную власть опосредованно, пользуясь системой государственных органов, либо прямо реализует государственную власть, выражая свою волю на выборах.

На основании ст. 6 Конституции государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих

полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга.

Указанный конституционный принцип разделения властей не позволяет сделать вывод о фактическом разделении государственной власти. Государственная власть в Республике Беларусь едина, так как ее единственным источником является народ. Государственные органы, в свою очередь, являются субъектами, осуществляющими и претворяющими в жизнь власть народа, то есть государственную власть. Разделение государственной власти есть функциональное разделение государственных органов в соответствии с их компетенцией – набором их полномочий.

Таким образом, данные наборы полномочий или функции распределены между соответствующими государственными органами законодательной, исполнительной и судебной власти, которые самостоятельны лишь при осуществлении своих функций, закрепленных за ними Конституцией и законами. Распределение государственной власти по компетенциям в современных демократических обществах принято называть ее разделением на независимые ветви – исполнительную, которая представлена в странах правительством, его министерствами и ведомствами (отдельные ученые порой выделяют также президентскую власть), законодательную, олицетворяемую парламентом, судебную, находящуюся у специальных конституционных органов, судов общей юрисдикции, арбитражных судов. Отношения трёх ветвей государственной власти между собой призвана регулировать соответствующая система «сдержек и противовесов».

Государство в лице его государственных органов, реализующих государственную власть, обязано в определенных случаях легально с помощью системы государственного принуждения подчинять своей воле другие элементы общества и отдельных людей.

По мнению Ф. В. Алексеева, признаками государственной власти выступают: верховенство, единство, всеобщность, универсальность, принудительность, обязательность, территориальность, наличие особого аппарата управления, наличие обязательных денежных сборов с населения [2, с. 144]. Следует отметить, что общепринятыми признаками государства являются: аппарат власти и управления вместе с аппаратом принуждения, территория с населением, суверенитет, налоги и займы [5, с. 71 – 76].

В этой связи следует уточнить соотношение понятий «государство» и «государственная власть». Свойственной как государству, так и государственной власти, чертой является их политическая природа, а в социалистических республиках в свое время отдельно выделялась классовость, нацеленность на проведение в жизнь воли господствующего класса. Различия между рассматриваемыми явлениями состоят в следующем: государственная власть представляет собой социально-психологическое (волевое) явление, т.е. систему отношений господства и подчинения, а также функцию, необходимую любому обществу для управления его делами. Государство же – организационная форма власти, её непосредственный носитель, важнейшее

средство сохранения и укрепления властных отношений. Однако субъектом, первоисточником государственной власти выступает народ, а не государство [6, с. 27 – 28].

На наш взгляд, важнейшими признаками государственной власти являются ее легитимность и легальность, которые подтверждают осуществление государственной власти строго в рамках закона и только органами и лицами, получившими от народа разрешение на это.

Легализация государственной власти – юридическая характеристика власти, доказательство того, что власть провозглашена и действует правомерно. Легализация государственной власти включает в себя: законность происхождения этой власти, законность ее организации, законность сферы полномочий и круга отношений, регулируемых государственной властью, а также законность форм и методов осуществления власти. Так, государственные органы вправе реализовывать свои властные полномочия строго на основании нормативных актов, принятых на территории государства.

Легитимность государственной власти – это нравственная характеристика власти, то есть доверие к власти народа и оправдание правомерности ее применения. Так, легитимной является власть, право которой управлять признается населением и подтверждается готовностью населения к подчинению данной власти. Легитимность, в отличие от законности, не юридический факт и не формальный закон, а динамичное социально-психологическое явление. Данный подход следует считать внутренней составляющей легитимности.

Наряду с этим государственная власть должна соответствовать общепризнанным принципам международного права, содержащимся в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, одобренной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года № 2625 (XXV), то есть быть признанной международным сообществом. В указанном случае можно говорить о внешней легитимности государственной власти.

Легитимность можно рассматривать в двух смыслах: узком и широком. В узком смысле легитимность означает законность власти, отождествляется с легальностью. В широком смысле легитимность – соответствие власти законно установленным нормам, а также основополагающим целям государства и общепринятым принципам и ценностям [7, с. 15 – 16].

Как верно отмечает Л. Н. Тарасова, формой легитимации государственной власти является конституция – основной закон государства. Главными доказательствами законности государственной власти выступают демократический способ подготовки и принятия конституции, ее демократическое содержание, соответствие деятельности государственных органов ее нормам. Положения конституций, нарушающие права человека, провозглашающие единственно допустимую идеологию, противоречащие суверенитету народа и т. д., исключают подлинную легализацию

государственной власти, так как идут вразрез с общепризнанными международными принципами и нормами. При этом они являются одновременно нелегитимными, поскольку противоречат демократическому сознанию народов.

Нельзя не упомянуть точку зрения Р. З. Лившица, в соответствии с которой, если законность характеризует нормативные акты относительно права, то легитимность отражает соответствие закона в определенное время конкретному типу общественного правосознания [8, с. 120 – 121].

Следовательно, с течением времени и изменением моральных критериев, представлений о порядочности, нравственности и справедливости, существующих в обществе, трансформацией правосознания, претерпевает изменения и оценка гражданами власти и ее законов.

На современном этапе особую актуальность приобретает необходимость соблюдения рациональности и разумности при осуществлении государственной власти. Наличие рациональной основы означает направленность на достижение определенного предсказуемого результата и предполагает строгое следование принципам, нормам и процедурам. Разумность в ходе осуществления государственной власти проявляется в соответствии властных предписаний и нормативных положений моральным требованиям, целью которых является реализация и защита ценностей, присущих природе права. То есть, при отсутствии рационального и разумного начала в действиях государственных органов и, в частности, в правовых актах государства невозможно в полной мере достичь положительной морально-нравственной оценки народа, а, следовательно, и легитимности государственной власти.

Отметим также, что государственная власть для своего существования нуждается в финансировании, что реализуется путем налогов и сборов.

Таким образом, государственная власть представляет собой институциональное политическое образование, выражающее суверенную волю народа, направленное на оказание публичных услуг, легальное и легитимное регулирование общественных отношений и обеспечение жизнедеятельности общества и государства на основе надлежащих методов и принципов (разумности, самоограничения, разделения властей и др.).

Список использованных источников:

1. Гончаров, В. В. Государственная власть: понятие и сущность / В. В. Гончаров // Политика и общество. – 2013. – № 7 (103). – DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.2466. – С. 817 – 825.
2. Алексеев, Ф. В. Формы осуществления государственной власти в РФ / Ф. В. Алексеев // Основные направления развития научного потенциала в свете современных исследований: теория и практика: материалы тринадцатой Всероссийской (с международным участием) заочной научно-практической конференции. – Ставрополь: СКФУ, 2019. – с. 141 – 146.

3. Малый, А. Ф. Государственная власть как правовая категория / А. Ф. Малый // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 97 – 101.
4. Чернова, Э. Р., Юскаев, А. М. Государственная власть и методы ее осуществления / Э. Р. Чернова, А. М. Юскаев // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2018. – № 11 (27). – С. 789 – 792.
5. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак.; под ред. М. Н. Марченко. – М.: Юрист, 1999. – 504 с.
6. Кожевников, С. Н. Государственно-правовые основы советского образа жизни и социальной активности личности: монография / С. Н. Кожевников, Ю. И. Агеев. – Иркутск: ИГУ, 1989. – 192 с.
7. Милушева, Т. В. К вопросу о легитимности государственной власти в России / Т. В. Милушева // Правовая культура. – 2014. – № 2(17). – С. 14 – 21.
8. Тарасова, Л. Н. О легитимности в международном праве / Л. Н. Тарасова // Современное право. – 2012. – № 11. – С. 119 – 123.

ПРАВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ДОСТУП К ЕДИНОМУ БАНКУ ДАННЫХ О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В.Ю. Чешко,

*Доцент цикла (гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин)
кафедры юридических дисциплин, факультет внутренних войск,*

кандидат юридических наук

*Военная академия Республики Беларусь
220056, Беларусь, г. Минск, ул. Уручская, 1А
vladimir_cheshko@mail.ru*

Право на доступ к информации является одним из основных прав граждан Республики Беларусь, предоставляющее возможность ознакомления с деятельностью государственных органов и общественных объединений, а также являющееся основой для осуществления общественного контроля. Данное право находит отражение в ст. 34 Конституции Республики Беларусь и определяет, что «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы» [1].

Информационные технологии во всем мире являются сферой повышенного внимания исследователей из различных отраслей знания.

Особый интерес эта сфера вызывает и у юристов. Наиболее широкое дискуссионное поле, на наш взгляд, открывается в сфере личных прав и свобод, а равно доступа к ним и обеспечения защиты от необоснованного доступа других лиц и организаций. В связи с этим в данной статье обратим свой взор именно на доступ граждан к информации об их ответственности.

Данная информация имеет большое значение, поскольку обеспечивает:

- обоснованное привлечение лиц к ответственности за повторные правонарушения;

- ограничение доступа лиц к определенным видам государственной службы до истечения снятия (погашения) ответственности;

- уменьшение рисков участников гражданского оборота;

- ведение статистики и на ее основании повышение эффективности мер принуждения, либо либерализации отдельных составов правонарушений и др.

Правовой основой учета данных о правонарушениях выступает Закон Республики Беларусь от 09.01.2006 № 94-З «О единой государственной системе учета и регистрации правонарушений» [2]. В соответствии с данным нормативным правовым актом в Республике Беларусь действует система, включающая в себя совокупность сведений о правонарушениях, именуемая единым государственным банком данных о правонарушениях (далее – ЕГДБП).

В ЕГДБП учитываются сведения о преступлениях и административных правонарушениях [2, ст. 8].

Порядок предоставления сведений о правонарушениях определен в главе 5 обозначенного нормативного акта. При этом сведения о правонарушениях могут предоставляться следующим категориям субъектов:

- государственным органам, иным организациям, должностным лицам (для Республики Беларусь);

- государственным органам и иным организациям иностранных государств, международным организациям;

- адвокатам и нотариусам;

- физическим лицам.

Порядок предоставления сведений физическим лицам установлен в ст. 15 названного закона, в которой определено, что сведения предоставляются органами внутренних дел в виде выписки из ЕГДБП на основании заявления физического лица [2]. При этом следует сделать акцент, что физическое лицо может запрашивать данные сведения только в отношении себя. Запрос сведений в отношении других лиц может быть предоставлен в ограниченных случаях при обращении строго определенных лиц:

- на основании доверенности, заверенной у нотариуса;

- законных представителей;

- наследников, близких родственников, усыновителей (удочерителей), усыновленных (удочеренных), супруга (супруги) умершего физического лица.

В настоящее время для получения выписки из ЕГДБП необходимо заявление в письменной форме и личное обращение в органы внутренних дел.

Данный порядок безусловно подлежит совершенствованию и адаптации к современным информационным реалиям. Так, в последней редакции Закона «О единой государственной системе учета и регистрации правонарушений» от 06.01.2021 уже заложены нормы, позволяющие гражданам получать выписки из ЕГДБП с помощью электронного документа или в иной электронной форме посредством единого портала электронных услуг общегосударственной автоматизированной информационной системы. То есть электронная форма обращения за выпиской уже предусмотрена, но чтобы ее получить также в виде электронного документа должны быть соблюдены одновременно следующие условия:

- заявление должно быть подписано полученной в установленном порядке электронной цифровой подписью;

- в заявлении указана электронная форма предоставления выписки;

- сведения можно получить только в отношении себя либо в отношении другого лица на основании доверенности, удостоверенной нотариально.

Физическим лицам выписка предоставляется на платной основе в зависимости от времени на ее подготовку:

- до 15 суток – 0.5 базовой величины;

- до 3 суток – 1 базовая величина [3, п. 2].

На основании заявления готовится справка, которая подписывается уполномоченным должностным лицом и заверяется гербовой печатью [4, п. 132]. В связи с этим достаточно понятны рассмотренные будущие изменения, поскольку в ближайшее время в государстве планируется создать единую информационную систему, в том числе для граждан⁶.

Однако с учетом развития информационных технологий хочется обратить внимание на несколько вопросов, которые могут улучшить как доступ к личной информации в ЕГБДП, так и обеспечить надлежащее исполнение права граждан на доступ к информации.

В настоящее время возможность проверки информации определенной категории предусмотрена на профильном сайте Министерства внутренних дел Республики Беларусь (<https://mvd.gov.by>). На указанном сайте можно зарегистрировать личный кабинет и найти информацию об услугах и способах их получения.

Данный кабинет направлен на реализацию прав граждан по получению доступа к определенной информации.

В настоящее время в данной базе в открытом доступе можно получить сведения о Похищенных, утерянных номерных вещах; проверке нахождения авто в розыске; утраченных регистрационных знаках; проверке запрета на въезд в Республику Беларусь.

⁶ Президент Республики Беларусь подписал Указ от 16.03.2021 № 107 «О биометрических документах», в котором предусмотрено, что в биометрическом документе будет содержаться криптографический токен аутентификации с личными ключами электронной цифровой подписи владельца биометрического документа.

После регистрации в личном кабинете: проверка ограничения выезда из Республики Беларусь; подача заявлений в электронной форме о предоставлении сведений о правонарушениях физическим лицам в виде выписки из единого государственного банка данных о правонарушениях; неоплаченные штрафы по линии ГАИ; похищенные, утерянные номерные вещи; проверка действительности документа (паспорт, вид на жительство); проверка нахождения авто в розыске; утраченные регистрационные знаки.

Сразу же обратим внимание, на отсутствие возможности проверить большинство услуг в мобильной версии личного кабинета. Как представляется, доступность мобильных устройств ставит под сомнение такой способ доступа и существенно уменьшает количество людей, желающих воспользоваться данными услугами.

Переходя к доступу к ЕГБДП хотим сразу отметить, что порядок такого доступа существенно ограничен и получить его можно только после заполнения заявления и следующих разделов:

выбор вида выписки; сведения об изменении анкетных данных; сведения об оплате; место получения выписки.

С помощью подачи заявления в электронной форме физическое лицо может запрашивать сведения о правонарушениях в виде выписки из единого государственного банка данных о правонарушениях (далее – выписка) только в отношении себя после регистрации в личном кабинете и оплаты услуги через систему ЕРИП в адрес соответствующего главного управления внутренних дел Минского горисполкома и управлений внутренних дел облисполкомов, где планирует получить данную выписку.

Если в заявлении недостоверно указаны сведения, принимается решение об отказе в предоставлении сведений о правонарушениях, о чем уведомляется заявитель.

Выписка будет содержать информацию об установочных данных физического лица, указанных при регистрации в личном кабинете, а также объем запрашиваемых сведений и информацию о наличии (отсутствии) запрашиваемых в отношении него сведений о правонарушениях на территории Республики Беларусь:

наличие непогашенной (неснятой) судимости;

наличие уголовного преследования, осуществляемого в отношении физического лица;

привлечение к административной ответственности, если согласно статьям 4.9 и 9.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях лицо считается подвергавшимся административному взысканию;

либо подтверждается отсутствие в едином государственном банке данных о правонарушениях запрашиваемых заявителем сведений.

Следует отметить, что одной из целей ее получения указывается получение визы, кроме этого данная информация может предоставляться при

трудоустройстве, получении документов для постоянного проживания за рубежом и прочего.

В связи с этим появляется закономерный вопрос, что в случае отсутствия необходимости получения справки для получения информации о личных правонарушениях физического лица – такая возможность не предусмотрена. На наш взгляд уточнение данного порядка в отношении граждан Республики Беларусь будет корреспондировать со ст. 34 Конституции Республики Беларусь, а также способствовать минимизации количества совершаемых правонарушений.

В аргументацию данного подхода следует положить тот факт, что о большинство граждан не обладают юридическим образованием и не всегда могут грамотно толковать нормы об ответственности. В частности с принятием нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [5] и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [6] появились новые меры воздействия (например, предупреждение) и ускоренный порядок производства. Так, при совершении административных проступков (в основном за административные правонарушения, предусмотренные в главе 18) при соблюдении определенных условий лицо освобождается от административной ответственности с вынесением предупреждения. Но это возможно только если в течение одного года до совершения административного проступка на лицо не налагалось административное взыскание и лицо не освобождалось от административной ответственности с вынесением предупреждения.

В связи с этим для физических лиц, в отношении которых уже вынесено предупреждение, целесообразно предусмотреть возможность простого доступа к информации из ЕГБДП, что будет способствовать минимизации количества административных правонарушений лицами, не совершающими их систематически. Также это позволит уменьшить споры о дате привлечения к ответственности, чтобы избежать повторности совершения административных правонарушений и привлечения к ответственности с учетом обстоятельств, отягчающих административную ответственность, или при применении квалифицирующей повторности.

Для примера, такой доступ сегодня возможен в отношении информации об ограничениях выезда из Республики Беларусь. Правовыми основами предоставления такого доступа выступают Указ Президента Республики Беларусь от 17.12.2007 № 643 «Об упрощении порядка выезда из Республики Беларусь» и Постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства иностранных дел Республики Беларусь от 24.01.2008 № 27/3 «Об утверждении Инструкции об организации работы по представлению гражданам сведений, содержащихся в банке данных о гражданах Республики Беларусь, право на выезд которых из Республики Беларусь временно ограничено». Этот порядок в определенной степени схож с предоставлением сведений из ЕГБДП и также осуществляется на сайте МВД,

но оплаты не требует и оперативнее своего аналога если не требуется справка установленного образца (рисунок 2).

На основании изложенного полагаем, что существующий порядок доступа к информации из ЕГБДП может быть улучшен путем добавления возможности ознакомления с помощью мобильного устройства и с учетом положений Конституции Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Амалфея, 2013. – 48 с.

2. О Единой государственной системе регистрации и учета правонарушений [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 94-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2011 г. 1. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Об утверждении Положения о порядке функционирования единой государственной системы регистрации и учета правонарушений [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 909: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 11.09.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Положение о порядке функционирования единой государственной системы регистрации и учета правонарушений [Электронный ресурс]: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 909: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 11.09.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 янв. 2021 г., № 91-З: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. 1.// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 янв. 2021 г., № 91-З: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. 1. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Об упрощении порядка выезда из Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2007 г., № 643: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.06.2020 г. 1. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

8. Об утверждении Инструкции об организации работы по представлению гражданам сведений, содержащихся в банке данных о гражданах Республики Беларусь, право на выезд которых из Республики Беларусь временно ограничено [Электронный ресурс]: постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь и М-ва иностр. дел Респ. Беларусь, 24 янв. 2008 г., № 27/3: в ред. постановления М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 29.11.2013 г. 1.
// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ № 4
«ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВСЕОХВАТНОГО И СПРАВЕДЛИВОГО
КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПООЩРЕНИЕ
ВОЗМОЖНОСТИ ОБУЧЕНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЖИЗНИ ДЛЯ
ВСЕХ» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

А.В. Шавцова,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права
Белорусский государственный университет
220020, Минск, ул. Ленинградская, 8. varfoloalla@gmail.com*

Современные глобальные экономические и социальные изменения ставят перед Республикой Беларусь совершенно новые задачи, которые не могут быть решены без изменения экономики с применением новых технологий и новых знаний, без создания инновационной экономики, важнейшим институтом развития которой является система образования.

Белорусская система образования является частью мирового образовательного пространства и связана со многими государствами, международными договорами и обязательствами. Поэтому накопленный опыт и тенденции развития систем образования в других государствах могут быть использованы для определения основных путей такого обновления.

Основополагающими направлениями развития национальных систем образования во всем мире являются принятые ООН Цели устойчивого развития (далее – ЦУР) до 2030 года в области образования, которые предусматривают обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех (ЦУР 4).

На урегулирование различных аспектов в области образования на международном уровне направлены важные международно-правовые акты. Так, в 1990 году на Всемирной конференции по вопросам ОДВ в Жомтьене были приняты цели «Образования для всех» (ОДВ), которые получили дальнейшее развитие в ходе Всемирного форума по вопросам образования в Дакаре в 2000 году.

Дальнейшее развитие международного права в области образования получило в 2015 году, когда Генеральная Ассамблея ООН приняла «План

достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех». Итоговым документом Генассамблеи стало принятие «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», содержащего 17 глобальных взаимосвязанных целей и 169 соответствующих задач. Эти цели были сформулированы в резолюции Генассамблеи «Повесткой дня на период до 2030» года и они заменили собой Цели развития тысячелетия.

Цель в области устойчивого развития признают образование основным фактором развития. Данная цель носит комплексный характер, о чем свидетельствует система задач в области образования. Кроме того, цель в области образования является элементом системы общей системы 17 целей (цель № 4), наряду с целями в области здравоохранения, экономического роста и занятости населения, устойчивого потребления и производства и изменения климата.

В рамках общей координации ЦУР Декларация возложила на ЮНЕСКО руководящую и координирующую роль в деле осуществления целей, связанных с образованием. Таким образом, основной организацией в системе ООН, обеспечивающей реализацию, координацию и контроль за 4 целью ЦУР является ЮНЕСКО, разрабатывающая международные правовые акты, имеющие как императивную, так и рекомендательную юридическую силу, особое значение имеют документы программного характера. Так, в частности, в мае 2015 года в Республике Корея состоялся Всемирный форум по вопросам образования. Важным вкладом ЮНЕСКО в формирование повестки дня форума была инициированная Инчхонская декларация «Образование-2030». Инчхонская декларация является историческим обязательством, направленным на изменение жизни людей на основе новой концепции образования и подтверждающим глобальную приверженность принципам международного права в области прав человека [1].

Под эгидой ЮНЕСКО систематически проводится мониторинг состояния дел в области образования как на глобальном международном уровне, так и в отдельных государствах. В том числе отмечается: «Получение образования закладывает основу для улучшения социально-экономических условий жизни людей и играет ключевую роль в обеспечении выхода из нищеты. За последнее десятилетие были достигнуты значительные успехи в сфере расширения доступа к образованию и увеличения охвата школьным обучением на всех уровнях, в частности для девочек. Несмотря на это, в 2018 году около 260 миллионов детей по-прежнему не ходили в школу, что составляет почти пятую часть всего населения мира этой возрастной группы. Кроме того, более половины всех детей и подростков во всем мире не соответствуют минимальным стандартам знаний в области чтения и математики.

В 2020 году, когда пандемия COVID-19 распространилась по всему миру, большинство стран объявили о временном закрытии школ, что затронуло более 91% учащихся во всем мире. К апрелю 2020 года около 1,6 миллиарда детей и молодых людей не посещали школу. И почти 369 миллионов детей, которые

рассчитывают на школьное питание, были вынуждены искать другие источники ежедневного питания.

Еще никогда раньше так много детей одновременно не были лишены возможности посещать школу, что нарушает учебный процесс и в корне изменяет жизнь, особенно в наиболее уязвимых и маргинализированных группах населения. Глобальная пандемия имеет далеко идущие последствия, которые могут поставить под угрозу успехи, достигнутые большой ценой в плане улучшения глобального образования [2].

В ежегодном Докладе ООН о целях в области устойчивого развития представлен обзор принятых в мире на текущий момент мер по достижению ЦУР, указаны области, где были достигнуты успехи, а также области, в которых требуется принять дополнительные меры. Главные выводы в области образования состоят в том, что:

В результате закрытия школ 90 процентов учащихся во всем мире (1,57 млрд человек) прекратили школьные занятия, более 370 млн детей оказались лишены полагающегося им школьного питания. Многие учащиеся не могут быть охвачены дистанционным обучением из-за отсутствия компьютеров и домашнего интернета. Около 70 стран сообщили об умеренных и серьезных перебоях в оказании услуг по вакцинации или о полном прекращении вакцинации детей в марте и апреле 2020 года.

По мере того, как все больше семей оказываются за чертой крайней бедности, возрастает риск того, что дети в бедных и неблагополучных общинах станут жертвами детского труда, детских браков и торговли детьми. Весьма вероятно, что впервые за 20 лет могут быть частично утрачены достигнутые мировым сообществом успехи в области сокращения масштабов детского труда.

В соответствии с «Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» ООН от 25 сентября 2015 года 70/1 в Республике Беларусь также разработаны национальные Цели устойчивого развития. ЦУР Республики Беларусь развивают и конкретизируют положения «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» ООН с учетом национальных особенностей и актуальных проблем. Анализ национальных ЦУР позволяют сделать выводы об основных направлениях государственной политики, задачах и актуальных проблемах.

Для реализации цели № 4 ЦУР «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» разработано Положение о Координационном совете по образованию в интересах устойчивого развития при Министерстве образования Республики Беларусь, определенное согласно приложению к Приказу Министра образования от 13 ноября 2017 года № 698 – а «О создании Координационного совета по образованию при Министерстве по образованию Республики Беларусь», а также ряд иных нормативных правовых актов.

Цели Республики Беларусь в области образования сформулированы фактически тождественно цели № 4 ООН «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» и корреспондируются соответствующим положениям с последующей конкретизацией и детализацией. Национальные носят комплексный характер, представляют собой внутренне согласованную систему целей в области образования, позволяющих раскрыть сущность, содержание цели № 4. Такой детальный подход в определении различных аспектов реализации цели в области образования позволяет максимально широко охватить наиболее значимые проблемные аспекты правового регулирования и практики реализации права на справедливое качественное образование и обучение. Каждое конкретизирующее положение выполняет своего рода роль показателя, индекса эффективности ее достижения. Эти задачи – индексы собраны в Сводную аналитическую панель национальных показателей ЦУР Республики Беларусь.

Для достижения Цели № 4 устойчивого развития Республикой Беларусь определены следующие задачи:

4.1 К 2030 году обеспечить, чтобы все девочки и мальчики завершали получение бесплатного, равноправного и качественного начального и среднего образования, позволяющего добиться востребованных и эффективных результатов обучения.

4.1.1. Доля детей и молодежи, приходящихся на: а) учащихся 2-3 классов; б) выпускников начальной школы; и с) выпускников неполной средней школы, которые достигли, по меньшей мере, минимального уровня владения навыками 1) чтения и 2) математики, в разбивке по полу.

4.1.2. Процент завершения (начальное образование, неполное и полное среднее образование).

4.2. К 2030 году обеспечить, чтобы все девочки и мальчики имели доступ к качественным системам развития, ухода и дошкольного обучения детей младшего возраста, с тем чтобы они были готовы к получению начального образования.

4.2.1. Доля детей в возрасте от 24 до 59 месяцев, развивающихся без отклонений в плане здоровья, обучения и психосоциального благополучия, в разбивке по полу.

4.2.2. Уровень участия в организованных видах обучения (за один год до достижения официального возраста поступления в школу) в разбивке по полу.

4.3. К 2030 году обеспечить для всех женщин и мужчин равный доступ к недорогому и качественному профессионально-техническому и высшему образованию, в том числе университетскому образованию.

4.3.1. Уровень участия взрослых и молодежи в формальных и неформальных видах обучения и профессиональной подготовки в последние 12 месяцев в разбивке по полу.

4.4. К 2030 году существенно увеличить число молодых и взрослых людей, обладающих востребованными навыками, в том числе

профессионально-техническими навыками, для трудоустройства, получения достойной работы и занятий предпринимательской деятельностью

4.4.1. Доля молодежи/взрослых, обладающей/обладающих навыками в области информационно-коммуникационных технологий, в разбивке по видам навыков.

4.5. К 2030 году ликвидировать гендерное неравенство в сфере образования и обеспечить равный доступ к образованию и профессионально-технической подготовке всех уровней для уязвимых групп населения, в том числе инвалидов, представителей коренных народов и детей, находящихся в уязвимом положении.

4.5.1. Индексы равенства (женщин и мужчин, городских и сельских жителей, нижней и верхней квинтили достатка и других групп, например инвалидов, коренных народов и людей, затронутых конфликтами, в зависимости от наличия данных) по всем касающимся образования показателям в настоящем перечне, которые могут быть дезагрегированы

4.6. К 2030 году обеспечить, чтобы все молодые люди и значительная доля взрослого населения, как мужчин, так и женщин, умели читать, писать и считать.

4.6.1. Доля населения в данной возрастной группе, достигшая, по меньшей мере, установленного уровня функциональной способности а) писать и читать и б) считать, в разбивке по полу.

4.7. К 2030 году обеспечить, чтобы все учащиеся приобретали знания и навыки, необходимые для содействия устойчивому развитию, в том числе посредством обучения по вопросам устойчивого развития и устойчивого образа жизни, прав человека, гендерного равенства, пропаганды культуры мира и ненасилия, гражданства мира и осознания ценности культурного разнообразия и вклада культуры в устойчивое развитие.

4.7.1. Степень, в которой 1) воспитание в духе глобальной гражданственности и 2) образование в интересах устойчивого развития всесторонне учитываются в а) национальной политике в сфере образования; б) учебных планах; с) подготовке учителей; и д) оценке учащихся.

4.a. Создавать и совершенствовать учебные заведения, учитывающие интересы детей, особые нужды инвалидов и гендерные аспекты, и обеспечить безопасную, свободную от насилия и социальных барьеров и эффективную среду обучения для всех.

4.a.1. Доля школ, предлагающих основные услуги, в разбивке по типу услуг.

4.b. К 2020 году значительно увеличить во всем мире количество стипендий, предоставляемых развивающимся странам, особенно наименее развитым странам, малым островным развивающимся государствам и африканским странам, для получения высшего образования, включая профессионально-техническое образование и обучение по вопросам информационно-коммуникационных технологий, технические, инженерные и научные программы, в развитых странах и других развивающихся странах.

4.b.1. Объем официальной помощи в целях развития, направляемой на выплату стипендий, в разбивке по отраслям и видам обучения.

4.c. К 2030 году значительно увеличить число квалифицированных учителей, в том числе посредством международного сотрудничества в подготовке учителей в развивающихся странах, особенно в наименее развитых странах и малых островных развивающихся государствах.

4.c.1. Доля учителей, обладающих минимальными требуемыми квалификациями для преподавания, в разбивке по образовательному уровню учреждения [3].

Реализация цели №4 ЦУР Республика Беларусь является важным и актуальным направлением деятельности высших органов государственной власти и предметом правового регулирования. Так, 10 июня 2021 года на парламентских слушаниях «Национальная система образования: состояние, законодательное регулирование, пути совершенствования» обсуждались состояние и перспективы развития национальной системы образования. В частности, взаимодействие организаций реального сектора экономики с учреждениями профессионального образования в подготовке квалифицированных кадров, совершенствование образовательного процесса в учреждениях высшего образования с использованием информационно-коммуникационных технологий, возможности дополнительного образования в продвижении и развитии навыков и умений одаренных детей и молодежи, роль молодежного движения в формировании гражданской ответственности обучающихся.

На слушаниях было отмечено, что национальная система образования соответствует всем требованиям, которые предъявляет к ней общество и государство. Сохраняются и будут оставаться неизменными основные принципы: государственная поддержка, справедливость и равный доступ к качественному образованию, целевой набор, гарантия первого рабочего места. Реализуется также важнейший принцип – «образование через всю жизнь». В процессе обсуждения были рассмотрены основные показатели достижения эффективности национальной системы образования, все сводные и целевые показатели Государственной программы «Образование и молодежная политика» за 2016-2020 годы выполнены, а реализация самой программы признана высокоэффективной.

По показателям в сфере образования Республика Беларусь прочно закрепилась в группе наиболее развитых стран мира. О престижности и качестве образования свидетельствует и рост экспорта образовательных услуг. Более 27 тысяч иностранных граждан из 109 стран выбрали для обучения учреждения образования Беларуси.

«Однако происходящие в мире глобальные экономические и социальные изменения ставят перед национальной системой образования новые задачи. Основные направления эволюционных преобразований в отрасли заложены в проекте Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года. Важнейшей задачей образования, помимо подготовки кадров для

рынка труда, всегда было воспитание гражданина, формирование высоконравственной личности, обладающей развитым чувством ответственности за свою судьбу и судьбу страны», – сообщил Министр образования Игорь Карпенко [4]. Вместе с тем, были обозначены актуальные направления и важные проблемы совершенствования системы образования и сопредельных сфер общественных отношений, а также обозначены формы и способы их решения.

Однако прежде чем рассмотреть актуальные проблемы системы образования Республики Беларусь необходимо остановиться на ее потенциале и имеющихся ресурсах.

Республика Беларусь стабильно входит в группу 30 наиболее развитых стран мира по показателям в сфере образования согласно Отчету ПРООН о человеческом развитии-2019. По показателю «Ожидаемая продолжительность обучения», который составляет 15,4 года, Беларусь занимает 27 место среди 189 стран, по показателю «Средняя продолжительность обучения» (12,3 года) – 10 место.

Белорусское образование включает в себя как процесс обучения, так и воспитания, в котором на первое место ставится формирование уважения к своему Отечеству, народу, языку, белорусской культуре, традициям и обычаям.

Система образования Республики Беларусь обеспечивает получение обучающимися основного, дополнительного и специального образования. Основное образование включает уровни дошкольного, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего и послевузовского образования. Дополнительное образование подразделяется на дополнительное образование детей и молодежи, дополнительное образование взрослых. Классификация уровней образования Республики Беларусь соответствует Международной стандартной квалификации образования (далее – МСКО 2011).

В 2020/2021 учебном году в стране работало свыше «7,5 тыс. учреждений образования, представляющих все его уровни, в которых обучение и воспитание более 3 млн. детей, учащихся, студентов и слушателей обеспечивали около 415 тыс. работников системы образования.

На начало 2021 г. функционировало 3808 учреждений образования, реализующих образовательную программу дошкольного образования (далее – УДО) (2019 г. – 3798), в которых получали дошкольное образование порядка 424,1 тыс. воспитанников (2019 г. – 436,6 тыс.).

За счет строительства УДО и иных мер увеличился до 85,3 % охват детей в возрасте от 1 года до 6 лет УДО.

Норматив охвата детей пятилетнего возраста подготовкой к обучению в учреждениях общего среднего образования выполняется на 100 %.

Образовательный процесс в УДО обеспечивают 57,5 тыс. педагогических работников, из них с высшим образованием – 65,1 %, с образованием по направлению «Педагогика детства» – 55,5 %.

Снижается количество дней, пропущенных одним ребенком по болезни в течение года (2020 г. – 3,6 дня).

В Республике Беларусь обеспечена бесплатность общего среднего образования. В 2020/2021 учебном году функционировало 3009 учреждений общего среднего образования. К занятиям приступили 1058 тыс. учащихся, в том числе 115,9 тыс. первоклассников.

Система общего среднего образования обеспечена квалифицированными педагогическими кадрами: почти 94 % учителей имеют высшее образование, 78,8 % – высшую или первую квалификационную категорию» [4].

В стране сформирована система образования для детей с ОПФР. Охват специальным образованием и коррекционно-педагогической помощью всех выявленных детей с ОПФР составляет 99,9 %. Сеть учреждений образования, обеспечивающих получение специального образования и коррекционно-педагогической помощи обучающимся с ОПФР, в 2020 году включала:

«236 учреждений специального образования (центры коррекционно-развивающего обучения и реабилитации, специальные дошкольные учреждения, специальные общеобразовательные школы (специальные общеобразовательные школы-интернаты), вспомогательные школы (вспомогательные школы-интернаты));

1 864 специальные группы и 1 666 групп интегрированного обучения и воспитания в учреждениях дошкольного образования;

167 специальных классов и 5 093 класса интегрированного обучения и воспитания в учреждениях общего среднего образования;

3 682 пункта коррекционно-педагогической помощи в учреждениях дошкольного и общего среднего образования.

Доля обучающихся с ОПФР, получающих образование в условиях интегрированного обучения и воспитания, составляет более 70 %» [4].

Обеспечивается возможность получения образования всеми детьми, независимо от характера и степени выраженности имеющихся у них нарушений, от момента выявления нарушения в развитии до получения профессионального образования и трудоустройства. Сформирована система ранней комплексной помощи детям с ОПФР в возрасте до трех лет, проводится работа по созданию безбарьерной среды в учреждениях образования.

Развитие системы профессионально-технического (далее – ПТО) и среднего специального образования (далее – ССО) Республики Беларусь определяется происходящими технологическими, экологическими, социальными и культурными изменениями. Проводится оптимизация количества учреждений образования, реализующих образовательные программы ПТО и ССО.

В 2020/2021 учебном году «171 учреждение образования реализовывало образовательные программы ПТО (из них 127 – собственно учреждения ПТО). 193 учреждения образования реализовывали образовательные программы ССО (из них 110 – собственно учреждения ССО). На уровне ПТО обучалось 60,8 тыс. человек, на уровне ССО – 110,4 тыс.

Для высокотехнологичных наукоемких производств ведется подготовка рабочих с высоким уровнем квалификации (4-ый разряд и выше). В 2020 году из числа подлежавших распределению место работы получили 99,5 % выпускников системы ССО и 99,9 % выпускников системы ПТО» [4].

Для обеспечения подготовки квалифицированных кадров, оптимизации бюджетных расходов на образование, внедрения новых форм и методов организации образовательного процесса в Республике Беларусь на базе учреждений ПТО и ССО в 2020/2021 учебном году функционирует 49 ресурсных центров по 9 видам экономической деятельности [4].

В Республике Беларусь система ПТО и ССО ориентирована на различные категории населения:

- школьников VIII-IX классов (допрофессиональная подготовка) и X-XI базовых классов, осваивающих профессию в рамках трудового обучения на базе учреждений ПТО и ССО;

- выпускников IX и XI классов, поступающих в учреждения ПТО и ССО;
- безработных и незанятое население;

- взрослых, повышающих квалификацию или отдельные компетенции по направлению предприятий и организаций;

- лиц с ОПФР и инвалидностью.

Для популяризации рабочих профессий в обществе и повышения привлекательности профессионального образования, как по традиционным, так и по перспективным специальностям и профессиям будущего хороший импульс дало движение WorldSkills.

Система высшего образования в Республике Беларусь развивается в соответствии с потребностями национальной экономики и обеспечивает запросы общества и каждого гражданина в повышении уровня и качества образования.

В 2020/2021 учебном году в республике функционировало «42 государственных и 8 частных учреждений высшего образования (УВО), из них 34 университета, 9 академий, 7 институтов. Государственные УВО находятся в подчинении 12 министерств и ведомств.

УВО обеспечивают подготовку специалистов по всем направлениям экономики и социальной сферы с учетом структуры и потребностей рынка труда. В 2020/2021 учебном году в УВО обучалось 263,4 тыс. студентов и магистрантов. Востребованность выпускников УВО стабильно высокая.

Численность профессорско-преподавательского состава (ППС) в 2020/2021 учебном году составляет 19,7 тыс. человек. Докторов наук насчитывалось 1223 человека, кандидатов наук – 7995, ППС с ученым званием профессора – 1016 человек, доцента – 6978.

На начало 2020/2021 учебного года численность обучающихся иностранных граждан в белорусских учреждениях высшего, профессионально-технического и среднего специального образования составляла более 22 тыс. человек» [4].

Совместно с организациями-заказчиками кадров ведется постоянная работа по усилению практико-ориентированности подготовки специалистов с высшим образованием. В организациях экономики и социальной сферы функционирует более 1000 филиалов кафедр УВО. Образовательные стандарты по специальностям высшего образования разрабатываются на основе компетентностного и модульного подходов, преемственности содержания образования на различных уровнях (ступенях) основного образования. В среднесрочной перспективе стоит задача разработки нового поколения образовательных стандартов высшего образования и проектирования их содержания с учетом профессиональных стандартов.

В настоящее время в стране сформирована двухступенчатая система высшего образования. С 2019 года внедрена новая модель магистратуры – научно-ориентированная магистерская подготовка по укрупненным научно- и инновационно-ориентированным специальностям.

В структуре УВО создана сеть субъектов инновационной инфраструктуры: отраслевые лаборатории, научно-технологические парки, центры трансфера технологий, бизнес-инкубаторы, центры коллективного пользования уникальным научным оборудованием и приборами, центры международного научно-технического сотрудничества.

Для решения перспективных задач экономики в системе высшего образования реализуется проект создания интегрированной образовательной, научно-исследовательской и предпринимательской среды «Университет 3.0». Проект направлен на развитие компетенций и навыков, необходимых для ведения инновационной, изобретательской и предпринимательской деятельности, создание инновационной инфраструктуры для коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

Дополнительное образование детей и молодежи законодательно признано в республике важным звеном системы образования.

По состоянию на 1 декабря 2020 года в стране функционировало 278 учреждений дополнительного образования детей и молодежи, из них – 93 однопрофильных, 185 – многопрофильных. В них действовало 31576 объединений по интересам (занято 386 тыс. учащихся). Программы объединений по интересам ориентированы на различные профили и виды деятельности, разный возраст учащихся и уровень освоения программ, отражают многообразие интересов обучающихся. Разработаны и внедрены в практику образовательные программы дополнительного образования по всем основным профилям [4].

Дополнительное образование взрослых в Республике Беларусь представляет собой гибкую, мобильную и постоянно развивающуюся систему, решающую задачи обеспечения отрасли профессиональными кадрами требуемого уровня квалификации, кадровой поддержки инновационных процессов, удовлетворения потребностей руководящих работников и специалистов в профессиональном совершенствовании.

Образовательные программы дополнительного образования взрослых реализуют около 400 различных учреждений образования и организаций.

Наиболее востребованными являются образовательные программы повышения квалификации и переподготовки.

Расширяется применение программ повышения квалификации с использованием элементов дистанционных технологий обучения.

В системе дополнительного образования взрослых активно используются технологии «открытого образования», интерактивные формы обучения, проектные и другие методы и технологии, стимулирующие активность обучающихся, формирующие навыки анализа информации и самообучения, возрастает роль самостоятельной работы обучающихся.

Важнейшей составляющей в национальной системе образования остается воспитательная работа. Воспитательная работа осуществляется в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании, Программой воспитания детей и молодежи и иными официальными документами. В настоящее время разработан проект Стратегии развития государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 года, в которой выделяются семь приоритетов развития государственной молодежной политики, соотносящихся с основными сферами жизнедеятельности молодежи: образование, трудоустройство молодежи, здоровье молодежи, молодая семья, общественное участие, досуг и творчество, безопасность. Ведется работа над Государственной программой патриотического воспитания населения.

Таким образом, в Республике Беларусь существует социально ориентированная государственная политика в области образования, основанная на международных стандартах в области прав человека и ориентирована на формирование эффективной национальной системы образования, система государственных органов и учреждений, негосударственные учреждения образования, нормативные правовые акты, формы и методы управления, основанные на принципах преемственности и современном опыте зарубежных стран.

Тем не менее, в настоящее время имеет место комплекс актуальных проблем в национальной системе образования. Они непосредственным образом связаны с ЦУР ООН, в частности с целью № 4. На их решение, а также достижение цели № 4 и поставленных в ней задач в Республике Беларусь в настоящее время разработан проект Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года.

Концепция разработана в развитие решений VI Всебелорусского народного собрания, Концептуальных подходов к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года, утвержденных приказом Министра образования Республики Беларусь № 742 от 29.11.2017 г., а также с учетом положений целого ряда НПА, в том числе Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года.

В Концепции отмечается и используется позитивный опыт зарубежных образовательных систем, которые в настоящее время достаточно приспособлены к современным тенденциям, их многоуровневый и разнообразный характер, приближенность к реальным потребностям в специалистах соответствующего уровня подготовки.

Условно содержание Концепции можно разделить на несколько блоков, в которых сформулированы актуальные проблемы и направления, формы, способы их решения в контексте современных тенденций в области образования.

К одной из основных тенденций развития образования можно отнести *ориентацию на личность обучающегося* в целях наиболее полного раскрытия его способностей и удовлетворения его разнообразных образовательных потребностей. В связи с этим наблюдается переход к обучению с применением элементов проблемности, научного поиска, использованию резервов самостоятельной работы, самореализации личности.

Несоответствие инфраструктуры системы образования *современным требованиям*.

Недостаточная эффективность *межведомственного взаимодействия*.

Отсутствие *четкой нормативной базы*, регулирующей оказание услуг по реализации программ объединений по интересам в частном секторе *дополнительного образования* детей и молодежи.

Целесообразна *реформа организации дополнительного образования* детей и молодежи, так как *распределение полномочий* между ведомствами и уровнями руководства довольно сложные конфигурации управления.

В рамках тенденции *непрерывности образования*, его трансформация в процесс, длящийся на протяжении всей жизни человека необходимо обеспечить взаимосвязь учебных программы базового образования с усилением и усложнением уровневой и профильной дифференциации образования *сообразно* склонностям, интересам, возможностям и способностям обучающихся.

В рамках *тенденции распространения и углубления фундаментальной подготовки* обеспечить переход к сокращению объёма общих и обязательных дисциплин за счёт строгого отбора материала, системного анализа его содержания.

В рамках реформы в области высшего образования должно произойти обновление содержания учебных дисциплин социально-гуманитарного цикла в направлении *формирования гражданских и патриотических позиций* специалистов вне зависимости от специальности. В частности, среди обязательных для изучения дисциплин планируется ввести «Историю белорусской государственности».

Трансформация и переосмысление роли *профессионального образования* (далее – ПО) в контексте тенденций глобализации. В этом направлении

актуально решению проблемы *введения рыночных механизмов в систему организации и финансирования учреждений ПО.*

При получении базового образования профильные классы часто формируются без учета специальностей, востребованных в реальном секторе экономики, а исходя из пожеланий родителей и учащихся. Наблюдается *недостаточная профориентационная работа* с учащимися VIII-IX классов.

В республике наблюдается тенденция увеличения количества детей с расстройствами аутистического спектра, что вызывает необходимость разработки отдельных правовых актов, создания своей научно-педагогической школы по этому направлению, совершенствования учебно-методического обеспечения, подготовки педагогов для работы с данной категорией обучающихся. Признана необходимость *включения (инклюзии) лиц с особенностями психофизического развития (далее – ОПФР) в образовательный процесс* с учетом их особых образовательных потребностей, обеспечение доступности и вариативности получения образования различными категориями детей с ОПФР. Основной задачей по развитию образования детей с ОПФР должно стать ресурсное обеспечение качества и доступности получения образования лицами с ОПФР с учетом их образовательных потребностей за счет создания адаптивной образовательной, в том числе безбарьерной, среды в учреждениях образования, увеличения охвата дополнительным образованием детей и молодежи.

Также в качестве наиболее общих тенденций развития высшего образования, приоритет которых варьируется для различных регионов и стран, можно выделить: *прагматизацию* (развитие высшего образования в направлении наиболее востребованных сфер жизнедеятельности общества), *информатизацию, цифровая трансформация и индивидуализацию.*

Недостаточность научных исследований состояния и перспектив развития *дополнительного образования* детей и молодежи, требований к качеству и содержанию дополнительного образования детей и молодежи.

В настоящее время все более важным направлением является *дополнительное образование взрослых*, которое становится основным связующим звеном между системой профессионального образования и рынком труда, обеспечивая непрерывную адаптацию выпускников учреждений профессионального образования к постоянно изменяющимся социально-экономическим условиям.

Полученное *неформальное образование* практически не учитывается при трудоустройстве и продолжении обучения.

Основные формы и методы совершенствования *организации семейного воспитания* отражение в Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2021-2025 годы, а также в проекте Стратегии развития государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 года, проекте Государственной программы патриотического воспитания населения, соразработчиком которой является

Министерство образования. В целях повышения значения и совершенствования организации семейного воспитания при организующем участии школы планируется реализация проекта «Родительский университет», а также иных инициатив.

Несмотря на принимаемые меры, не снят вопрос *определения в детские сады по месту жительства*. Существует необходимость дальнейшей модернизации и обновления материально-технической базы УДО. В 2020 г. менее половины детских садов (47,9 %) были оснащены системами видеонаблюдения, на все детские сады республики приходилось всего 146 компьютерных классов и 245 интерактивных досок. С учетом вышеизложенного в 2021 и последующих годах в сфере дошкольного образования акцент будет сделан на обеспечении наиболее полного удовлетворения запросов семьи на образовательные услуги, обновление материально-технической базы УДО [4].

Важной задачей является создание *национальной системы оценки качества* дошкольного образования, новых подходов к итоговой аттестации учащихся, реализации индивидуальных образовательных программ в развитии профессионального образования, изменении формата вступительной кампании, исходя из преимуществ тестирования и собеседования.

Существует необходимость *оснащения УО специализированным современным оборудованием* для реализации программ объединений по интересам, учебными пособиями. В учреждениях общего среднего образования необходимо создание современной информационно-образовательной среды, учитывающей особенности и потребности развития каждого учащегося.

Отсутствует положительная динамика *расходов на поддержку выполнения в УВО научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ*, недостаточна эффективность внедрения в практику результатов инновационной деятельности и исследований, коммерциализации научных разработок, привлечения молодежи к преподавательской и научно-исследовательской работе, происходит старение профессорско-преподавательского состава и научных работников.

Необходима разработка научного обеспечения для приведения системы в соответствие с требованиями развивающегося рынка труда, информационной среды и технологий.

Согласно результатам исследования PISA–2018 белорусские учащиеся продемонстрировали более высокие результаты по сравнению с учащимися из стран с аналогичным уровнем дохода и выше средних показателей по странам Европы и Центральной Азии. Однако задания, направленные на применение учащимися усвоенных знаний, умений и навыков в различных жизненных ситуациях, аналогичные заданиям PISA, не отражены в компонентах учебно-методических комплексов по учебным предметам. Требуется совершенствования *механизм проведения итоговой аттестации выпускников*.

Необходимо также повысить качество системы здоровьесбережения, включающую организацию питания, занятия физкультурой и спортом, безопасность пребывания учащегося в учреждении образования.

Недостаток кадров, способных работать в новых условиях; *отсутствие механизмов поддержки, сопровождения и стимулирования профессионального роста педагогических работников системы образования*. Важным институтом в реформе должен быть педагогический состав, его потенциал и роль.

Практико-ориентированная подготовка кадров, в особенности по техническим, военным и медицинским специальностям требует *постоянного обновления содержания образования*, дорогостоящего оборудования, программного обеспечения, повышения квалификации педагогических работников, задействованных в образовательном процессе, что вызывает необходимость использования сетевой формы взаимодействия.

Требуют дальнейшего развития технологии *дистанционного обучения*. Необходимо ускорить материально-техническое обновление и модернизацию учебно-лабораторной базы УВО.

В отечественной правовой науке уделяется значительное внимание совершенствованию как самой системы образования, так и ее правовому регулированию. Многочисленные научные публикации посвящаются анализу организации учебного процесса в различных учреждениях образования, повышению его эффективности, широкому применению информационных технологий, внедрению интерактивных форм обучения, совершенствованию законодательства в области образования, исследованиям содержания различных аспектов права на образование, его соотношению с иными правами и свободами. Научные исследования носят как узконаправленный (преимущественно статьи) [5, 6, 7, 8], так и комплексный характер, например учебники и монографии по правам человека, среди которых авторские издания и труды с грифом Министерства образования [9, 10, 11, 12].

Таким образом, основной комплекс мер в сфере образования должен быть направлен на повышение качества национального образования на всех его уровнях и ступенях. Для этого должны предприниматься комплексные меры, включающие развитие смешанных форм обучения, сочетающих традиционное обучение с дистанционными формами; применение разнообразных методик обучения; вариативность учебных планов в соответствии с запросами обучающихся; самостоятельность учреждений образования в формировании учебных программ и выборе учебных пособий на конкурсной основе; формирование необходимых компетенций у педагогов; создание современной цифровой образовательной среды; академический обмен; разработку и внедрение эффективных механизмов финансирования системы образования; выработку согласованных подходов к оценке качества образования через систему международных программ и развитие независимых форм оценки и другое.

Список использованных источников:

1. Инчхонская декларация «Образование-2030»/ Режим доступа: <https://ru.unesco.org/node/250614>. – Дата доступа: 08.06.2021.
2. Цель 4 ЦУР: Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех / Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/education/>. – Дата доступа: 08.06.2021.
3. Дорожная карта Национального статистического комитета Республики Беларусь по разработке статистики по ЦУР/ Режим доступа: <http://sdgplatform.belstat.gov.by/sites/belstatfront/dashbord.html?dataset=4.c.1>. – Дата доступа: 07.06.2021.
4. Проект Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года/ Режим доступа: <https://edu.gov.by/proekt-kontseptsii-razvitiya-sistemy-obrazovaniya>. – Дата доступа: 10 июня 2021.
5. Шабалина, О.Л. Сравнительно-правовой анализ закрепления права на образование в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации/ О.Л. Шабалина // Правовые проблемы и пути их решения в условиях развития современного общества : материалы международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 23–24 октября 2015 г. / БГУ, Юридический фак. ; редкол.: Т. А. Червякова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – С. 52-53.
6. Шабайлов, Д.В. Право на образование: оптимизация организационно-правовых форм его реализации (сравнительный анализ) / Д.В. Шабайлов // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2008. – № 2. – С. 19-25.
7. Хаткевич, Н. Н. Сущностные свойства образования как предмета правового регулирования / Н. Н. Хаткевич // Проблемы історії держави і права України : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., присвеч. 90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо, Мінск, 18–19 сак. 2011 г. Мінск, 2011. – С.147-151.
8. Сивец, С.М. Научно-технический прогресс как фактор конституционно-правовой трансформации общества/ С.М. Сивец, Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь, VIII Республиканская научная конференция, Минск, 24 октября 2019 г. — Минск, 2019. — С.4-11.
9. Божанов, В. А. Права человека : курс лекций / В. А. Божанов. —2-е изд., перераб. и доп. — Минск : Дикта, 2008. — 191 с.
10. Шавцова, А. В. Право прав человека: ответы на экзаменационные вопросы: пособие для студентов юридических факультетов и специальностей, политологов / А. В. Шавцова. – 3-е изд. перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 240 с.

11. Права человека : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] (Шавцова А.В.); научн. ред.: С. А. Балашенко, Е. А. Дейкало – Минск: Юнипак. 2014. – 200 с.
12. Иванов, Г. И. Права человека : история и теория, ситуационные задачи, международное и национальное законодательство / Г. И. Иванов. — 3-е изд. — Минск : Дикта, 2011. — 359 с.

ПРИНЦИП ПОДЛИННОСТИ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

А.В. Шавцова,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права
Белорусский государственный университет
220020, Минск, ул. Ленинградская, 8. varfoloalla@gmail.com*

М.А. Козак,

*старший преподаватель кафедры истории и теории права
Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова
210030 г. Витебск, Московский пр-т 33. kozak_m@tut.by*

Выборы – один из основных институтов (элементов) представительной системы. Выборы служат, с одной стороны, проявлением воли народа, с другой – сложным организационным многоступенчатым процессом формирования представительных органов власти. Процедура их формирования зависит от различных объективных факторов: формы государства, территориального устройства, политического режима, государственной идеологии, отношения избирателей к власти в целом, социальных, экономических показателей развития страны и т.д.

Белорусское законодательство в области избирательного права опирается на международные нормы и стандарты. Основными международными ратифицированными документами, влияющими на порядок и процесс формирования представительных органов власти в Республике Беларусь, а также на содержание законодательного регулирования, являются: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств, Декларация о критериях свободных и справедливых выборов 1994 г., Всеобщая декларация о демократии 1997 г., Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1991 г. Документом, который оказывает влияние на национальное законодательство, но не ратифицирован Республикой Беларусь,

является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (протокол № 1, 1952 г.).

В указанных международных актах содержится общепризнанный каталог прав и свобод человека, который стал стандартом для внутригосударственного законодательства при формировании представительных органов. Нормы названных международных актов в определенной степени нашли свое закрепление в национальном законодательстве. Так, международное и национальное право образуют две различные правовые системы, объектом регулирования которых могут выступать одни и те же отношения. *Статья 8 Конституции гласит: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства».* Так, Г.А. Василевич пишет: «Признание приоритета общепризнанных принципов означает не что иное, как определение вектора развития всей правовой системы. С учетом общепризнанных принципов международного права должно осуществляться «наполнение» конституционных норм, определение их содержания» [1, с. 62]. Поддерживает такое мнение и В.Н. Кивель, заявляя, что «принципы должны пониматься в качестве «вектора» развития Конституции и законодательства» [22, с. 92]. Для включения международных норм в национальное право белорусское законодательство предусматривает интенсивную законодательную деятельность, в результате которой, по сложившемуся правилу, международные нормы действуют в виде нормативного акта, *который имплементирует их в национальную правовую систему.* Таким образом, для применения принципов избирательного права, закрепленных в международных (региональных) актах, необходимо их прямое введение в национальные нормы.

Принципы, рекомендуемые в международных актах для применения при формировании представительных органов, содержат в себе в первую очередь материальные (субъективные) принципы: всеобщности, равенства, тайного голосования и свободных выборов.

Второй, условно выделенный перечень принципов, относится к процессуальным (объективным, организационным) принципам, закрепляющим процесс организации и проведения выборов: периодичности (регулярные периоды (интервалы) выборов); подлинности (нефальсифицированность, честность выборов); транспарентности (открытый и гласный характер выборов); альтернативности (выборы, которые стимулировали бы политическую конкуренцию, состязательность). Указанная совокупность принципов и каждый в отдельности не нашли прямого отражения в белорусском национальном законодательстве, можно лишь говорить о косвенном.

Одним из принципов, который встречается во всех перечисленных международных документах, является принцип подлинности. Проанализировав международные документы, приходим к выводу, что *подлинные и справедливые выборы* – это выборы, которые проводятся в соответствии с уже

названными принципами, стандартами в области избирательного права, и подлинно отражают политическую волю народа. В международных документах, ратифицированных Республикой Беларусь, расширенное толкование термина принципа подлинности выборов раскрыто в статье 9 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств 2002 г.

Подлинность выборов включает в себя множество составляющих, таких как политический плюрализм, идеологическое многообразие, многопартийность, свободный доступ избирателей к информации о кандидатах, политических партиях, о процессе проведения выборов. Выдвигаются требования об использовании государственного языка, о проведении полноценной предвыборной кампании, о равных и справедливых условиях для регистрации кандидатов, по созданию условий обжалования официальных итогов голосования, результатов выборов.

С точки зрения обеспечения подлинности выборов посредством применения информационных технологий необходимо отметить следующие составляющие и требования Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: беспристрастность в освещении избирательной кампании средствами массовой информации, в том числе в сети Интернет, невозможность устанавливать юридические или административные барьеры для доступа к средствам массовой информации на недискриминационной основе для политических партий и кандидатов, формировать единый информационный банк данных результатов опросов общественного мнения, прогнозов, связанных с выборами, данные которого должны предоставляться участникам избирательного процесса, а также международным наблюдателям по их запросам для ознакомления или копирования, внедрение новых информационных технологий, обеспечивающих открытый характер выборов, повышающие степень доверия избирателей к итогам голосования и результатам выборов [3, с. 16, 52, 113, 133].

В тоже время конституционалисты и политологи по-разному трактуют данный принцип. Так, например, «подлинные выборы – это такие выборы, которые выявляют свободно выраженную волю народа и приводят к ее осуществлению» [43, с. 25]. В самых общих чертах подлинные (справедливые) выборы – это обеспечение создания равных правовых условий для всех участников избирательного процесса. Требования к подлинности выборов включают различные составляющие, уже закрепленные в белорусском избирательном законодательстве, например, статья 6 Избирательного кодекса Республики Беларусь: «Кандидаты, избираемые на государственные должности, участвуют в выборах на равных основаниях», что подразумевает под собой равные условия в избирательном процессе для всех кандидатов. Если будут соблюдены все условия подлинности выборов, то автоматически выполняются условия и справедливости выборов.

Принцип *подлинности* включает в себя также прозрачность и нефальсифицированность процесса подсчета голосов. В Избирательном кодексе оговаривается право «кандидата в депутаты присутствовать на участках для голосования при подсчете голосов избирателей». Все лица, имеющие статус наблюдателя, обозначенный в статье 13 Избирательного кодекса Республики Беларусь, имеют право «находиться в день голосования в помещениях для голосования с момента пломбирования или опечатывания ящиков для голосования до окончания подведения результатов голосования», что означает, что процесс подсчета голосов является достаточно прозрачным, чем обеспечивается открытость и гласность, транспарентность выборов.

В белорусском законодательстве предусмотрены средства реализации данного принципа через уполномоченные контролирующие органы, которые смогут восстановить нарушенные составляющие принципа подлинности. К ним относятся Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (Центральная комиссия), Областные, Минская городская, районные, городские (в городах областного подчинения) поселковые, сельские территориальные и окружные избирательные комиссии по выборам Президента Республики Беларусь, депутатов местных Советов депутатов, по референдуму, по проведению голосования об отзыве депутата, а также суды, органы прокуратуры, Министерство юстиции. Перечисленные органы имеют достаточно широкий круг полномочий по контролю за законодательством в сфере избирательного процесса.

Таким образом, закрепляя законодательно общую формулировку принципа подлинности выборов, можно одновременно «узаконить» основные его составляющие – честность или нефальсифицированность, справедливость выборов. Подлинность выборов представительных органов государственной власти является важнейшим элементом демократии, служит правовым основанием легитимности органов власти.

Предлагаем дополнить гл. 2 Избирательного кодекса статьей «Подлинные выборы», имплементировав основные признаки подлинности, закрепленные в статье 9 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств 2002 г., в белорусское законодательство. Предлагается следующая формулировка: «При подлинных выборах обеспечивается политический плюрализм, свободное волеизъявление избирателей и справедливые равные единообразные условия для кандидатов, без ограничений дискриминационного характера, свободный доступ к достоверной информации и при необходимости эффективный процесс обжалования итогов и результатов голосования».

Таким образом, для реализации основного принципа формирования представительного органа – выборности – недостаточно закрепления классической структуры принципов, ее нужно конкретизировать и дополнять. Считаем, что необходимо закрепление на законодательном уровне принципов периодичности, альтернативности и подлинности.

Список использованных источников:

1. Василевич, Г.А. «Значение Конституции и международных договоров Республики Беларусь для правотворческой и правоприменительной деятельности». Право Беларуси. № 1 – (2003): С. 62–67.
2. Кивель, В.Н. Соотношение международного и национального права в области закрепления и защиты прав человека// Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. –№ 1. – (2005): 91–97.
3. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств: Документы и материалы / Отв. ред. доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации В.И. Лысенко. – М.: РЦОИТ, 2008. – 528 с.
4. Выборы: правовые основы, избирательные технологии: науч.-правовое и практ. пособие / С. А. Альфер, И. И. Бугрова, А. Е. Вашкевич [и др.]; отв. ред. С. А. Альфер; науч. ред. М. Ф. Чудаков; Бел. центр конституционализма и сравн.-правовых исслед. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: ООО «Тесей», 2000. – 303 с.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Т.З. Шалаева

*Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент*

*Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
224023, Беларусь, г. Брест, Бульвар Космонавтов, 21
t.shalaeva@mail.ru*

В Конституции Республики Беларусь в части 1 статьи 49 закреплено право каждого на образование, которое относится к числу прав человека, признанных международным сообществом, о чем указывает статья 26 Всеобщей декларации прав человека, а также статья 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Отметим, что на развитие конституционных норм о праве на образование направлен Кодекс Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс), который предусматривает правовой механизм реализации и защиты указанного права.

Кроме того, в Кодексе нашли развитие положения многосторонних международных договоров по вопросам образования, участницей которых является Республика Беларусь. К ним относятся три важнейших конвенции: Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, Конвенция ООН о борьбе

с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 года, Конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах региона Европы от 21 декабря 1979 года.

В то же время нормативно не закреплено цифровое развитие образовательной деятельности в современных условиях цифровой трансформации. К слову заметим, что лишь в статье 17 Кодекса есть упоминание о дистанционном образовании как виде заочного образования с использованием коммуникационных и информационных технологий.

На сайте Министерства образования выставлена информация о разработке и реализации с 2018 года проекта «Цифровой университет» на базе 8 вузов республики, основными компонентами которого является формирование и развитие инфраструктуры и инструментов доступа к информационным ресурсам; внедрение информационно-коммуникационных технологий в образовательном и воспитательном процессе, в том числе в дистанционном образовании; цифровизация процессов управления университетом (бизнес-процессов) [1].

На официальном сайте Главного информационного центра Министерства образования Республики Беларусь во вкладке «Программы» представлены 12 государственных информационных систем и ресурсов, включающих базы данных о детях-сиротах, об одаренной молодежи, а также электронное образование, как в учреждениях общего, так и высшего образования и др. [2].

Названные программы находятся на начальном пути формирования контента и предназначены для повышения оперативности сбора и обработки статистической отчетности в системе образования, ее контроля и аналитики. Как отмечается в Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 - 2025 годы» в части цифровой трансформации сферы образования проведены работы по подготовке к разработке и формированию республиканской информационно-образовательной среды - основы для формирования единого информационного пространства отрасли, базового элемента проекта «Электронная школа».

По предварительным оценкам доля учреждений образования, охваченных проектом «Электронная школа», по итогам 2020 года составляет 80 процентов. Созданы и постоянно обновляются электронные образовательные ресурсы (учебные издания, учебно-методическая документация образования и иные обучающие материалы) [1].

Для автоматизации рабочих процессов в учреждениях образования используются различные сервисы, в том числе программные продукты в общедоступном поле. В учреждениях общего среднего образования применяются сервисы «Электронный журнал/дневник», апробируются системы контроля управления доступом в здания. Выполняется модернизация материально-технической базы учреждений образования (оснащение персональными компьютерами, интерактивными досками, системами видеонаблюдения).

По сути, речи о создании цифровой образовательной среды в современном понимании образовательного процесса пока нет. Беларусь находится на первом этапе эмпирического сбора и хранения первичной информации об учреждениях образования и участниках образовательного процесса, электронных материалах учебных дисциплин.

В качестве проблем развития цифровой образовательной среды можно выделить, прежде всего, человеческий фактор, затем организационно-правовой и материально-технический факторы.

Под цифровой образовательной средой большинство специалистов понимают открытую совокупность информационных систем с возможностью обеспечения образовательного процесса по решению современных задач обучения и воспитания в целях освоения содержания образовательных программ.

В условиях цифровой трансформации основными цифровыми инструментами называют: технологии распределенного реестра (блок-чейн), смарт-контракты, искусственный интеллект, дополненная реальность, интернет вещей, облачные технологии, большие данные, образовательные платформы и другие. В качестве правовых понятий отдельные цифровые инструменты определены в Декрете Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики», но их явно недостаточно.

Кроме того, в образовательной среде возможно использование и уже активно применяются на практике профессорско-преподавательским составом такие цифровые инструменты как: системы дистанционного и удаленного обучения, блоги и мессенджеры, вики-технологии, системы коллективной командной работы, электронные дискуссии и форумы. При этом цифровые средства не имеют ограничения в применении локальных доменных пространств с тренажерами и симуляторами, электронными онлайн-тестами и офлайн-заданиями, различных мультимедийных сервисов и социальных сетей, информационно-поисковых систем и т.п.

И в этой связи выделяются преимущества цифровой образовательной среды: индивидуализация обучения, как по скорости, так и объему подачи традиционного учебного материала, использование индивидуальной учебной траектории, наглядность визуализации и доходчивость восприятия, персональная детализация получаемых знаний, синхронизация обучения и воспитания без привязки к физическому месту, неограниченный по времени доступ к хранилищам учебных материалов, экономия времени и средств, гибкая управляемость образовательным процессом и др.

В качестве примера анализа в условиях цифровой трансформации исследуем правовое состояние образовательного процесса по юридическим специальностям.

В Республике Беларусь для получения высшего юридического образования различных специализаций в зависимости от учебной дисциплины разработаны соответствующие образовательные стандарты с перечислением

основных знаний, навыков и умений, которыми студент по окончании должен овладеть.

Освоение юридической дисциплины должно обеспечивать формирование компетенций в соответствии нормами Общеобразовательного стандарта высшего образования ОСВО 1-24 01 02-2013, третьего поколения стандартов высшего образования.

В основном требования предъявляются к академическим, социально-личностным и профессиональным компетенциям. Однако в этих стандартах не предусмотрены современные навыки, умения и знания, необходимые для интенсификации цифровых образовательных компетенций, способствующих современному обучению студентов и дальнейшему применению в профессиональной юридической деятельности новейших ИКТ.

В Европе приняты рекомендации о ключевых компетенциях в период цифровой трансформации, которые направлены на определение так называемой «цифровой компетенции», представляющей собой: «уверенность, критическое и творческое использование ИКТ для достижения целей, связанных с работой, занятостью, обучением, отдыхом, участием в жизни общества и экономики цифровых компетенций».

Ключевые компетенции и навыки в период цифровой трансформации образования должны быть выработаны как у профессорско-преподавательского состава (ППС) и студенческого сообщества, так и у административно-управленческого персонала.

Для студенчества и ППС должны быть предусмотрены *общие* требования к компетенциям и навыкам:

- повышение информационной культуры (ИТ-культуры, сетевой культуры) посредством обучения основным компетенциям и навыкам образовательного процесса в сети. Изучение феномена информации, информационных ресурсов, представленных в сети Интернет через приобретение базовых компетенций по идентификации, аутентификации посредством ЭЦП либо через пароль в личном кабинете и т.п.; умение определить местонахождение, основные функции и преимущества геолокации, использование GPS и т.п.; устойчивые навыки пользователя цифровой информации: поиск, хранение, загрузка, выгрузка, систематизация, анализ и т.п. сетевой информации в зависимости от реализуемой задачи.

- приобретение умений и навыков сетевого общения, соблюдения правил сетевой коммуникации, использование социальных сетей, образовательных платформ и экосистем, обучающих приложений, совместное использование информационных ресурсов через современные цифровые инструменты, участие и сотрудничество университетских сообществ, юридических факультетов, юридических клиник и т.п.

- приобретение профессиональных компетенций, связанных с созданием высокотехнологичных текстов с использованием мультимедийных инструментов, преимуществ электронного документа в полном объеме с возможностью интеграции с электронным правосудием, электронной

адвокатуры и т.п., позволяющих применять меры защиты прав на интеллектуальную собственность через лицензионные договоры и т.п.

- приобретение знаний по обеспечению индивидуальной защиты персональных данных в Интернет-сети; умений защиты собственных баз данных; навыков безопасной работы с облачными сервисами и т.п.

- приобретение базовых навыков и умений по разрешению проблем с использованием сетевых и иных приложений и сервисов; безопасная эксплуатация программно-аппаратных средств и т.п.

- постоянное обновление своих компетенций в цифровой среде через повышение заинтересованности и актуализации мотивации успешного применения цифровых инструментов в образовательном процессе.

Современное студенческое сообщество (поколение Z, цифровые люди) значительно превосходит ППС в скорости освоения ИКТ, наличием разнообразных цифровых компетенций и неплохо развитых навыках сетевых коммуникаций.

В связи с чем, студентам цифровой трансформации сложнее, а подчас критично неинтересно воспринимать учебный материал в традиционной форме: преподаватель транслирует длинный устный текст, а студенты его конспектируют либо делают вид, что слушают.

Кроме того, ключевыми компетенциями в образовательном процессе, недостающих студентам юридических (иных) специальностей в период цифровой трансформации являются:

- навыки работы с юридической (иной профессиональной) информацией в справочно-поисковых системах, выделение достоверной информации, критичное отношение к фейковым ресурсам.

- умения подбирать и использовать в обучении качественные образовательные информационные ресурсы сети, облачные и иные сервисы и приложения, профессиональные мультимедийные инструменты и т.п.

- навыков ведения дискуссий, прений, презентаций по заданным темам посредством онлайн трансляций.

- знаний мировых тенденций развития и правового обеспечения информационного общества, основных подходов к становлению и развитию электронного государства, электронного правительства, электронного обучения, электронного здравоохранения и т.п. и, что важнее, роли цифровой трансформации в судебной, правоохранительной системах, юриспруденции в целом.

- навыки сетевого этикета и культуры, цифровые навыки кибербезопасности, защиты цифровых прав в сети и т.п.

В отношении административно-управленческого персонала университетов, юридических факультетов представляется необходимым сформировать государственную программу подготовки современных менеджеров с развитием системы цифрового маркетинга.

Эффективным видится интеграция отдельных факультетов, служб в единую современную систему взаимодействия с абитуриентами, студентами,

ППС, государственными органами и иными лицами на основе сетевых сервисов коммуникации с целью повышения имиджа университета, разработки и внедрения персонализированных учебных программ с различным набором дисциплин и сроков их освоения посредством сочетания цифровых образовательных платформ, экосистем и традиционных методов обучения.

Выводы. На основании изложенного представляется целесообразным в период становления и формирования цифровых компетенций в образовательном процессе внести изменения и дополнения в Общеобразовательный стандарт высшего образования ОСВО 1-24 01 02-2013.

На ближайшую перспективу разработать государственную программу «Цифровая образовательная среда Беларуси». На основе программ предусмотреть развитие правотворческой деятельности по дополнению и изменению законодательства в образовательной сфере, направленную на внедрение новых цифровых форм обучения и формирования новых цифровых компетенций у молодого поколения наряду с традиционными формами образовательной деятельности.

Список использованных источников:

1. Цифровой университет / Мин-во образования Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.by/news/vremya-diktuet-povue-formy-raboty/?sphrase_id=209301. – Дата доступа: 25.03.2021.
2. Программы / Главный информационно-аналитический центр Мин-ва образования Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.giac.by/programmy/school_vishee_obrazovanie.php. – Дата доступа: 15.10.2020.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Анциферова Э.Ю. ПРАВОВОЙ СТАТУС СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....	3
Белявцева Д.В. ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	9
Валевко А.С. К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ).....	15
Василевич Г.А., РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	18
Вознесенский В. В. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛОКАЛЬНЫХ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СИСТЕМЕ МОНИТОРИНГА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	25
Дашкевіч А.Л. СЕТКАВЫЯ СУПОЛЬНАСЦІ Ў ІНФАРМАЦЫЙНАЙ ПРАСТОРЫ: АСОБНЫЯ АСПЕКТЫ КАНСТЫТУЦЫЙНА – ПРАВАВОГА РЭГУЛЯВАННЯ Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ	31
Демичев Д.М. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	36
Каспирович-Шумак А. А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	41
Киселёва Т. М. ПРИНЦИП ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	45
Козак М.А. СОЗДАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОТКРЫТОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	50
Кочерга О.Р. РОЛЬ ПИРИНГОВЫХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ ФИНАНСОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	57
Кузьменкова Т.Н. ВСЕОБЩИЙ ДОСТУП К ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ.....	61
Луцьянчик Н.С., Абламейко М.С. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	67
Маркевич Д.С. ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКО-ПРАВОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ	72
Масловская Т.С. ОТРАЖЕНИЕ ЦУР ООН 16 В АКТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ	77
Олесько С.С. ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	82
Орлов П.Н. ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПОТЕНЦИАЛ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ	85
Сенкевич А.Н. ИНСТИТУТ СОГЛАСИЯ НА МЕДИЦИНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В РЕАЛИЯХ ЛЕЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ	89
Скобелев В.П. СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА СЛУЖБЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФИКСИРОВАНИЮ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ	94

Соловьёв П. В. ЦИФРОВОЙ НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН	101
Тиковенко О. А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ЕЁ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ	105
Чешко В.Ю. ПРАВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ДОСТУП К ЕДИНОМУ БАНКУ ДАННЫХ О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ.....	110
Шавцова А.В РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ № 4 «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВСЕОХВАТНОГО И СПРАВЕДЛИВОГО КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПООЩРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОБУЧЕНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЖИЗНИ ДЛЯ ВСЕХ» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	116
Шавцова А.В., Козак М.А. ПРИНЦИП ПОДЛИННОСТИ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	132
Шалаева Т.З. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	136